

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №11 ГАЗЕТА

Александр Леонидов / Ключ от Ничего

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов Александр Леонидович)

Родился в Уфе в 1974 году. Окончил исторический факультет Башкирского государственного университета.

Его журналистская и литературная практика началась в республиканской газете «Истоки» в 1994 году. Здесь была опубликована его первая повесть «Объятия Богомола».

Автор восьми книг, нескольких сотен статей, очерков, интервью. С 1999 по 2002 год — корреспондент газеты «Известия». С 2005 года — редактор газеты «Предприниматель Башкортостана».

Член Союза писателей России и Башкортостана, член Союза журналистов России. Член редколлегии, постоянный автор и колумнист многопрофильного издания «День Литературы» (Москва).

Первая книга дилогии — роман «АПОЛОГЕТ» — опубликована в «Роман-газете» в №№ 7, 8 за 2020 год.

Церемония награждения победителей ежегодной Литературной премии Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и журнала «Роман-газета»

В Москве состоялась торжественная церемония награждения победителей и лауреатов ежегодной Литературной премии Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. В мероприятии приняли участие Председатель Жюри Премии, Председатель партии, руководитель фракции «СР» в Госдуме Сергей Миронов, Председатель Оргкомитета Премии, член Президиума Центрального совета партии, руководитель организационного аппарата Премии Руслан Татаринов, член Комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции, депутат фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» Николай Рыжак, первый заместитель председателя Комитета ГД по культуре, заместитель руководителя фракции «СР» Елена Драпеко, член Центрального совета Партии СР, Заслуженный артист РФ Владимир Конкин, главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов. Ведущим мероприятия выступил Заслуженный артист России Сергей Шустиккий.

Перед началом мероприятия Руслан Татаринов, Елена Драпеко

и Николай Рыжак возложили цветы к памятнику писателю Федору Достоевскому у здания Российской государственной библиотеки. В этом году исполняется 200 лет со дня рождения писателя.

Сергей Миронов в своем выступлении напомнил, что церемония проводится уже в шестой раз и выразил уверенность в том, что она будет проводиться и дальше. «Когда мы объявляли премию шесть лет назад, мы назвали ее «В по-

исках правды и справедливости». А сегодня я Председатель Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ». Иными словами, мы объявляли конкурс патриотической прозы, поэзии и публицистики, а теперь у нас партия так называется», — отметил он. Николай Некрасов, — продолжил Сергей Миронов, — родился в один год с Федором Достоевским. Он открыл читателям этого великого писателя,

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №11 /1880/ Основана в 1927 г.

Александр Леонидов

Ключ от Ничего

Роман

Пролог

Пытаясь убежать от участи наследника многомиллиардного состояния и всех связанных с этим ужасов, Яков Витальевич в 2003 году, когда ему исполнилось двадцать лет, принял девичью фамилию своей матери. И стал Яковым Шумловым. Та, которой это должно было больше всех польстить, не одобрила:

— Библейский Иона за такое попал во чрево кита... Такими уловками, Яша, ты делаешь себе только хуже... Боюсь увидеть тебя несчастным Иоанном Антоновичем¹. Твой отец, Якорёк, — моя ошибка, но для тебя — уже судьба...

* * *

Под самый занавес 1999 года в прозекторской, пустой и страшной, где мощные лампы преломлялись лучами о зеркальную оцинкованную поверхность столов, на первый план перед группой высших сановников страны вышел биотехнолог Виталий Терентьевич Совенко.

И протянул, безлико, по принципу, «кто первый возьмёт» — похожий на студийный, в мягкой оплётке, микрофон. Затем нажал кнопку, и отъехала шторка. За шторкой, за офисным столом в деловитой позе, склеенной трупным окоченением тканей, сидел некий силуэт в торжественно-мрачной похоронной одежде. Смутно просматривались явные признаки разложения — это было допущено для убедительности зрелища.

Генералы и министры молчали. Долго. Недоумённо. Испуганно.

— Прошу вас! — почти умоляющим тоном возопил уставший ждать Совенко. — Говорите в микрофон... что-нибудь...

— А он?!

— А он повторит...

Тогда Премьер, вспомнив самодеятельные концерты в «нежном возрасте», дал на микрофон первую, пробную волну, как в советских школах полагалось:

— Раз, раз, раз...

Мертвец за столом, нашпигованный анимационной аппаратурой, разлепил синие, цвета дохлых дождевых червей, губы и каким-то нечеловеческим, инопланетным, а может просто трупным, голосом повторил за Премьером:

— Раз, раз, раз...

— Работает! — перешёптывалось и переглядывалось общество высших офицеров умирающей Державы. — Виталий Терентьевич, он скажет всё, что нужно?

¹ Иван VI (Иоанн Антонович) (1740–1764) — российский император-младенец, который был свергнут, а через много лет и убит охраной.

— Он ничего не скажет — отрезал биотехнолог. — Он умер. Он повторит за вами. Повторит всё. Но говорить придётся вам...

— Я устал... Я ухожу... — похулиганил будущий Президент в микрофон. И труп послушно выговорил утробным гласом из могилы:

— Я устал... Я ухожу...

— «Марionет» работает по такому же принципу, — объяснил Совенко, тайными ночами сотни раз репетировавший лаконизм своих речей для сего случая. — Он гораздо лучше бальзамирован, чем этот... Но я специально не стал бальзамировать этого — чтобы вы видели нагляднее, как работает система зомби-президентства.

— Получается, удалённая студия подключена, как к ретранслятору, к его губам? — уточнил будущий Президент.

— Не только к губам. Там на проводах вся система звуков речи. Лёгкие с бронхами и трахеей, гортань, глотка, язык... Ну, и губы, способные выполнять различные артикуляции...

— Тонкая работа, — восхитился Адмирал, стоявший за плечом Премьера. — Умеют американцы мастерить, потомки Эдисона и Форда! Великие мастера...

— ...масонской ложи!

— И это — тоже...

— То есть мы переподключаем Кадавра на наш пульт... — снова уточнил заметно нервничающий Премьер. — И он говорит всё, что мы скажем?!

— Только не кричите у микрофона хором... — посоветовал со зловещей улыбкой зомби-мастер Совенко. — Случаи были, так Кадавра тиком било, и его может замкнуть...

— Мы будем очень осторожны...

— И старайтесь говорить раздельно, медленно и однотонно! — продолжал Совенко инструктаж. — Помните, что имеете дело с органами речи мертвеца, а не оперной дивы... Как бы ни бальзамировали их американские операторы, они всё равно в полурасложившемся состоянии...

— Это — само собой! — непонятно про что, но с повышенной готовностью кивнул Премьер.

— Теперь другой вопрос! — влез Генерал Армии, с морщинистым лицом, похожим на редьку корнем книзу. — Что после отречения¹ делать с Кадавром?

¹ Автор намекает на многочисленные «странности» ухода Б. Ельцина в 1999 году. Человек, который ради личной власти не щадил никого и ничего, включая и самого себя (плясал с инфарктом) — вдруг ушёл до срока. Уточнил, что уходит «не по состоянию здоровья, а по совокупности всех проблем», и почему-то вдруг попросил прощения у граждан России. В своих мемуарах участники все, как один, говорят, что ничего не знали до последней минуты. Даже секретарь Совета безопасности говорит: «Мне за полчаса позвонили, пригласили...» И не рассказывает: кто звонил, кто приглашал. Между тем речь идёт о передаче ядерного чемоданчика, и секретарь Совета безопасности просто обязан был быть заранее в курсе. «Отрекавшие» Ельцина очень торопились. По их же словам вся процедура передачи власти прошла за 30 минут (!). Всякий, кто имеет касательство к государственным делам, понимает, что первое лицо не может передать власть внезапно, ни с того ни с сего.

— Самый разумный вариант, — пожал плечами академик-консультант, — подержать его ещё несколько лет...

— Живым?!

— Ну как он может быть живым, если он уже мёртв?! — даже рассердился на такую непонятливость Совенко. — Подержать его функциональным, заспиртованным...

— Зачем?

— Ну, примерно два раза в год он будет делать какие-нибудь заявления ни о чём... — прищурился Виталий Терентьевич. — Чтобы весь мир видел, что он жив, здоров и невредим и ушёл от власти не под давлением... Что, кстати, истинная правда...

— Да?!

— Да. Скажу как медик: если у трупов и можно говорить о желаниях, то единственное их собственное желание — полный покой. Труп нельзя насильно отстранить от власти. Его можно только насильно привести туда... Что они и сделали... Если бы Кадавр мог говорить сам по себе, он бы вам высказал искреннюю благодарность... Но меня мало волнует благодарность покойного, больше волнует меня другое, господа офицеры...

— Что именно? — поднял чуткую бровь Премьер.

— Что дальше?

— Ну, господин Совенко... Америка видела капитализм без России, а мы его видим с Россией в центре. Других расхождений у нас с ней нет!

— Но чтобы закопать друг друга — хватит и этого?!

— Думаю, да. Одного этого вполне хватит...

— Но я бы хотел, — «расчехлился» Совенко, — чтобы расхождений с Западом у нас было побольше.

— Об этом, Виталий Терентьевич, мы с вами поговорим после победы. И если живы останемся...

Где же долгая череда совещаний, согласований, подготовительных мер, обеспечивающих процесс? Чиновники знают, как распространена в их кругах «подстава» — проверка на лояльность. Поэтому первая реакция любого карьерного сановника автоматическая, как инстинкт, — активные уговоры «не осиротить». Опытные аппаратчики не могли таких азоров не знать! Но они молчали и давили присутствием. По хронологии, предлагаемой официально, секретарь Совбеза, «ничего не зная», вошёл к Ельцину в половине одиннадцатого — а в двенадцать уже отснятый ролик с отречением крутили федеральные телеканалы. Когда, кто и с кем успел бы его согласовать?! И почему именно Новый год? Почему не месяцем раньше или месяцем позже? Может быть, потому, что Новый год — самое пьяное и глухое время в России, когда за политикой много дней никто не следит? Есть и другие свидетельства. Близкие к Семье люди, друзья, члены президентского Совета возмущались, что их Кумиру «закрыли рот» после ухода с поста, подозревали договоренности в ходе «передачи власти», связавшие и руки и язык. Только один пример: Мариэтта Чудакова, многолетний соратник и даже друг ельцинской «семьи», член его президентского совета, в газете «Ведомости» возмущалась: «После смещения с поста Ельцина закрыли рот». Ведущий обозреватель «Ведомостей» М. Трудолюбов немедленно согласился с Чудаковой: «Ушел Ельцин, он все эти семь лет ничего не говорил практически. Там было... чуть-чуть... А в общем-то полное молчание. Возможно, были договоренности... потому что он добровольно отдал власть...» — гадает Трудолюбов. «Да-да!» — торопливо кивает Чудакова...

* * *

С тех пор минуло порядочно лет. Никто, старея, не становится бойчее, и Виталий Терентьевич Сovenко не исключение. На кремлёвском торжественном закрытом приёме, как растяпа, как неряха, выронил из рук баклажанный рулетик! Да так неловко, что запачкал шерстяной габардин своих добротных, но старомодных брюк. Без лишнего шума, не привлекая внимания, вышел в туалет, воспользовался матерчатой салфеткой у раковины, чтобы почистить ткань от маслянистых разводов...

Многое помнил Сovenко о старых традициях кремлёвских банкетов. Всплывали в памяти осетры-великаны в полстола, румяный, глянцевоый, словно бы лаковый, фаршированный цельный поросенок, заливные языки в растяжку с морковными розочками, могучие, крытые ажуром взбитого пеной масла судаки, каждый с жареным каштаном в пасти. Глухари, запечённые «с пером», но как живые, и числом до сотни, стояли тогда на длинных столах, таили в себе сладкие начинки из кураги, чернослива и яблок.

Вспоминались старому царедворцу и ледяные икорницы в форме кремлевской стены. Спаяв икру льдом, флорентийские крепостные умельцы потом вытаскивали ее специальными кулинарными пилочками. Царь-рыб в лимонных и зеленных кружевах подавали на стеклянной подставке, внутри которой плавали маленькие живые рыбки. Те давние, длинные столы кремлёвские старожилы называли «кораблями» — не столько по форме, сколько по размеру: ведь не столешница у них, палуба!

Вместе со страной уплыли по течению реки Леты и эти «корабли». Взамен появились, как в ресторанах, круглые столы и мягкие полукресла. Всё порционно, а в центре столов только декоративное прикрытие от пустоты: маленькие пирожки и немного фруктов. Меньше стало водки, коньяка — гораздо больше вина: куда поживе прежнего пошло начальство!

Слабенькие вина, выдающие себя за «великие», были теперь заграничными. А Сovenко помнил на их месте «Хванчкар», и «Самтрест», и номерные вина, на этикетках которых с бесхитростным умиляющим бюрократизмом значилось: «Грузинское вино №...», как будто дело в этой канцелярии! Было, помнится, вино в бутылке, отлитой как виноградная гроздь из тёмно-синего стекла. Этикетка приклеивалась асимметрично сбоку, в виде виноградного листка. А были ещё таинственные упоительные бальзамы в керамических красно-белых, с позолотой, пузатых кувшинах, похожих на заварочный чайник, только без носика... Где они? Уж и не вспомнить их имён-марок...

Теперь блюда всё больше «французили», из старого русского застолья оставили только осетрину, белорыбицу, для смеха и ностальгии — селедку под шубой. Да «и те уж не те».

— И ты не тот... — пожаловался себе Сovenко. — Чать, при Леониде Ильиче брюки масляными брызгами не обделал бы... Тогда ловчее всё обделывал...

Как раз посредине прозаичного занятия по приведению себя в порядок в туалет вломились «личники» — охрана Президента, и стали осматривать кабинки, не обращая на академика никакого внимания.

— Что-то случилось?! — из вежливости поинтересовался Сovenко. Но «личники», дразнимые чиновным людом «личинками», вообще-то люди неразговорчивые, они же присягу приносят, подписку дают. Они, как народ у Пушкина, «безмолвствовали». А когда удалились, то взамен вошёл Президент, собственной персоной. И стало понятно, что его охрана «вдруг-вокруг» унитазов вынюхивала...

У Президента есть, конечно, свой туалет, особый, но ему до этого обшача, с тремя писсуарами, ближе, да и вообще... он по натуре демократ... Все его придворные сопровождаемы холуями, чтобы зонтики над ними в случае дождя открывали, а Президент свой зонтик при себе носит и сам держит. Мелочь, а приятно, как говорится...

Президент был разговорчивее своих «личинков»:

— Что вы тут, Виталий Терентьевич? Проблема какая?

— Проблема моя, господин Президент, обычная старческая неопрятность... Брюки вон запачкал, оттираю, пока конфуза не заметили...

Президент ушёл в левую кабинку, в обычные дни предназначенную для кремлёвских клерков третьей руки. Банально-пластиковую, хоть в такое трудно поверить в Кремле! Жаждал там общечеловеческой обыденностью. Первое он лицо или даже нулевое — а всё равно ведь человек... В таких местах это особенно остро понимаешь, потому, наверное, для всех Президентов в мире делают засекреченные индивидуальные сортиры...

— Вы же один из богатейших людей России, — поддерживал Президент светскую беседу, игриво памятуя, что снисходить — монаршая вежливость. — Купите себе новые штаны, Виталий Терентьевич, за чем вам возиться-застирывать?!

— Лишнее мне ни к чему, господин Президент. Я старый. Я думаю, мне этих до конца хватит. Я скоро умру. Может быть, это и хорошо, что скоро. Не хочу пережить свою страну...

— Неужели вы в вашем возрасте считаете, что можете Россию пережить?! — Президент всё ещё шутил балагурливо, но нотки балагурства стали заметнее жёстче.

— Я глава корпорации. Обязан уметь считать.

— Вы думаете, у моей политики совсем никаких перспектив? — вышел Президент к раковинам и сушилке для рук, сердито застёгиваясь.

— Я изложил в меморандуме...

— Читал я ваш меморандум.

Президент больше не источал радушия. Он сочился жуткой ледяной колкостью, некой отчётливо повисшей в воздухе, словно сигаретный дым, опасностью для неосторожного собеседника.

— Я...

— Да что вы?! Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны... Все горазды судить — там не так, здесь не эдак, пятое несправедливо, десятое неэффективно... Будет грузчик поучать балерину, что на пуантах работать неудобно! Думаете глаза мне открыть? Думаете, не знаю?!

И Президент неожиданно процитировал классику:

Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабят...

— Вполне уместно! — верноподданнически поддакнул Виталий Терентьевич.

— Только не предлагайте своих! — предостерегающе преградил ладонью дорогу неосторожному слову Президент. — Всякий начинает разговор со мной с того, что мои кадры — дерьмо, а заканчивает тем, что подсовывает собственное дерьмо... Устал с того... Давайте не будем...

— Не будем! — пообещал Совенко.

— А тогда что?! — напирал голосом, гулко отзывавшимся в кафельных стенах, Президент. — Другой народ имеете ко мне? Имеете ко мне другое войско?! Неужели вы думаете, что я не знаю, где у меня несправедливо, а где неэффективно? Но вы же умный человек, вы должны понимать, что у меня простых решений нет...

— Значит, нужны сложные, — стоял на своём старый упрямец с мокрой матерчатой салфеткой в иссохшей от возраста руке.

— Да. Нужны. Вы же биотехнолог... — вкрадчиво, но с внутренним рычанием, не обещающим ничего хорошего, начал Президент. — Говорят, вы творите чудеса... Ну так сделайте чудо для меня, Виталий Терентьевич! Воскресите хотя бы сто тысяч сталинских орлов в синих фуражках, чтобы работали за идею!

— К сожалению, такого даже я не могу...

— Вы все меня осуждаете и не хотите понять, что по периметру съёжившихся границ стоят гиены. Ждут дожрать, что уже наполовину сожрано до меня...

— Вот это я прекрасно понимаю, господин Президент! Как и любой вменяемый адекватный человек в нашей...

Президент, зло гуляя желваками, не дал старику договорить. Рывнул по восходящей интонации:

— И вот против этой стаи, у которой слюна с клыков... как весенняя капель... Звенит аж... У меня никого, кроме раскормленной приватизаторской сволочи! Потому что народ сгнил, вы понимаете это?! Как биолог, должны понимать...

Он был поистине страшен, раскрываясь, отливая чернотой слов:

— И у меня на всё про всё — только псарня. Своира жадных, наглых варягов, которые с меча едят... И пока я их кормлю, они меня — рычат, да терпят... А если я их не накормлю... За счёт народа — а за чей ещё?! Эта же свора меня и разорвёт!

Что-то прилило и отхлынуло, как апоплексический удар в ароматизированном воздухе с апельсиновыми запахами...

А потом Президент вдруг очнулся, опомнился и рассмеялся, оглядевшись:

— Нашли мы с вами, где будущее обсуждать! Вот потеха! Нарочно не придумаешь! Идёмте-ка лучше к столу!

* * *

А за столом — точнее, за круглыми столиками, шёл разговор, как улучшить имидж российской власти на Западе. Точнее, не шёл, а агонизировал: уйдя в схоластические тернии, безнадежно там заглох.

Совенко, более уверенный в своих брюках, ставших относительно чистыми, рискнул встать, руки в карманы, выставляя их на обозрение бомонда, и разругать гордиев узел.

— А что вы сидите и гадаете? — скрипуче поинтересовался. — Возьмите да и спросите у них...

— Спрашивали уж, — откликнулся один из «войска — дряни». — Сто раз. Не отвечают.

— Ну, — пожал плечами академик, — прямым текстом не отвечают. А эзоповым языком — довольно внятно отвечают на каждый запрос.

— И? — робко выглядывал титулованный собеседник из-за жёлтого колпака декоративно-малой настольной лампы.

— Капитуляция. Полная и безоговорочная. Вы зря их, там на Западе, усложняете, они же очень просто мыслят. Если вы терпите всё, что они выдумали, — то вы демократы. Не отдаёшь им всего на откуп, пытаешься им в чём-то возражать — значит, злой тиран.

— А смысл?

— Ну как?! Они же, как последняя левацкая сволочь, — тоже хотят «дать людям всё». Своим людям. Но, в отличие от леваков, они знают, откуда брать на раздачу. Отнять своим у чужих.

— А есть иной путь?

— Есть. Взять людям всё из Ничего. Как в песне про Учкудук, где «город-красавец в пустыне возник». Но это трудно. Очень трудно. «Ключ от Ничего» — это, скорее, не ключ, а набор отмычек, требующий от взломщика огромного интеллектуального искусства. Дать одним всё, отняв его у других, — конечно, проще и особого ума не требует... Для того, кто ищет дешёвой популярности, — это линия наименьшего сопротивления. Они просто возьмут всё у нас и передадут своим. И тем купят себе ещё несколько лет гегемонии...

Разговор этот в «ближнем кругу» начался давно. Давно и, надо сказать, беспомощно, потому что те, кто вёл разговор об «имидже на Западе», родовой травмой несли в себе непреодолимые логические противоречия. И Совенко был им чужим...

Настолько чужим, что не стеснялся в обществе «строителей демократии» рассказать притчу про демократию.

— В одном городе была пекарня, — продолжал, с виду легкомысленно, с бокалом в руке, — а мяскокомбината не было. Воспользовавшись понятным возмущением людей, на выборах победила мясная

партия. Она забрала у пекарни все деньги и вложила их в строительство мясокомбината. В итоге появились мясные продукты, но исчез хлеб. Это снова замутило людей, и, надо думать, небезосновательно. Хлебная партия взяла реванш. Она забрала все средства у мясокомбината и вложила их в восстановление пекарни. Но, поскольку восстанавливать труднее и дольше, чем разрушать, — в итоге не стало ни хлеба, ни мяса. Оборудование пекарни расташено, люди ушли, корпуса разрушены. То же самое случилось и с мясокомбинатом... Когда сражаются две партии, то с появлением одной необходимости исчезает другая необходимость.

— А какова мораль сей басни? — поинтересовался у рассказчика человек удивительной судьбы, глава государственной нефтяной компании, чья юность овеяна романтикой экваториальных морей и абордажей.

Поинтересовался скучаяще. И скукой своей сразу же напомнил тучный, мелкосеющий, изнурительный дождь осени, сентябрьское промозглое крошево, когда листья ещё зелены, но уже поникли, деревья набухли недоброй холодной сыростью, гнетущей серостью неживой влаги. Капитализм — как осень, мудр и страшен.

Мудр своей неотвратимостью, а страшен тем, что стирает все тёплые краски лета, всё, что было светлым, лучистым, радостным. Гнилая мокрота осени, отхаркиваемая низкими тучами, лжива, разъедает жизнь и планы человека, как кислота. Делает уют из обыденной атмосферы осаждённой крепостью, когда навстречу грызущей кости сырой погибели трещат камни, закрываются окна, оплакиваемые каплями по стеклу.

Тут, внутри, ещё можно жить и любить: но зачем, если ничего такого не осталось снаружи? Человек, построивший однажды тёплый дом в споре с дождём и ветром, лютым стужам вопреки, — самой судьбой был призван построить такой же дом своей планете. Но что-то пошло не так: человек испугался и спрятался от нечисти в магическом круге очага. И стал там — как зверь в норе. Выкуриваемый зверь. Вымирающий зверь...

— А мораль в том, что эти партии должны работать сообща. Вместе. Они должны стать одной партией, а не двумя враждебными друг другу. Иначе получается ситуация, в которой одни люто ненавидят хлеб, а другие — мясо. Сложение двух этих ненавистей — ни хлеба, ни мяса... А почему? Потому что ломать — не строить...

I. КВОРУМ

1

Яков Витальевич Совенко вырос в городском поместье, так называемой *villa urbana* премиум-класса *Spiges*, которую его отец купил его матери на западе

Москвы в долине реки Сетунь, среди нескольких палаток огромного столичного лесопарка.

Город дышал рядом, и дышал пугающе. Мальчик-заложник знал от прислуги, что за несколько минут езды от его кварцевой песочницы и водного аттракциона по Нежинской улице можно добраться до Кутузовского проспекта. И что всё природное окружение поместья — обман, декорация. Они с мамой и штатом челяди жили в самом центре деловой активности бессонного и неугомонного города, сбивавшего в бешеном ритме судьбу планеты, как масло...

Яков Витальевич Совенко вырос не только вне пространства, но и вне времени. Идея их виллы пришла в большое сознание таких, как его отец, пряником из Древнего Рима, где аристократы строили себе виллы с парками посреди «Вечного города». И потому маленький Якорёк не знал, где живёт, и не знал, когда живёт.

Большой и ухоженный парк, где летом обычно мерцала удалённым импрессионистским светлым пятнышком мама-художница с мольбертом, в лёгком белом платье, — клином сходил к мраморной террасе, за которой возвышались три этажа стекляннометаллического фасада с пышным входом. Здесь было так много сокровищ, что их хранили не в сейфах, а в подобных сейфам бронированных комнатах-армурах. Здесь много интересного нашёл бы, если бы пустились побродить, хоть частный коллекционер, хоть владелец музея или модного аукционного зала.

Американский дом «ювелирного дизайнера» *Tiffany & Co* получил заказ на традиционную и солидную эстетику внутренней отделки. И предложил заказчику графический, лаконичный стиль мебели, инкрустированный узорами из стерлингового серебра. Специально для этого дома были сотканы из драгоценных пород дерева несколько знаковых композиций, настоящий образец мебельного искусства. Например — широкий бар-каффе, воспроизводящий форму морской ракушки с почти анатомической точностью...

Чтобы создать гармонию цветов, дизайнеры покрывали серебро мебельной фурнитуры специальным сплавом на основе меди. От этого инкрустация выглядела роскошнее даже привычных версий московских фурнитур из серебра и золота.

На каждом шагу драгоценности и шедевры, ретро-безделушки, вроде миниатюрных пустяков *Фаберже*, в мрачных сводчатых погребах — редкие благородные вина. Те самые, которые по иронии судьбы — чем благороднее, тем к менее благородным людям попадают в бокал... Пролёты лестницы усажены по углам ротанговых перил золотыми ангелятами.

Для каждого типа вещей — свои условия хранения, с датчиками климат-контроля. Отдельным блоком — собственный и битком забитый «меховой холодильник». Безопасность здесь была возведена почти в культ: вилла наследника оборудована биометрическими ключами, по всему зданию — несколько десятков камер слежения, а стены надёжно-огнеупорные и блиндированные.

Чтобы маме наследника было не скучно сидеть среди груды бессмысленных сокровищ, для хвастовства холуи Совенко выстроили ей специально оборудованный «шоу-рум», холодно, офисно, но полностью, по последнему слову техники, готовый к проведению «презентаций».

— Каких и на хрена, спрашивается? — поинтересовалась у них пьяненькая мама Таня, порой весьма злоупотреблявшая дарами Бахуса...

— Ну, здесь можно проводить деловые встречи, выставки и винные дегустации...

— О! Винные дегустации! — Она игриво, хоть нервно и неровно, подняла в руке старомодный хрустальный фужер... Эта возможность «шоу-рума», в отличие от предыдущих, пользовалась у Татьяны Совенко, в девичестве Шумловой, некоторым спросом...

Мальчик Яков был слишком маленьким, тонким костью и шуплым — чтобы всё это, обрушившись на него разом, не раздавило и не покалечило ему психику. Тот факт, что все сверстники ему люто завидуют, вовсе не радовал Якова Витальевича, а в силу его интроверсии — приводил в ужас.

Ужас вырослел вместе с мальчиком. Мальчик боялся, что из золочёных рам батальных полотен маминой кисти выскочат десятки столь реалистично изображённых там убийц, насильников и бесноватых с их холодными и огнестрельным оружием. Мальчик боялся винных погребов с их шепелявым полумраком. И каминных дымоходов с их утробным подвоем. Но больше всего мальчик боялся папы: от того исходило густопсовое облако львиной секреции, хищного фермента, которым саблезубые опрыскивают свои охотничьи уголья.

Довершало абсурд то, что оба родителя мальчика были советскими людьми, выросшими в советской, и даже партийной, среде, а потому несли на себе неизгладимые отпечатки советского воспитания, столь нелепые на «villa urbana премиум-класса Spires».

Именно там, как в каком-то сюрреалистическом фильме, отец-олигарх застал бархатного сынишку с роскошной глянцево-советской книгой о «дедушке Ленине», изданной в рамках сусальной советской пропаганды в «годы оны». Удивился, что Таня поощряет такое чтение у Якова. Дарственная надпись свидетельствовала, что этот фолиант некогда подарила девочке Тане администрация школы в связи с её переходом из октябрят в пионерки...

— Вон оно как?! — приподнял Совенко книжку, как дохлую крысу, за уголок отстранённо. — И какая же твоя цель в жизни?

— Моя цель — коммунизм... — отрапортовал на редкость послушный и неуверенно-правильный, тянущийся всем угодить мальчик.

— Ну, а что такое, по-твоему, коммунизм? — прищурился папа Алик.

— Царство радости, любви, согласия и взаимопонимания... — отчеканил с маминых слов маленький Яша.

— Это ты описал стадо овец. Или скопище е...щихся кроликов... — насутился страшный отец.

— Пап, а что такое «е...щихся»? — поинтересовалось невинное дитя.

— Вырастешь — узнаешь...

Таня закатила глаза, а потом опустила их, улыбаясь ковру, тому, что хорасанской пестротой ворсилфорсил под ногами. Как художница она не могла не увидеть в безобразной сцене комическую сторону...

— Вся человеческая история — это движение к коммунизму, — шершаво грыз воздух своими клыками бывший член ЦК КПСС Виталий Терентьевич. — Но первый шаг к коммунизму человек сделал не тогда, когда размяк от чувств... Любвью занимаются и животные, с большим удовольствием! Первый шаг к коммунизму человек сделал тогда, когда придумал каменный топор, убил пещерного медведя... И спас своё племя от людоеда! Вот он был первый коммунист! А не тот человек, который уболтал другого человека уйти в кусты для любви по обоюдному согласию...

— Какие ты всегда гадости говоришь, Алик! — брезгливо передёрнула плечиками мама Таня.

— К коммунизму идут не в венках из одуванчиков! — настаивал отец. — К нему идут через дыбу, плаху, застенки. Чтобы из человека вышел толк — его надо вначале в дугу согнуть, и в хвост, и в гриву... Вырвать у него хищные клыки, да с корнями! А это тяжело. И не только физически — морально тяжело. Пока ты у человека тащишь хищный клык из десны, ему больно, он брыкается, кусается, дерётся с тобой...

* * *

Яков Витальевич Шумлов был слеплен из таких кровей и реалий, что из него почти неизбежно получался пусть умственно-растрёпанный, пусть растерянно-колеблющийся, но определённо «левых» взглядов человек. Так почти всегда получается, если сложить личное благополучие, устраняющее злую иррациональную мстительность, с умственным развитием, склонным обобщать личный опыт до общечеловеческого... И добавить юношеский нонконформизм, превращающий нищих детей в жадных до денег жмотов, а княжичей — в народовольцев. Мол, если я живу, нужды не зная, почему бы всем не жить без нужды?

— Без какой? Большой или малой? — издевался желчный отец над ребёнком.

— Ну, папа! — почти плакал Яков.

— Алик, ну зачем ты с ним так?! — округляла любящие глаза мама Таня, жестом клуши обнимая сына за плечи.

— А как «так»?! — кривлялся старый изверг. — Это ж разные вещи! Если жить, большой нужды не справляя, так будет заворот кишок¹, а если малой — так это называется дизурия²...

Где-то к старшим классам элитной православной гимназии с углублённым изучением Закона Божье-

¹ Механическая кишечная непроходимость, развивающаяся вследствие поворота петли кишечника вокруг брыжеечной оси.

² Дизурия — нарушение мочеиспускания.

го, английского и датского языков Якорёк Совенко был глубоко — насколько может быть «глубоко» у малолетнего прыщавого юнца — убеждён, что «перестройка» была преступной, «реформы» 90-х — геноцидом, а сложившийся по итогам мир — несправедлив и уродлив в самых базовых своих основах.

Этому подучило Джекки всё: и прочитанные книги, и учебник новейшей истории, и воспоминания мамы, с годами всё более многословной, ностальгической. И даже, как ни странно, свивущие хлыстом в воздухе афоризмы отца-олигарха.

В ответ на мальчишескую запальчивость, с вызовом брошенную в лицо страшному папе, — о «миллионах жертв рыночных депрессий», отец саркастически склонялся, лицом к лицу:

— Это ты, что ли, жертва?!

— В том числе и я... — дуло губки в красивой позе нежное детище артистичной мамы Тани. — Потому что... — он собрался загибать пальцы с ещё детскими, вполонину от взрослого стандарта, махонькими ноготочками. Но Совенко-старший перебил цитатой:

— Стыдно глупому реветь. Ты не заяц. Ты медведь...

— И что это значит?! — запальчиво ерепенился отпрыск.

Отец устало-печально вздохнул и ушёл. Некоторые вещи человек должен понять сам — или уж ему вовсе не дано их понять.

А Якорёк кривлялся дальше, в клубном пиджачке-блейзере casual, прошитом крикливой декоративной строчкой и с дополнительным рядком пуговиц натурального перламутра. Паясничал, умиляя мать и шокируя её сановных гостей.

— Когда вы будете, — говорил он, явно рисуясь и по молодости лет бесстыдно преувеличивая, — составлять бесконечный список жертв эпохи, из тех, кто умер от тяжёлой работы... выкашлял свои лёгкие вместе с туберкулёзной кровью в сыром подвале... спился от безнадеги нищенства, — не забудьте вписать туда и меня!

— Что?! Куда?! — растерянно спрашивали люди, у которых и в мыслях не было составлять какие-то списки каких-то «жертв эпохи».

Конечно, это смотрелось и слушалось комично в поместье, на живописной лужайке, которую два штатных садовника поддерживали «в хорошей спортивной форме» для летних пикников, а кейтеринги из ресторана накрывали льняные одеяла на траве «скромненько так» — персонам двадцати. По-английски неторопливые кельнеры, раздражавшие величием своей священнодействующей медлительности, — разносили бокалы бургундского смородиновых оттенков.

Предлагали бесхитростно, «по-деревенски» — как искренне верил со слов взрослых маминих гостей маленький Яша — крестини с ростбифом, мини-клубсандвичи, стеклянные прозрачные чашки с народным напитком: чаем со льдом. А перед этим они уже рас-

пробовали такие «колхозные» простосолы, как пармская ветчина, салями Милано, ассорти из сыров с башкирским мёдом, виноградом и фруктовым конфитуром, куда вошли лишь «простейшие, безыскусные» сорта и нотки: пармезан, моцарелла, гауда, дёр-блю.

Бургундские винные тона простонародно закусывали креветками с лаймом на «пролетарских» подушечках из слоёного теста, премного гордясь своей близостью нравов с простым, трудовым народом и внушая её «очевидность» маленькому Яку-«Совёнку».

— У нас ведь не как на Рублёвском, у нас всё просто, как в стары годы... Собрались друзья на лужайке, на природе, одеялко под зад кинули, закусили скромненько: блинчиками с плебейски красной икоркой, лососиной, масляной рыбой, маслинками да каперсами!

«Догнались» простачки, народники, славянофилы записные под вина папского замка — минибрускетам с запеченными овощами гриль.

— Мы не нищие, конечно! — со скрытой гордостью, казавшейся ему «сдержанным достоинством», говорил мамин бомонд. — Мы хотели бы, заказали себе и как на Рублёвке... Но нам зачем, если мы ценим простоту, связь с народом? И мы, дети рабочих и крестьян, хорошо сидим, как у дедов-прадедов заведено было...

— Нищета человека позорит и унижает, а скромность — наоборот, украшает! Вот, попробуй по-нашему, по-заводскому, оливковой тапенады... С молодой спаржей и помидорками черри! Да не вороти нос! Оторвался от народа — так вернись к нему! Народ-то это вот кушает, а не твои деликатесы!

— Клоуны, б... — оценил это сборище отец, ненадолго и раздвигающе, шеренгами-ровняюще в нём появившись. Люди в белых костюмах и со светлыми лицами ему не посмели возразить. В силу своего финансового статуса отец имел «лицензию на убийственную правдивость». Прямо как Джеймс Бонд — лицензию на убийство.

Все эти застольные беседы маминих гостей Яков-Якорёк впитывал с младых ногтей, когда крутился между корзинами итальянской соломки домашних пикников. И принимал их пустословие за честную монету. Потому, став постарше, когда его с изумлением спрашивали: «Что?! Какие ещё списки жертв эпохи?», он, лохматя хайры неформала, восклицал декламаторски поставленным тоном «перестроечно-го» болтуна:

— Да, да! У меня ведь тоже украли жизнь — правда, иначе, чем у основной массы жертв... Если бы я жил в нормальное время, то я бы был отличным пионером, а потом отличным комсомольцем... И стал бы отличным врачом, к которому весёлые современники приходят не на деньги «развестись», а здоровье поправить...

Врачом он после всё-таки стал. Счастливым — стать не смог. Ему так понравилось жить в страдательном залоге, что осознать себя «медведем, а не зайцем», наследником Хранителя — никак не получалось...

* * *

Поневоле у Якова Витальевича, учитывая его меланхолический темперамент, застенчивую замкнутость и почти болезненную стеснительность, с годами и возмужанием окружающая роскошь стала вызывать ассоциации с прокажённой. Слепрозорием, куда убирают с глаз подальше из жизни вон раздаваемых гнилым ужасом лепры.

— Мы в своей стране всегда за тремя заборами, — почти плакал Яков, — как заразные калеки!

То, что при другом характере и воспитании породило бы драйв и бешенство, опьянение превосходством — у Якова, не без усилий мамы Тани, стало ощущением, сходным с акрофобией — боязнью высоты.

Как у акрофоба на верхогуре будут тошнота и головокружение, так и у Якова Совенко они случились на вершине социальной пирамиды и пищевой цепи. Прислуги Яков стыдился, и не только начитавшись «житий» советских угодников, но и сам по себе. Он хотел быть «одним из», встать в строй, в шеренгу — но сила, которая превозмогла его, — постоянно выдвигала его в уродливое исключение из всех правил. Превращала в «существо потустороннее», почти загробное, которое всем законы раздаёт, а само законов не знает.

— Народ жалок — и потому вызывает жалость, — рубил воздух ладонью отец-академик, услышав пугливые бредни о жаде равенства. — Но и всё на этом доброго о нем! Большинство — сумасшедшие...

— И что, мне всю жизнь быть пастухом у толпы полоумных? — пугался Яков.

— Пастырем, — поправлял, в сущности, ничего не поправив, отец. — Такова твоя судьба, и долг рождения, и твой крест. Народ нельзя оставлять одного. Народ никогда не умел отделить поводов от причин, разоблачений от клеветы и больных фантазий от реальных последствий.

— А вот в Советском Союзе хотели построить разумную жизнь... — робко вставлял мамини байки мальчик, не дерзающий, но мечтающий поспорить с родителем-монстром.

— Правильно хотели! Неправильно делали. Строить разумную жизнь по науке, обоснованно и основательно — одно, а строить жизнь по воле большинства — совсем другое. Это не строительство получится, а разрушение...

Отец, к счастью, бывал недолго, налётами, и быстро исчезал, оставляя после себя радиоактивный зуд на коже. Уже пустоте, возникшей в дверном проёме, выждав время, Яков Витальевич кричал:

— Разумная жизнь — я этого хочу, мне это нужно! А меня всё время заставляют играть в дурацкую игру, в пиратов, изображать из себя предводителя пиратов... А я хочу играть в мирную игру, в развивающую... В строителей...

Шли годы, он взрослел. И слова его тоже взрослели:

— Меня с колыбели обложили горами совершенно не нужной мне роскоши, рухляди и бараха-

ла — и тем лишили настоящей роскоши, человеческого общения! Те, кто беднее, — ненавидят меня за то, что я «такой». А те, кто ровня, — ненавидят за то, что я «не такой» и не разделяю с ними ушербной патологии стяжательского слабоумия... Меня сторонятся, меня боятся, меня отталкивают, вокруг меня папины миллиарды создали зону радиоактивного отчуждения. Да, меня это «ежовое копыто»¹ времени тоже лягнуло — совсем не так, как других своих жертв. Иначе. Снизу, а не сверху. Но достало!

Все люди разные — но для Яка все враждебны, так учила мама Таня. Одни люди могли похитить Якова, потребовать выкупа за его голову. И, зная характер отца-олигарха, ещё неизвестно, предпочёл бы он сохранность сына сохранности денег?

Другие люди не менее опасны: они не похищают, не связывают, не держат в подвале, не отрезают пальчики, чтобы послать маме для пушей сговорчивости, но... Они втираются в доверие. Они без мыла пролезают в анус, как водяные черви-паразиты, набиваются в друзья или партнёры, в компаньоны или...

Як не сразу понял, что значит это слово:

— В любовницы...

По сути, они тоже пытаются взять хрупкого, сухощавого, изящно сложенного мальчика в заложники, только другими методами.

Такой мир вокруг. Такая страна вокруг. Как получал отец:

— Сладкая гармония, в которой власть — дебилы — управляет дебилами: дебилы говорят, и дебилы слушают, дебилы учат, и дебилы же у них учатся. А писатели-дебилы и художники-дебилы обслуживают соответствующую им аудиторию...

И ругался, объясняя своё место и роль в этом междусобойчике дебилов:

— Снизу доверху одна сплошная гармония, и не вклинишься... Разве что обманом, инкогнито, как шпион, просочишься в их ряды за взятку...

2

Следующая за московской «закрытой» православной гимназией страница в его странной биографии была написана уже на латинице, с некоторыми перечёркнутыми «Ø»:² University of Copenhagen Faculty of Health and Medical Sciences, Копенгаген, район Blegdamsvej...

И вот уж оно, «крайнее» лето в России, перед Копенгагеном, перед многолетней разлукой. Аттестат о среднем образовании, «ближняя» вилла «кравовла-

¹ Ежовое копыто — термин в ветеринарии, означающий болезнь лошадей: копыто съедается в результате осложнения хронического ревматического воспаления. Автором используется как аллюзия к «ежовым рукавицам» и «копыту чёрта».

² Ø, ø (О с диагональным штрихом) — буква расширенной латиницы, используемая в датском, норвежском и фарерском алфавитах для передачи огублённого гласного переднего ряда средневерхнего подъёма.

дельческого» департамента АО «Биотех» в ведомственном санатории на Чёрном море... Место, которое зачастую предпочитали Канарским и Сейшельским островам, Ривьере и Флориде топ-менеджеры корпорации, чтобы «настоящим образом» поправить здоровье и отдохнуть. Совенко тут не отдыхал ни разу — по довольно прозаичной причине: он не отдыхал вообще никогда.

Но бывать тут — конечно, бывал, и нередко: в основном по делам карцинологических¹ лабораторий. Вывозил семью — Якову это место с детства памятно! Чартер из Москвы самолётом Академии наук, который отец гонял, как воздушное такси, встречало местное партийное и научное начальство... А дальше было в точности, как в песне:

По спиралям шоссе, по полям и лесам,
Убегая стремительно ввысь,
Вдоль платанов, смотревших листвою в небеса,
Нас умчал комфортабельный ЗИС...

Отца обычно ЗИС оставлял возле длинных голубых ангаров, куда он удалялся, разговаривая на незнакомом мальчику научном языке, причём в пулёмётном темпе, тараторя. Шёл «смотреть садки с молодой краба». Высадив отца, лимузин с пышными кожаными, откидывающимися, как в самолёте, креслами вёз маму Таню и Якорьку на виллу «искусственного оазиса». «Биотех» не отнимал у людей готовых природных пляжей. Он получил от партии самый мёртвый и пустынный, бросовый и неудобный кусок побережья — и «своими методами» превратил местечко в приморский Эдем.

Здесь семейство и располагалось по-хозяйски: мама рисовала с натуры, как варится из дневного зноя с розовой пенкой варенье морского заката, маленький Яков собирал ракушки, играл с солдатиками в песочнице, где возводил замысловатые замки.

Потом из лабораторного блока в ночь приезжал сам академик Совенко, выходил постоять на хорошо охраняемый пляж, где кроме бриза и прибора — ещё и асимметричный мраморный бассейн с водопадом. Стоит там минут пять, как истукан — это у него называется «отдохнуть». Губы что-то артикулируют, с виду кажется — человек молится в закат, восхищается дальними полупрозрачными корабликами на морском горизонте. Но прислушаешься — и услышишь невнятное:

— Гондоны! Пидарасы! Халявщики!

Заманить отца в бассейн — редкая удача, а вот Яков любил там поплескаться, часами не вылезал в жаркий день. Надувной столик с напитками, сперва только детскими, безалкогольными, и закусками плавал ему спутником. Пляж, усыпанный мелким, как в песочных часах, кварцевым песком, открывал пейзажные виды на бухту Изумрудного Берега.

Потом Яков вырос — а место осталось прежним. В лето его отъезда мама-Таня всё так же привычно сидела под большим оранжевым пляжным зонтом в парусиновом полосатом шезлонге, в каком обычно показывают в кино режиссёров на съёмочных площадках, прикрыв плечи мокрым полотенцем, чтобы стало прохладнее. Над пляжем по-прежнему (по Брежневу!) садами Семирамиды возвышалась рукотворная зелёная терраса, где обычно крабоводы накрывали шашлычные пикники начальству: сперва партийному, потом корпоративному, всяким проверяющим ревизорам и сопутствующей им сволочи.

Бассейн был окружен почти вертикальным цветочным садом на рукотворной скале — пытаюсь казаться натуральным озером, — а водопад журчал стеклянной струёй, сверкая между цветочными композициями, и непрестанно пел песню падающих вод...

Идеальное место, чтобы позагорать, отдохнуть с коктейлем в руке. Сыну хозяина тут, естественно, предлагали программу развлечений по максимуму: и рыбалку на десятиместном моторном катере, и катание на водных лыжах, а потом на вейкборде, а он хотел, как в детстве тут катался — пролететь на «банане»... Но было стыдно попросить... В итоге «банан» заменил скоростной водный мотоцикл «Ямаха»...

Красивое место. Уютное и роскошное. Даже отца завораживающее иногда. Идеальное место — чтобы ему изречь, адмиральским взглядом глядя в морскую дилу, попирая белый песок округло отпечатывающимися туфлями, которые черпали этот песчаный рафинад низкими бортами:

— Частный пляж — это кусок берега, отнятый у других людей. Обобщая: частная собственность — это жизнь, отнятая у других людей.

— Вот это правильно, папа! — поддержал Яков, выбираясь из бассейна, и по-собачьи, разбрасывая брызги вокруг, мотал головой. Позади — безоблачное дистиллированное детство, впереди Копенгаген...

— А что правильно? — ухмылялся «парадоксов друг», Совенко. — Что ты хочешь из палачей дослужиться до их жертвы? Это правильно?!

— Папа, я...

— Сынок, прежде чем раздаривать жизни другим — нужно собственную отстоять. Чтобы стать кем-то, вначале нужно стать сильным. Для того, чтобы моя корпорация занималась нужным человечеству делом, — мне пришлось её сперва зубами и когтями выгрызть и выцарапывать...

Он объяснял, кажется, любуясь собой и выделяясь перед наследником, — что ему тяжело, потому что он на стороне бедных, а их все и всегда пытаются «принести в жертву». Заклание беспомощных — самый простой и короткий путь к богатству.

— Только тронь богатого — и у него сразу же отщутся тыщи на амуницию, провиант, вооружение армии против тебя... Он любит и умеет атаковать — иначе бы не стал богатым... А нищие и обездоленные максимум на что способны — разгромить винные склады, да и то на пределе бодрости... По-

¹ Карцинология — наука о ракообразных, раздел артроподологии и зоологии.

этому, Яша, проамериканские пугчи побеждают, антиамериканские же — кончаются стуком касок об асфальт, которого никто не слышит...

— Но ведь бедных много! — протестовал мальчик Яков, воспитанный на марксистской литературе. — Их же очень много! И если они объединятся...

— Понимаешь, — горько сетовал отец, — любое сложение нолей даёт в итоге только общий ноль. Где беднякам найти средства против матёрого врага, если они не могут даже самим себе найти средств к существованию?

Психология отца всегда была раздвоена, как змеиный язык. Он умел не обделять себя — и этим был сходен со всеми приватизаторами, но при этом не хотел обделять других — и в этом с ними «расходился на классовой почве».

— У денег два источника, — рассказывал он. — Новое изобретение и новое жертвоприношение. Я изобретатель.

— Пап, у всех твоих помощников под куртками в кобурах болтаются стволы! — задирали взрослеющий Яков.

— Само собой! Чем больше денег приносит изобретение, тем больше соблазна принести изобретателя в жертву! — И продолжал, психологически «разгоняясь»: — Источник прибыли — научиться делать дешёво то, что другим даётся дорого. Это первый шаг. Всем мыло обходится в рубль, а тебе в копейку. Ты копейку вложил, за рубль продал. Но это только начало. Второй шаг: нужно засекретить свои источники преимущества. Если все, глядя на тебя, научатся делать мыло за копейку — ты станешь как все. Третий шаг: отбить нападение тех, кто, видя твои успехи, попытается тебя проглотить. Пропусти один из трёх шагов, и твоя корпорация — банкрот. Ум, Сила и Скрытность — триединый генератор капитала.

— Какой смысл делать свои открытия посреди разрушенного мира? — вяло протестовал Яков Витальевич.

— Мир состоит из монстров, идиотов и слабов, — поучал отец юного Джекки. — И очень трудно не попасть в одну из этих трёх категорий...

Это тяжело понять на корпоративном пляже, где давно уже в тени тенгов и экзотических растений пребываешь в состоянии полной гармонии!

* * *

Никакой Копенгаген, естественно, не смог бы возникнуть в судьбе Якова Витальевича, наследника раскидистой и разветвлённой бизнес-империи, ни с того ни с сего. Не мог его отец законопатить под бок Русалочке методом случайных тыков в глобус, таскания жребиев или котов за хвост. Значительно раньше у Якова Витальевича Шумлова в Дании появилась «голландская порода», поставляемая ютландским аграриям по миллиардному контракту с АО «Биотех». То есть с вотчиной его отца...

«Голштинки» в данном случае вовсе не те знаменитые коровы, про которых всегда сперва думают.

Это — селекционные, породистые клубеньковые бактерии для «ремонта» выработанных почв. И они постепенно тоже становились знаменитыми в датской прессе...

Довольно давно, хотя если подумать, то и не очень давно — всего лишь с середины прошлого века — человек приручил клубеньковые бактерии, группу Rhizobiales, обнаружив у них полезную способность связывать неорганический атмосферный азот и без всякой химии, способом чистейшим и естественнейшим, лепить органические азотсодержащие вещества. Эти колонии-бактериоиды живут симбионтами корней растений, всему зелёному на радость. К понятию «зелёное» здесь отнесём не только травы и деревья, но и долларовые доходы корпорации Совенко...

Яков Витальевич Копенгагена ещё и в планах не имел, а в нём уже сутились в презентационной зале бизнес-центра активисты фермерской ассоциации, чиновники экологических ведомств и сотрудники АО «Биотех».

— Как вы их назвали? — с восторгом спрашивал Йенс Свантенсон, датский вице-премьер по вопросам экологии и сельского хозяйства. И снова прилипал к окуляру демонстрационного «мелкоскопа», мешая другим полюбоваться на микромир.

— «Голштинки»... — объясняла командированная из Москвы и облечённая особым доверием шефа Ева Алеевна Шарова. — У нас в России очень популярны породистые ваши коровы голштинской породы. И мы решили, жестом ответной вежливости, назвать «голландками» породистых бактерий! Это продукт долгой и тонкой селекции, особый сорт клубеньковых, они вяжут азот от восьми до десяти раз быстрее и больше, чем обычные дикарки!

Потом фуршет с демонстрациями закончился, и Ева Алеевна вещала уже с подиумного возвышения, сидя там в центре длинного красного стола, с тонким и изящным, как она сама, микрофоном в руке:

— Многие впервые на этой презентации узнали, что породистыми бывают не только собаки или быки, но ещё и... бактерии! Хотя чему удивляться? Некоторые разновидности бактерий человек приручил в своём хозяйстве так же давно, как свиней и коз!

Охватывавшая подиум подкованная аудитория внимала и млела. Другие бы не поняли, с чего такая эйфория, но тут собрались люди особые, знающие, зачем почве надобен азот. Они, достигшие немалых успехов в земледелии и скотоводстве, не знали другого. Того, что поставки «голландской» высокопродуктивной породы Rhizobiales для датских почв стали лишь красивым шахматным дебютом в длинной и сложной геополитической партии...

Способность бактерий породы «голландки» вязать атмосферный азот привязала нескольких датских высокопоставленных чиновников к московскому «Биотеху». Это же только в книжках да фильмах бывает сделки, которые заканчиваются контрактом, славой, хорошими деньгами и чисто ком-

мерческими, как кричат рекламные буклеты, «перспективами взаимовыгодного сотрудничества». Если бы на таком поставили точку — это была бы какая-то Земшарная Республика Советов, а не капитализм!

Деньги, особенно большие, — никогда не конец. Они всегда начало — даже когда их тратят на роскошные похороны. А уж во всех иных случаях — сугубо и тройне. Вслед за вязкой азота завязались и визиты вежливости: датчан в Москву, москвичей в Данию. Стали срастаться и прикармливаться с руки... Не сразу, шаг за шагом: подарки, сувениры ювелирной работы и стоимости, сауны с девочками, трюфеля, обложенные каспийской икоркой в лучших ресторанах... Пикники на природе, крепнущее доверие... И на его волне — уже не просто двусмысленные подарки, а самые однозначные откаты. Датчанам ведь тоже деньги нужны. Просто их в Дании труднее украсть и отмыть. И проще всего им это сделать через Россию. Тем более что породистые, элитного сорта клубеньковые бактерии уже показали себя с наилучшей стороны, представив датских участников сделки героями фермерских кругов. Тот хрестоматийный случай, про который говорят: «ребята воруют с прибыли, а не с убытков».

В Копенгагене сложилось совенковское кубло, готовое ради московского покровителя на всё, естественно, в разумных пределах. Далеко не последние люди в Дании... Вот только тогда, вслед за бактериями-«голландками», поехал в Данию Яков Витальевич. По «зелёному коридору» — и таможенному, и просто экологической ниши.

Мнения самого Якова никто не спрашивал, а он, в общем-то, не горел желанием окунуться в европейство. Воспитанный матерью-неврастеничкой, Яков перенял от неё не только женскую истеричность, преломившуюся в нём в постоянство сдержанной внутренней паники. Яков Витальевич перенял от единственного своего собеседника в пустыне доставшегося ему золотого мира ещё и взгляд на европейцев как на варваров.

— Мы — Византия, — учила мать Якова. — Они — потомки варварских корошков... От них смердит германской звериной шкуркой и потом Аттилы...

* * *

Но — как часто бывает у слабых людей — за долгие годы скитаний Копенгаген и Мальмё, после и Стокгольм стали для Якова Шумлова почти родными. Вождённая мечта советской интеллигенции, из-за «железного занавеса» выглядевшая морем огней и смеха, поразительно быстро осела, скукожилась, обрела вид деревенских скучных задворков, отодвинутая московскими фейерверками, блеском и мишурой московских «пати».

Новая Москва нефтяных шейхов и Яковлева отца взорвалась роскошью на миллион килотонн, всеивая континент дождём из брызг шампанского и кон-

фетти. Рядом с новой Москвой и Стокгольм и Копенгаген казались деревенскими задворками, откуда люди, попав на столичную вечеринку, — с глупой улыбкой растерянно жмутся к стеночке...

Копенгаген — город хмурый, архитектурно-уродливый, в котором, надо понимать, неспроста рождались полные отчаяния сказки Ганса-Христиана Андерсена. После пряничной Москвы, знакомой Якову отнюдь не с изнанки её окраин, Копенгаген показался мрачной дырой, каменными кубами трущоб, испохабленных как изначальным замыслом их строителей, так и последующими граффити неумолимо деградирующих вандалов новых поколений:

...Дремлет притихший северный город,
Низкое небо над головой...

Мегаполис, не блиставший оптимизмом и в лучшие свои годы, когда он выжимал слезу историй Кая и Герды, сгоревшей балерины и расплавившегося оловянного дембеля, — в XXI веке переживал и во все глубокий упадок. В нём жили суицидальные, односложно говорившие, вяло и без прелюдий, не различая пола, сношающиеся люди, тоскливые, как серая стена в пасмурный день.

Эти убогие потомки викингов, «рюриковичи последнего поколения», как старые роботы, брошенные конструкторами, двигались по остаточной, надломившись — и уже не чинясь. Смысл жизни в их среде был давно и безнадежно потерян. Европа могла бы спеть о себе словами старинного русского романса под струнный перебор:

Вдаль по браздам серпом пожатой пашни
Найдёшь ещё, быть может, жизни след...
Во мне найдёшь, быть может, день вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет!

То, что для лирической песни выглядело как рисовка и поза, для современного Евросоюза — сухая и точная констатация. Отец Шумлова считал, с точки зрения им же придуманной науки о «причинах мыслей», нейрологии, что Запад пошёл путём, прямо противным цивилизации.

— Он потакает человеку во всём низменном и тёмном, во всякой похоти и зоологической блажи.

— Это хорошо или плохо? — уточняли у академика.

— Ну и вопросы у вас! Зверю, конечно, хорошо — как из цирка в лес сбежать, от дрессировщика... Цивилизации, разумеется, плохо: в диком лесу или она со зверем-носителем кончит, или он с ней...

— А что же делать?

— За зверя в человеке радоваться! За поклонников первобытной простоты нравов...

— А серьёзно, Виталий Терентьевич?

— Ну... Чаше всего в истории преодоление зверя в человеке выглядело как преодоление скепсиса фанатизмом. Хотя возможны варианты...

И в этом месте, оглаживая идеально прилизанные волосы вдоль глубоких лобных залысин, отец таинственно пожимал плечами. Яков так ни разу и не услышал от него, какие ещё есть варианты «выдавливания звериного». Да полно: знает ли?

— Путь Запада — обречённый путь. Отбивая у человека чувство святого, коленопреклонённо-неприкосновенного, ты отбиваешь у него способность быть человеком...

Не потому ли грязно случающиеся в притонах наркоманы, европейская молодёжь, — скот скотом? На закате своего великого города давно и прочно утратили датчане различение добра и зла, верха от низости. Потеряв себя, не только всё время «блாவались» самоубийствами и эвтаназиями¹ по смехотворным поводам, но ещё и разучились детей рожать. Образовавшаяся жуткая и чёрная демографическая пустота Копенгагена тут же стала, по принципу вакуума, втягивать в себя совсем чужих и диких, чернявых и носатых мигрантов, всюду шатавшихся таборами, гомонивших, гадивших. Двуполые захватчики умирившего города превратили его в помойку, бурно размножились и обрастали горами мусора, а к коренным однополым датчанам относились с презрением, как к низшим существам. И во многом — заслуженно...

Яков Витальевич Шумлов лично видел, что Копенгаген в роли европейского города доживает последнее поколение и скоро станет каким-то Аддис-Абебой, покрыв свою серость пестротой арабских ковров и негритянских тюрбанов.

— Я хочу домой! — сперва ныл он по телефону отцу. — Мне тут не нравится...

— Может быть, это потому, что там никто не воспринимает тебя олимпийцем: ни божком, ни чемпионом? — обыденно-язвительно провоцировал отец.

— Очень может быть! — оскорбился Яков, с детства чуравшийся подчёркивать своё превосходство — Но мне тут нечем дышать...

— Купи себе кислородную подушку, — глумился отец. — Я послал тебе очередной транш, должно хватить...

И хватило. Яков нашёл, чем дышать. Общее упадничество и слизью на пальцах ощущаемое гниение этого общества толкнуло вырвавшегося из-под спуда опеки студента распоясаться и удариться во все тяжкие...

Отправленный в Копенгаген учиться на врача и руководить специально для него выделенным акционерным обществом «РусАн», Яков Витальевич, наглотавшись заграничной свободы, первым делом обанкротил акционерное общество, вторым — пустился в пьянство и разврат, а третьим — умудрился по суду лишиться с таким трудом и такой дорогой ценой полученного медицинского диплома датского образца.

С сим «списком достижений» наследник побаивался возвращаться в Россию, в которой разве что мама его ещё помнила и жалела.

¹ Эвтаназия — ассистируемое самоубийство, когда бригада медиков за деньги помогает самоубийце покончить с собой.

Вытребованный в Москву к ответу страшным отцом, который, в числе прочего, несомненно имел зуб и за смену фамилии, Яков Витальевич густо и запоздало перебирал в памяти свои «подвиги».

— ...А я ему скажу, — бормотал в трусоватой запальчивости хлипкого и внушаемого человека, — что касается мальдивских каникул и чемпионки женской лиги культуризма Роберты, которая на фото держит меня на руках... это не его дело! Это моя личная жизнь! То же самое и актрисулька Холли Коронеруп: то, что её со мной сняли топлес, её проблема! Я-то на снимке в плавках!

Разобравшись с мальдивским санаторно-курортным кутежом, за который меньше всего опасался, Яков Витальевич думал, что с АО «РусАн» так легко не выкрутишься.

Конечно, самые роковые решения, с наймом этих двух скользких типов в управляющие, приняла мать... Но едва ли Яков Витальевич сделал бы кадровые решения лучше неё, а самый закономерный вопрос: почему золотой мальчик всё свалил на маму?! Ведь покупалось и оформлялось АО под них с матерью вдвоём, и то мать была включена в акционеры для приличия, чести и почёта ради!

Правдивый ответ был столь же прост, сколь и постыден. На маму, до последнего пытавшуюся покрывать единственного и обожаемого отпрыска, дела оказались свалены, будучи совершенно неинтересны и чужды Якову, нудны и невыносимо-прозаичны для него в своей биотехнологической, даже не медицинской, а скорее агрономской, зауми. Петровские дворяне, посланные учиться, отправляли на лекции вместо себя слуг, а Яков, получается, — маму отправил... Если так оправдываться, то ответ отца заранее известен. Яков готов был поставить пинту самого дорогого эля, что отец скажет, как у него водится:

«Молчи уж, раз обосрался...»

Что касается ещё одной «бедули», лишения диплома по суду, с условным приговором «за шарлатанство», не развёрнутым в реальный тюремный срок лишь деньгами и связями могущественного отца, то на этой почве ещё, пожалуй, были шансы поспорить, сыграть в адвоката. Поскольку отец и платил и договаривался, обстоятельства «шарлатанства» ему хорошо известны. А они, если смотреть по советски, — героические!

* * *

Отец Якова Витальевича, академик АМН² СССР Совенко, имел три высших образования: алый, как советский флаг, диплом мединститута; бордовый, как лучшие вина Прованса, с золотым тиснением, в полумягкой обложке с закруглёнными уголками диплом университета марксизма-ленинизма; и буднично-синюю «корочку» экономиста. Яков Витальевич

² АМН — «малая» Академия, Академия медицинских наук в Советском Союзе, позже РАМН — Российская Академия медицинских наук.

Шумлов за папой не гнался, считая, что одного диплома хватит — ан и того лишился!

— Парень из тех псов, что хвост поджимать умеют, а скалить клыки — нет... — некогда с убийственной точностью охарактеризовал его отец.

Но Яков был неплохим человеком, а считал себя — и вовсе хорошим. Он был воспитан так, что уповал послужить не грязным делишкам корыстного бизнеса, а добру и людям. С тем расчётом и профессию выбирал, а не просто за папой обезьянничая. Вступая на поприще с датским дипломом, Шумлов считал, что врач — это о помощи больным, а не о «зашибании бабла». В этом он разошёлся с датской медициной, и сам не знал — насколько сильно.

Пошущукал с папиными знакомыми, госслужащими, по поводу социальной работы и социальной поддержки малоимущих и, в итоге, таинственно улыбаясь, никого из умных людей не спросясь (чиновники не в счёт) — открыл в Копенгагене консалтинговую фирму Billig Pharmaservice¹.

Новоявленный «доктор Джекки» на благотворительной основе подбирал небогатым больным недорогие аналоги выписанных им лекарств. Казалось бы, чего такого и кому какое дело? Человек творит добро за собственный счёт и в рамках своей дипломированной компетенции...

Однако, на самом деле, «доктор Джекки» засунул палку в сердцевину очень злого и термитного муравейника: датские врачи получают процент от фармацевтов. Выписать лекарство подороже — очень важная для них привилегия и статья в семейных бюджетах, а в Скандинавии медики привыкли жить на широкую ногу... А тут какой-то «доктор Джекки», мигрант, хуже, чем сомалиец, потому что русский, — вдруг легко, играючи сбивает аптечный чек в 10–15 раз! И всё начинается подленькой фразой: «А вы знаете, что у этих таблеток есть полные аналоги, но гораздо дешевле?»

Конечно, к нему валом повалил бомжеватый копенгагенский, мальмёнский и прочий шведско-датский люд. Его слава распространялась во все стороны, как пожар в пересохшей степи... Доктор Джекки угрожал сбить цену всем врачам.

Тогда к нему явились «фармацевты в штатском». Шумлов не понял с первого раза, и к нему явились снова. Но мафии он не боялся, потому что был хорошо охраняем, а в деньгах не нуждался. В итоге Шумлова наказали не деньгами и не криминальным наездом. Его наказали по суду, на котором все врачи и фармацевты как один свидетельствовали, что он шарлатан.

Кроме фармацевтов против Якова Витальевича, отводя глаза, свидетельствовали и некоторые госслужащие. Да, да, те самые, ранее наивно надевавшиеся лавры огрести на ниве социальной защиты малоимущих, ранее его поощрявшие!

¹ Экономная фармакопоя (датск.). Фармакопоя — собрание нормативных документов (фармакопейных статей), регламентирующих требования к качеству лекарственных средств.

Доктор Джекки уповал на них. Их приглашало в свидетели не обвинение, а его (точнее, отцовский) адвокат. А они смущённо бормотали то, что требовалось обвинителю...

— Как же вам не стыдно, Олаф? — спросил в кулуарах Яков у одного из таких, седого морщинистого старика.

— Очень стыдно... — сознался тот.

— Тогда зачем?

— У нас объявили сокращение штатов. Мне нельзя, чтобы меня уволили. Кто мне в моём возрасте предложит хорошую работу?

— Погодите! — отстранился изумлённый Шумлов. — Сколько же вам лет, Олаф?

— Шестьдесят девять...

В общем-то, видно было по нему, что никак не меньше. На глазок и больше дашь.

— А как же пенсия?!

Старенький госслужащий горько усмехнулся:

— Тут вам не Россия, herre Jacob! Впрочем, и у вас скоро будет так же...

* * *

Поймите правильно, конечно же в Дании есть и пенсии, и пенсионеры. Примерно так же, как в РФ есть «Мерседесы». Они, конечно, безусловно наличны, и это неоспоримый факт. Но не у всех. В Дании есть пенсионеры, в Дании есть ранние пенсионеры — даже такие, которые ушли на покой в сорок лет и теперь посвящают себя элитному туризму. Но...

Но в рыбном магазинчике по соседству от апартаментов Якова Шумлова, традиционно-скандинавском, с налётом ретро для туристов, — крутится весёлый старик Вилфред. Он сачком ловит живую рыбу в большом аквариуме и делает это так задорно, так ловко и с прибаутками, что мало кто замечает: старику-то восемьдесят два года! А он всё в лавке на подхвате... Вилфред работал в металлургической компании, и там был собственный пенсионный фонд. Потом компания обанкротилась, обанкротился и фонд. Пропали сбережения, которые Вилфред туда вкладывал всю жизнь. Старика взяли ловить сачком рыбу — хорошая для его возраста работа.

И это есть, очевидно и неоспоримо, это можно пощупать, сфотографировать, евангельским жестом «вложить персты»... Как есть не менее очевидное иное: бодрые старики, выгрызшие себе из окружающего мира ренту зашкаливающего комфорта. И элитных путешествий.

Это ведь только так говорится — «путешествие»! Никуда они не «шествуют» — а только ездят и летают. Пока их ровесник полный рабочий день ловит рыбу сачком в аквариуме рыбного магазина для туристов. Почему, спросите вы? Да потому, что главный их принцип был честно написан на воротах Бухенвальда: «КАЖДОМУ СВОЁ». Если в России появились «Мерседесы», это вовсе не значит, что у вас лично когда-нибудь появится «мерс». Как и наобо-

рот: если «мерс» недоступен вам — это не значит, что он недоступен никому...

Только кажется, что вы с владельцем «Мерседеса» живёте по соседству; на самом деле вы живёте в разных мирах и в параллельных Вселенных, и вы с ним, ваши судьбы и возможности, если говорить корявым наукоязом, — «никак не коррелируют между собой».

Суд «врачи Дании против врача из России» закончился вничью. Якова Витальевича могли бы и посадить. Да, он сумел убедительно доказать судье, что его лекарства, при всей их дешевизне, — полноценные аналоги выписанным датскими врачами. Но кого это волнует? Поддачки его отца волновали куда больше...

Свободы доктора Джекки не лишили, но фирму его закрыли, медицинскую практику в Евросоюзе запретили.

— Больные люди — не те, кто приходит ко мне! — сказал Шумлов в своём последнем слове на безукоризненном «королевском датском», копенгагенском диалекте. И ему казалось, что пожилой судья сочувственно смотрит на него.

— Больные люди — все вы! Больные люди в больном обществе, идущем в никуда, бессмысленно и тупо, как марш идиотов! Вы гребёте деньги лопатой и тупо их складируете... Ребёнок бы потратил их интереснее и вкуснее, чем вы!

Красиво сказал — но не помогло. Его медицинский диплом стал сувениром из Копенгагена. Очень дорогостоящим — как и большинство сувениров в этом супердорогом городе. Парадоксальным образом, вдали от дома он столкнулся с тем, что называют «золотой кастой», прежде домашнего оценив её импортный, европейский вариант.

«Золотая каста», запугивая народы тоталитаризмом и его казнями египетскими, — в итоге построила для миллионов и миллиардов людей планеты жизнь, которая страшнее смерти. Всё это Яков мог бы увидеть в России, но в России он, по младости лет, о таком только читал и слышал и встретился в Дании с «золотой кастой» постарше российской: многовековой, одряхлевшей и окончательно, до разжижения мозга, выдурившейся в своем деспотизме...

3

Он всегда знал, что вырождок, и утешал себя тем, что это — не его вина. Вырождение затаилось где-то глубоко в крови Якова Витальевича, и никакая смена фамилий помешать молекулярной химии была не в силах... Он ведь был врачом и лучше других понимал, как проявляется вырождение человеческой породы.

У его отца была очень проблемная наследственность, но здоровье и сильные гены матери смягчили падение младенца на акушерский столик: Яков удался в мать и вышел из неё красавцем. Он мог бы рекламировать мужскую одежду, особенно классиче-

скую и консервативного стиля, и ему даже предлагали... Но не с его деньгами торговать лицом!

Тот, кто предложил, — Доминик Дёргинсон (пишется как Jørgensen) — был, пожалуй, в замкнутом мире Якова Шумлова одним из немногих друзей. Их связывало многое, но в первую очередь — понимание. Мышление Якова шло на той волне, которую большинство датчан не улавливает. Доминик — ловил. Он мог не только спорить, но даже и переспорить:

— Просто вы, русские, панически боитесь перемен...

Разговор шёл в полностью автоматизированном поезде метро Копенгагена, куда Яков и Доминик, изрядно поднабравшись в баре, сбегали через заднюю дверь. Родившись и много лет прожив в Москве, Яков никогда в жизни не был в московском метро и потому довольно неуверенно протестовал, когда копенгагенскую подземку признали «лучшей в мире», раскороновав десятилетиями считавшуюся лучшей московскую. Как так? Тут же голый функционал, модерн эконом-класса, а московское метро... по крайней мере, на картинках... такое помпезное!

— У нас безопасно, быстро и чисто, — спорил Доминик, который, в отличие от Якова, в московском метро покатался вдоволь. Он постоянно смеялся над собутыльником — когда тот не умел купить талончики в автомате с помощью кредитки или пытался пробить их в желтом компостере. — Джекки, если купил в автомате, пробивать не нужно!

— Да?!

Они промчались по прямой ветке, начинавшийся от аэропорта до станции «Форум».

— Моя! — с гордостью презентовал Доминик Дёргинсон. Студент-медик, он, как и Шумлов, принадлежал к богатой семье — но не по-русски, а по-датски богатой. Её богатство мог оценить только знаток Копенгагена: Дёргинсоны жили в самом центре, в десяти минутах ходьбы от королевской резиденции. Если этого не знать, то богатства Дёргинсонов под лупой не разглядишь. Домик у них пусть уютный, но маленький.

Это в России, в тех кругах, где вращался малолетний Якорёк, принято держать специальный штат прислуги для закрывания и открывания окон и другой, специальный, — для подачи гостям курительных трубок. Выезжать на зимнюю охоту в пышных мехах, окружившись целым эскадром конных придворных. И расселять вокруг себя, за двухметровым забором «частного поместья», целую «деревню дураков», всё население которой составляют охранники, личные шофёры, индивидуальные массажисты, повара и гувернантки...

Датские богачи давно избавились от этой опасной честности российских упырей, бесхитростной, наивной и по-детски выставленной напоказ, всем сверстникам «салазонка в коротких штанишках». Их штанишки выросли, как и их хитрость, и датские упыри запросто катаются перед туристами на само-

катах, под теньями достопримечательностей, по уродливой Ратушной площади, вдоль по Строгету и мимо Тиволи.

— Это наш Kastel, — хвастался Доминик, увлекая Якова под локоть, а другой рукой активно жестикулируя.

— Костёл? — удивился Шумлов.

— Ну нет же... — Дёргинсон пощёлкал пальцами, подбирая слово: — Vores Krem!¹...

И снова Яков думал о философии, вложенной в европейские языки, глубинно и фундаментально вмонтированной в ткань их речи. Корни-то общие, индоевропейские, а смыслы... Наш — «ворес», «ворованный»? Кремль — «костёл»...

В России есть храмы, церкви, соборы — а есть кремли, крепости, детинцы. Это разные слова, понимаете? А в Европе можно зайти в костёл, украшенный крестами, и гид переведет это вам как «церковь», но следует помнить, что Kastel — военный объект!

Впрочем, Строгет — скорее Арбат, чем Кремль. Он вобрал в себя несколько улиц и, вобрав — выплюнул вон все автомобили. Максимум техники в этой «демилитаризованной зоне» — велосипеды. Из многочисленных пивных тянет ароматами пива ручной работы — с медовыми и каштановыми нотками...

Доминик пригласил сокурсника на водную прогулку, и Яков ещё раз, с моря убедился, как же уродлив Копенгаген: бесконечные ряды зданий из красного кирпича — бывшая промзона, бывшие морские склады. Да, сейчас там расположились элитные квартиры-лофты, кафе, рестораны и офисы, но их косметикой не смоешь изначальную физиономию набережной. И богатому москвичу прекрасно видно, что это всего лишь большие амбары, притворившиеся «элитной недвижимостью»!

На борту морского трамвайчика пьяные Доминик и Яков закусывали знаменитыми смёрребродами, из которых, если верить путеводителям, и состоит вся датская национальная кухня. Наблюдали через поручни за очагами первобытности — язвами распозлающихся по и так неказистому Копенгагену «коммун», в которых поселились и живут не первый год в невообразимом сраче и хаосе «полностью свободные люди». Так сказать, окончательно и бесповоротно свободные: от всех рамок приличий и условностей. Яков это ругал, Доминик — хвалил.

— Просто вы, русские, панически боитесь перемен! — повторил Дёргинсон собственную фразу из метро.

— Ну, — возразил Яков Витальевич, — ты же, как медик, должен понимать: общество — организм, а внезапная и масштабная перемена в организме — патологическая мутация.

— А прогрессивных перемен уже как бы и не существует? — скептически шурился Доминик.

— Прогрессивные перемены — итог заранее просчитанного, хорошо продуманного, согласованного плана. А когда перемены происходят просто так вот, как у вас, — то это мутации, онкология какая-то...

И вот здесь Доминик его переспорил, противопоставив тёмные, дремучие начала — логике разума. Ты не так силён, дорогой восточный консерватор, ты слеплен из того же теста, что датчане, и тобой движут те же самые порывы, что и ими. Сколько нос на людях ни ворота!...

Врождение спряталось внутри Якова Витальевича — и ждало высочить, как лезвие складня. Чем больше он пил под воркотню Дёргинсона-младшего, тем ближе становился к нему Доминик и тем привлекательнее выглядели тонкие скандинавские черты его лица, его губы... И однажды утром в городе тусклых педиков он проснулся с похмелья, в постели со смазливим однокурсником... «Для них это нормально», — сказал Якову внутренний этнограф. «Ты — выродок», — констатировал внутренний врач.

Пазл родового проклятия сложился наконец. Яков давно уже смутно подозревал за собой худшее. Бывало, смотрит на собственную вытянутую ладонь, сквозь которую пробиваются солнечные лучи, и невольно кольнёт: «Слишком уж она узкая и длинная... Это ведь женская рука... Почему я укомплектован девичьими руками?!

«Потому что ты деград», — говорит бесстрастное и жестокое в своей ледяной правде без милости медицинское образование.

Иногда он перед зеркалом трогал мизинцем загибавшиеся длинные ресницы, и снова та же мысль-ужас колола сердце. Не те ресницы! Как будто ты — китайской сборки кукла и злой усталый китайский рабочий то ли неразборчиво, то ли в целях экономии приставил тебе детали от Барби... И тогда понимаешь всё бессилие денег: ни ума, ни тела на них не купишь! Как собрали тебя из подручного дерьма, приставив к мужскому тазу длинные и стройные безволосые ноги фотомодели, так тебе всю жизнь и ходить...

Показывая другу Данию, Доминик Дёргинсон показал её до конца. И, будучи врачом, даже отличником своего курса, Яков почти не злился на соблазнителя. Ведь эта мерзость жила в нём, в Якове, всегда, а Доминик просто безошибочно определил её по запаху феромонов, бомбикул, исходящего от... ну, теперь-то чего таить... партнёра... или партнёрши?

Естественное для культурного человека чувство гадливости перед содеянным напрочь перекрывал ужас перед отцом. «Если отец узнает...» — Дойдя до этого места паническая мысль рассыпалась, как головня в костре, на огненные искры.

Доминик сонно обнял проснувшегося «бойфренда» и прошептал на ухо:

— Ты лучший...

— Я труп, — мрачно ответил Яков.

И додумал: «Ты, кстати, тоже, Доминик».

Когда-то давно, в Москве, пронизательно заметив ещё относительно невинные отклонения, отец

¹ «Наш Кремль» (датск.)

предупредил его: «Запомни, Як! Родиться уродом — не вина человека. Но жить уродом — уже выбор...» У отца длинные руки. И если только до него дойдёт...

Красавец Яков на медицинском факультете видел, что гомосексуальных пар уже больше, чем простых, это для Копенгагена как стакан воды выпить... Но Яков был не их поля ягода и, к чести его сказать, понимал это.

— Я врач, — рассуждал он. — А содомия болезнь. Не тот виноват, кто болен, а тот, кто не лечится...

За это и зацепился. Да, я выродок, говорил он себе, но ведь это — грехи отцов, и конкретного, и вообще... Меня же в клиниках чему-то научили, правда? Это сложная психосоматическая болезнь, и лечится она только радикальными методами...

Он купил две вещи: кучу содомитской порнографии и электрошокер. И то, и другое в Дании продаётся на каждом углу. Он смотрел видео совокупляющихся парней с клеммами у яичек и, как только чувствовал отзвук, отзыв — врубал разряд.

«Гомосексуализм есть рефлекторная дуга, — объяснял он сам себе, потому что никому бы не рискнул такое рассказывать. — Как и всякое пристрастие, обуревающее человека, это рефлекторная дуга «действие — удовольствие». Сложившуюся рефлекторную дугу сложно ломать, но можно. Хорошо тем, кому это не нужно делать! Но я не такой. Больная кровь, гены-калеки... А всё-таки отец был прав: мы не виноваты в том, какими родились. Но мы виноваты в том, какими живём».

Когда было очень страшно — а предварительный страх сильнее самой боли, — Яков представлял себе простреленной через подушку голову Доминика. Потом — собственный череп с дырочкой. Потом молился: «Господи! Я выродок, но не хочу им быть! Дай мне сил, Господи!»

Разряд... Ещё разряд... Так запускают в реанимации остановившееся сердце... Только там это делают санитары, а тут — по причине редкостной грязи случая — большой лично...

«В нашем роду мужчины сами решают свои проблемы!»

Самолечение помогло. Может быть, электричество, а может быть — самовнушение, доходящее до способности поджечь себе придатки собственной рукой... Хотя о такой мерзости никому не расскажешь — Яков втайне гордился собой. Так гордился бы воин, самостоятельно сделавший себе операцию на поле боя.

«Я не баба в штанах! Я настоящий мужчина! Кем бы я ни родился — я стал настоящим мужчиной!»

Может быть, ему стоило бы рассказать отцу об этой битве за право быть мужчиной. О том, как он, зажав в зубах резиновый шланг, мыча и разрываясь от боли, ощущал запах палёных лобковых волос... Может быть, отец бы понял и оценил. И больше верил бы в мужество своего наследника.

Но Яков так и не смог переступить через стыдливость, ведь не ту рану оперировал он сам себе на по-

ле боя, чтобы на каждом углу про неё горделиво поведствовать. Утешал себя, что знакомые нам люди — только фасады незнакомых нам людей. Нарядные и отштукатуренные, открывающие себя настолько, насколько хотят отворить. И у каждого, конечно, свои скелеты в шкафу. Вот и отец — тоже больной человек. Но у него болезни попримичнее, наружные, так сказать...

Яков попытался объяснить Доминику — почему им больше нельзя никогда встречаться. Доминик не понял. Доминик несколько раз пытался выяснить, то по телефону, то под дверь: «Почему этого нельзя?!»

И самое страшное, что им, датчанам, уже не объяснишь. Они уже прошли точку невозврата в своём внутреннем распаде. Это когда язвой, патологией, уродливой мутацией начинают гордиться, выставляя напоказ, будто медаль... Всякий человек порочен, упасть и согрешить — от этого никто не застрахован. Якову ли этого теперь не понимать? Но ведь нормальный человек — да чего человек, даже кошка нормальная — и та пытается закопать лапкой, скрыть то, что нагадила! Датчане — уже нет...

«О чём с ними говорить? Мне кажется, что я описываю слепым пейзажи...» — однажды вдруг пронеслось в голове Шумлова, да так там и застряло.

Довольно жутко осознавать, что ты живёшь в общине слепорожденных. Тебе трудно понять их, когда они обсуждают привычные им вещи — ведь твой слух совсем не такой тонкий, как у слепцов. Весь их европейский маленький тесный мирок — исчерпывается на ошупь. И для них шорохи — как для тебя краски. Им шум во тьме скажет всё, тебе — ничего. А самые продвинутые из них, если сумеют понять принципы зрения, то, скорее всего, забракуют его. Скажут, что оптика красок слишком романтична, а потому обманчива, что двигаться кротами — надёжнее и практичнее.

«Прагматик предпочитает слепоту!» — скажут они, если поймут, что в их среде завёлся зрячий...

И теперь Яков Витальевич оставил их наслаждаться арабами в гордой заносчивости европейского ледяного одиночества, вмёрзшего в глыбу «смерти для смерти». Трудно живому и зрячему человеку далее оставаться в этой гробнице пыльных соколовиц на скелетах истлевших конунгов. Левиафан изверг Иону из чрева, не дав ему убежать от судьбы: Яков Витальевич Совенко-Шумлов, единственный наследник многомиллиардного состояния, возвращался в Византию, в Царьград...

* * *

— В апартаментах господина Шумлова можете ничего не менять! — сказал посреди комнаты, усреднённой чемоданами, человек, явно, но неуловимо знакомый в лицо. Узнаваемы были и вещи, типичные для круга общения семьи: чёрное кашемировое пальто, шёлковый шейный платок «Армани», костюм — не иначе, как от «Бриони», резковатый, но фруктово-сладкий мужской парфюм AMBRÉ BALDESSARINI...

А вот имени его Яков Витальевич никак вспомнить не мог и потому стеснялся ещё сильнее.

— Замените бельё, остальное оставьте! Я неприхотливый, — распоряжался на покидаемом хозяином этаже полужнакомец, явно прибывший с поручением отца.

И вручил Якову визитную карточку: «Андрис Медов. Рига. 44a Andrejostas str. LV-1045 Сельскохозяйственное машиностроение». Имя Якову Витальевичу ничего не сказала. Видимо, Шумлов имел сомнительную честь знать его раньше под другим именем.

— Имейте в виду, Андрис, — усмехнулся Яков Витальевич, пытаясь изобразить изощрённого знатока конспирации, — ваша легенда фуфло!

— Почему? — на лошадином лице прибалта ни нотки обиды, только доброжелательный искренний интерес.

— Послушайте, ну какое машиностроение, тем более сельскохозяйственное, может быть в современной Риге?! В каком году ушли на пенсию те, кто готовили вам легенду?

— А вы бы что предложили, Яков Витальевич?

— Ну, если вы деловой человек из Латвии... Правдоподобно, если вы предложите туризм, экспорт девушек для публичных домов, металлолом, какие-нибудь сувениры тоталитарного ужаса... А с вашей легендой вас задержит первый же кордон ПЕТ¹...

— Слушайте, а ведь вы правы! — смятённо порвал визитку «Андрис Медов». — Вот так за деревьями леса не видишь... Думаешь, ну кто агрария убого заметит — ан вот как вылезает боком!

— Если спросят — говорите, что турист или журналист!

— Спасибо, Якорь! Paldies² тебе исполать... Так и не вспомнил меня? — прищурился с недоверием Андрис.

— Извините, но нет... — пряча стыд в сухости речи покачал головой Шумлов.

— А вот так?! — Латыш безоблачно, почти детски улыбнулся и снял с правой руки перчатку. Под перчаткой оказался протез грубых советских форм, для Европы с её протезным крафтингом, можно сказать, топорный...

— Крис... — с паузами сомнения выдал Шумлов, — Крис... э-э... Пятоо...

— Почему-то по протезу меня всегда узнают быстрее, чем в лицо! — захохотал на внешность не приметный рижанин.

— Ну, а как вы хотите? — хмыкнул Яков. — Не знаю, как всем, а мне вы этот протез на отцовском полигоне в деле показали. Такого не забудешь...

Пластиковая кисть руки у протеза отвинчивалась. Крис Пятоо крутил её, как ключ заводной игрушки, а потом снимал. И тогда из манжеты, как козырь шулера, игриво выглядывала стальная трубка. Совершенно не похожая на ствол! Ну, совершенно! Никогда бы

никто не сказал по внешнему её виду, что это устройство прицельной стрельбы крупным калибром...

— Естественно, — посмеивался Пятоо, левой рукой поправляя золотистый роскошный галстук бренда Charvet. — В аэропортах-то до скелета просвечивают! Будь моя пукалка похожа на ружьё или пистолет — меня бы мигом с рейса сняли...

— А так?

— А так — это арматурка ручного протеза калеки. Если нужно, то сниму кисть и покажу. Но ни разу ещё не просили.

...Тогда, при отце, он стал стрелять по бутылкам на заборе. Восемь из восьми. Грохот на весь полигон, звон и дребезги стекла... Он что-то нажимал левой рукой в районе локтя, и арматурная труба протеза извергала огонь и свинец...

— Счастливого тебе пути, Якорёк, — пожелал Крис Пятоо, заселённый Совенкой в бывшее жильё Шумлова.

— Ну, а вам — счастливо оставаться... — не повис в долгу Яков. — Здесь жить очень непросто...

— Это ты о священной и хрустальной европейской демократии? — саркастически поинтересовался Пятоо, шуря глаз. — Как ты можешь? Ведь тебя дома ждут не дождутся уставшие от несменяемых «деспотов»...

— Вряд ли я оправдаю их надежды.

— Неужели не похвалишь светоч всего мира? Демократию-то...

— Главное, что я в ней понял, — покачал головой Шумлов, — то, что механизмы формальной демократии не устраняют самодержавие Зверя, а, наоборот, делают его бессмертным и безразмерным!

— Но они, по крайней мере, регулярно меняют партии у власти...

— Как хамелеон меняет цвета...

4

Весёлая девушка Лиза, с милыми ямочками на щеках, унаследовала от матери-красавицы её манеру взмахивать чёлкой, но оказалась слишком простоватой для материнской роли «фам фаталь». Ничего вампирического, ночного, в Елизавете не было — вся она казалась солнечным лучиком, смешливая и наивная. У неё была такая тонкая и нежная кожа, что она казалась полупрозрачной, пропускавшей свет. А точёные формы девичьей фигурки напоминали фарфоровых пастушек.

Среди женской половины пассажиров бизнес-класса в шляпках сезона Gucci с высокой тульей и фетротэ Chanel, дополненных хвастливыми лентами с логотипами, её хулиганская кепка-козырек Prada из плетеной рафии и кожи смотрелась почти вызовом. Мотивы хиппи с этническими вкраплениями. Яркая, воздушная юбка с оборками сочеталась с блузкой из обесцвеченного денима. Через руку перекинут небрежно кашемировый свитерок, а юли на

¹ Датская королевская служба безопасности и разведки.

² — Спасибо, благодарю (*латыш.*).

платформе выделял просто сказочный вязаный верх. Она была налегке — только небольшая сумка-корзинка с бахромой и кожаной отделкой... С которой всё и началось.

Яков предложил помочь донести, а она приопустила солнечные очки крупной формы, кричаще-винтажного стиля, отвыкнув в Европе от такого отношения: здесь его могли принять за мужской шовинизм и даже домогательство.

— Ну, попробуйте! — предложила Лиза Якову, передавая сумку. А про себя подумала, что этот человек или гангстер, или работает в похоронном бюро, потому что только там носят чёрные галстуки под чёрные костюмы, с единственным белым пятном: сорочкой Eton, чьи пуговицы украшены белыми бриллиантами.

«Наверное, он всё-таки гангстер! — решила Лиза с замиранием романтического сердечка. — Ну в каком же похоронном бюро станут закупать сотрудникам сорочки из тончайшего египетского хлопка, которые весят всего сто грамм и продаются «всего лишь» — как вам скажет разводила-продавец — за несколько тысяч баксов? А если присмотреться, то с виду простой однобортный пиджачок — не иначе, как от Бриони, и под манжетой подмигивают обнажённой анатомией под алмазным стеклом часы Patek Phillipe. Короче, от такого надо держаться подальше...» — подумала Лиза. Но сели они в самолёте поближе. А те, кто очень напоминал охрану этого парня, ушли в салон эконом-класса, подтвердив подозрение Лизы, что фигура её случайного спутника негласно, не напоказ, но бдительно охраняема.

Современная молодёжь вначале считывает код гардероба — и только потом присматривается к «дарам природы» собеседника. Лиза ненавидела себя за эту привычку, но ничего не умела с собой поделаться: среда, как степь, сказала! Мать и отец Лизы в их советской молодости ещё ступали на землю, ещё могли хотя бы смутно припомнить, почём фунт лиха. Лиза — уже нет. И так — от рождения...

Теперь она видела то, что ей сразу, неуловимо понравилось: тонкой кости и тонкой выделки образцово-скандинавский европеоид, с большими и светлыми, скорее всего, «мамиными», глазами. Почему, спросите? Да потому что ресницы пушистые, длинные, женственные, присмотрись поближе — и почти проступит облик его матери! Наверное, умница — в таком молодом возрасте редко у кого бывают глубокие височные залысины по бокам высокого древнеримского, цезарева лба. И ещё одна деталь, особенно зацепившая Лизу: ранимо, беззащитно-выпукло гуляющее «адамово яблоко» на тонкой шее... А вот подбородок волевой, гранитный, рыцарский: этот человек содержит в себе пружину скрытой воли, видимо, замусоренную материнскими ласками и тем, что раньше называли *Dolce vita*¹. Впрочем, в те времена, которые Лиза уже не застала...

¹ *Dolce vita* — известный итальянский, а потом и советский, заимствованный из фильмов, фразеологизм. Означает «сладкая жизнь» (*итал.*).

Якову Шумлову эта девушка, такая житейски беспомощная, так трогательно играющая в независимость доступными ей гламурными средствами, понравилась с первого взгляда, запала в сердце, замкнутое, как пресловутый Иоанн Антонович, одинокое и недоверчивое.

Он был счастлив, что у них совпал и рейс в Москву, и — словно бы судьба огрубела в намёках, заскучала намекать тонко — кресла оказались рядом.

Широкое просторное место личной посадки в бизнес-классе — почти что номер отеля. Здесь никто не толкается локтями, а любое кресло не просто откидывается — превращается в ровную кровать. Есть розетка и стол для работы с документами. Стюардессы докучают ежеминутно, пылинки сдувая, — не угодно ли ещё чего, взамен стейка из мраморной говядины или из лосося...

Или, чего в добавку к почти обязательным, «для храбрости» 50 граммам французского коньяка с довеском, пирожным-суфле: на тележке стюардессы перед тобой вино, ликер, джин, виски, martini... Попросишь русской водки, как Яков Витальевич, — поморщатся, но найдут. Они могут восхищаться пассажирским «стилем и фешном» или куксой выражать сожаление отсутствием оногo. Но воля клиента — тут закон.

Им трудно представить, что для Якова Витальевича лететь бизнес-классом гражданской авиации — уже опала. Это папа показывает сыну, как он сердит! Сюда-то вчерашний школьник Яша летел на частном отцовском самолёте с логотипом их корпорации на борту. Большею частью так «чартерно» и перемещался, ни с кем, кроме лёгкого экипажа, не разделяя воздушного пространства. Но теперь ему решили показать, почём фунт лиха и «как люди живут». Садись-ка ты, дружок, на общих основаниях, и разливай «бурбон»-ОС (метка марочных коньяков, имеющих «настойчивый стаж» более 20 лет в дубовой бочке) на всю компанию. А не как ты привык: в одиночестве!

Если подумать, то можно поспорить: что лучше?

Яков Витальевич находился на том уровне финансовой независимости, где мог себе позволить любое: хоть сандалии надевать поверх носков. Не потому, что так можно, а как раз наоборот — потому что так категорически нельзя. Никому, кроме таких, как он. Стюардессы, разносящие бокалы шипучего вина, змеюшки-шипучки, конечно, берут на заметку и на зубок: что отличает «настоящего мужика» и что у него обязано быть. Но Яков Витальевич — вообще не мужик. Все «настоящие мужики» с крутыми тачками и загородными коттеджами у его отца — в крепостной зависимости...

Всем, кто смотрит на положение Яка Шумлова снизу, теряя шапку и теряясь взглядом в облачности, может быть, именно в силу этой облачности представляется самоуверенный, самодовольный, самовлюблённый бык со сверхвозможностями и сверхзапросами. На самом деле, сев в кресло рядом с ним,

вы вдруг обнаруживаете маленького, потерянного человечка, стеснительного и совсем себя не любящего, начисто лишённого и сверхспособностей супермена, и тяги к роскоши. Роскошью он с детства пропитался, и она ему надоела хуже горькой редьки. И больше всего на свете во всех бизнес-классах он мечтал сбежать куда-нибудь в тихий уголок, но и этого боялся: не так поймут! А наслаждался он только одним в жизни: вот так, как сейчас, беззаботно потягивать через трубочки напитки вместе с расположенной рядом с тобой, и расположенной к тебе, малознакомой, но привлекательной юной соседкой...

— А ты тоже по обмену? — перешла Лиза первой на «ты».

— Нет, Лиза... — криво усмехнулся он. — Я возвращаюсь из ссылки...

— Из ссылки?! — Её глаза распахнулись, поглотив его своей округлостью.

— Давным-давно отец сослал меня с глаз долой, в Копенгаген. Якобы учиться — но, думаю, чтобы не видеть... И я просидел там много лет, без права возвращения, а теперь вот папаша снизошёл...

— А кто у нас отец? — игриво, как её мама, дёрнула чёлкой Лиза. Тем самым инстинктивным жестом-маркером, который в их роду переходит без спроса, по наследству. Когда-то этот жест переворачивал отцовское нутро, а теперь резанул изнутри по сыну: тоже по наследству.

Обычно он не говорил этого малознакомым людям. Но ей почему-то решил сказать, как на духу:

— Виталий Терентьевич Совенко...

— О боже! — Она даже побледнела.

— Неужели он так известен в России? — изумился Яков.

— Нет, за всю Россию не скажу... Но он более чем известен в нашей семье! Моя фамилия, Яша, Очеплова. Ты, может, слышал?

— Н-да... — только и мог он выдать. — Мир тесен...

* * *

И почувствовал: пригорела к сердцу...

— ...Представляешь... — шепчет Лиза, Лизонька, за хитрые глазки и вострый носик мысленно прозванная Лизонькой, — в их поколении так принято! Она эту страшную мохнатую собаку спустила и говорит мне: «Плыви!» Собака ко мне, я в воду! Визжу от страха, воды боюсь, а собака страшнее... И поплыла... А собака за мной... А я от неё... Так мама научила меня плавать... Только потом я узнала, что собака была специальная, спасатель-на-водах... Мама подстраховывала меня на случай, если бы я топориком... Но воображаешь, что я пережила?

— Очень верю! — смеялся Яков, несмело касаясь ладони девушки своей рукой. — Меня отец тоже так плавать научил...

— С собакой-водолазом?!

— Ну, менее романтично! Он бюрократ. Когда мы с мамой были в нашей вилле на море, он позво-

нил. И сказал так, что я поверил: через неделю прилечу, выведу тебя на лодке и выброшу за борт! Не поплывёшь — твои проблемы. У тебя неделя — научиться... Я испугался, мама испугалась, тут же появились лучшие инструкторы, целая бригада, учили меня, я старался... Я научился плавать, и уже не боялся, что он меня выбросит из лодки...

— А он?

— А он так и не приехал... Я очень хотел ему показать, чему научился... А он не приехал...

— Н-да... Грустные методы... — сочувственно и понимающе кивнула Лизонька.

— В моём положении, — с блуждающей улыбкой рассказывал Якорёк, — есть свои плюсы: не нужен никакой заработок, всегда вдоволь денег и не требуется никакой диплом! Наследниками не становятся — ими рождаются. Но я не стал бы переоценивать счастье моего положения. Сама посуди, своего великого отца я почти не знаю и ещё меньше понимаю. Я всю жизнь боюсь, что он меня убьёт... Или меня убьют из-за него... Я не знаю, что более вероятно, и я не знаю, чего я боюсь больше...

* * *

Самое трагичное, через что иной раз приходится пройти жадности, — обрушивающееся тяжёлой глыбой понимание, что украденного не потратишь. А значит, всё было зря. И решимость преступить, и риск преступления! Ты нахомячил большие авуары, но оказывается — собирал земные сокровища не для себя...

Хреново жил в покинутом Шумловым, но не АО «Биотехом», богатый, но, увы, публичный, прозрачный на своём политическом поприще человек по имени Йенс Свантенсон. Он не читал ни Ильфа, ни Петрова, но, если бы прочитал, нашёл бы себя в подпольном миллионере Корейко. И может быть, уронил бы на страницу скупую нордическую слезу...

Полной грудью дышал Йенс Свантенсон только в командировках в Россию, по контракту с «Биотехом». Только здесь он понимал, зачем люди придумали деньги и на что их следует тратить. На объектах в Подмосковье он себя ощущал не только в гостях, но и арабским шейхом, индийским набобом, богатым наследником из романов Толстого и Достоевского, которых он, в отличие от Ильфа с Петровым, читал.

В понимании старины Йенса русские жили хорошо, а датчане плохо. Если Свантенсон приезжал на участок богатого русского поместья, то первым делом готов был целовать двухметровые глухие заборы, вселившие в человека самоуверенность и чувство гарантированной безнаказанности. Старина Йенс мечтал оградить таким же забором свой загородный дом в Дании, чтобы — хотя бы! — просто ходить по дворику без штанов и не бояться почесать задницу, когда приспичит... Или высочить из сауны на снег голышом, как запросто делают русские.

Но... Тысяча чертей, это же Дания! Тут так не принято. Высокий и глухой забор помешает предвыбор-

ной кампании как самого Свантенсона, так и его партии. Поэтому, проклиная свой быт, старина Йенс отгораживался от соседей условно — дорожками из камешков и невысокими кустами. Чтобы подлещ-папарацци, если ему взбредёт блажь, в любое время дня и ночи мог видеть его безобидность в объектив.

Зато каждый идиот может любоваться на аккуратный газон, стоянку машин, столик и стулья, детские игрушки на крыльце, если таким можно любоваться. Бывая в гостях у старины Йенса, приклатнённые, татуированные тюремной синевой сотрудники господина Совенко изумлялись наличию больших окон, для которых не предусмотрено плотных штор, а только полупрозрачные занавески. Есть даже во внутренней стене «французское окно», через которое можно выйти на участок, и словно бы в издёвку, для удобства слежки пробиты дебильные отверстия-окна в крыше.

Из Москвы к нему являлся связной — жутковатая на вид, крытая тюремными татуировками горилла с погонялом Робин Бэд. Робин был удивителен двумя вещами. Он — что совершенно немислимо при его внешности — знал английский. И он умел на английском, что тоже совершенно немислимо, — передать сочность и богатство живой речи колымских уроков...

— Ну, йопт... На зоне язык учил... Был на пилора-ме бригадиром, «черти» пашут, а я самоучитель шаманал... Чего там ещё делать?

Свантенсона Бэд не понимал:

— Не, ну, Йенси... Живёшь, в натуре, как в аквариуме... А если, к примеру, ты захочешь попятить свою законную фру — то где?

— Я уже в годах... — грустно отвечал Свантенсон. — Я не захочу уже...

— Хорошо, хоть сортир не витриной оформлен... — сочувствовали Йенсу русские татуированные бродяги.

В Подмосковье Свантенсону бросались в глаза роскошь и уют любой дачки-заимки на балансе «Биотеха». Он испытывал почти мистическое чувство к русским коврам, хрусталу со статуэтками, зверским чучелам выше человеческого роста, телевизорам в каждой комнате, большим сверкающим люстрам под потолком...

У него у самого — единственный телевизор стоит в гостиной, и не потому, что денег нет, а потому, что имидж на случай домашней предвыборной съёмки. Показушничая, что он и дома работает, Йенс поставил в большой гостиной разлапистый письменный стол. И завалил его бумагами, пылящимися там в ожидании фотомоделирования...

Вместо роскоши русской люстры, подобной шапке царя, под потолком у старины Йенса дрянные светильники, который русский и в гараж постесняется установить. Он демонстрирует избирателям, повернутым на энергосбережении, крайнюю экономность, хотя... хотя... хотя... Он мог бы, мог бы, как русские друзья, сорить этой энергией направо и на-

лево, у него есть для этого деньги, в отличие от большинства его земляков...

И вот скрепя сердце он нудно следит, чтобы освещение строго соответствовало задачам. Чтобы не проливать на свою жизнь лишнего света, используются бра, точечные светильники, настольные лампы. И все колбы в них, мать твою... твою мать... энергосберегающие.

Мебель во всём доме — самая простая: стеллажи, угловатые шкафы, стулья, кровати. Стены однотонные, оштукатуренные и покрашенные. Никаких изысков в отделке! Разве только тарелочки на стенах и магнитики из России на большом холодильнике...

С каждой поездкой в Москву Свантенсон всё острее и болезненнее ненавидел свой собственный быт. Это запредельное крохоборство публичного политика, которому попросту в обязанность вменяется система вентиляции с рекуперацией, помогающая экономить грёбаное тепло, эти принудительные теплообменники, эти сраные датчики, копейечно контролирующие микроклимат!

Йенс Свантенсон имел «ключевую подпись» по проекту породистых клубеньковых бактерий — «голштинок». До знакомства с русскими друзьями он думал, что воровать — сложно. Простота его поразила!

Подпись. Очень довольные фермеры, которые, словно бы подкупленные Свантенсоном, в один голос до неправдоподобия восторженно рассказывают прессе о повышении урожайности да биопродуктивности. Эксперты в почвенных лабораториях — тоже для Йенса имеют одни поощрительные улыбки. Далее: платёж на счёт АО «БТ». Потом, в сказочной простоте, заходит к тебе домой, в твой «аквариум», Робин Бэд... Приходит с бутылкой хорошего вина, цветами для жены, десертами для детей, и маленьким металлическим кейсом, заранее подогнанным под датскую ячейку банковского хранения.

Но самое удивительное: потом ничего не происходит! Ты можешь эти деньги пощупать, можешь их перебирать, пересчитывать, лишний раз проверить, что Робин Бэд ушёл и дверь плотно заперта. И никакого подвоха нет. Ни меченых купюр, ни крашенных пачек, ни тайной видеозаписи... Скалясь, Робин из России говорит про такое:

...У волшебника Сулеймана

Всё по-честному, без обмана...

Кто такой волшебник Сулейман и почему в России тоже популярны мусульманские имена — старина Йенс не знает, но это и не важно. Вторая строчка важнее. Свантенсон снова и снова перебирает в уме эту непонятную комбинацию: деньги есть, вот они. А преступления — нет. Они же действительно полезные почвам, эти элитные, сортовые клубеньковые бактерии, они восхваляемы учёными из университета, они привлекают голоса фермеров... Деньги, опять же, не из датского бюджета... Они как бы из ниотку-

да: вдруг появляется Робин Бэд и вручает кейс... Его АО считает нужным отблагодарить... Ну раз оно так считает — с чего Свантенсону-то упираться?!

Сперва была только эйфория тайны. Потом пересчитывать деньги стало скучно. Захотелось их тратить. А как ты их в Дании потратишь?! В этом аквариуме, виртуозной, изуверской прозрачности для выхолощенных публичных политиков?

Старина Йенс стал вкладываться туда, куда охотнее всего принимали: на фондовый рынок и в разные торговые сервисы. Но тут опять проблема! Если деньги вложить неудачно — то ты их потеряешь, а если вложить удачно — то их становится всё больше и больше, как и вышло у Свантенсона... Деньги делали деньги, и он становился всё богаче и богаче... А его официальные доходы при этом никак не росли... И настал момент, когда его подловил журналист, из тех, что обожают копаться в грязном белье политических фигур. Просто хитрыми способами собрал платёжные документы по расходам старины Йенса и неопровержимо доказал, что при его легальных доходах такие невозможны!

Но журналисты, хоть и нищие шакалы — а тоже ведь не дураки. Гадёныш печатать этого не стал, потому что топить Свантенсона и его партию у него никакого интереса. Он решил доить Йенса. Шантажировать — и доить. Один покупает тишину, другому прибыль.

Свантенсон, обогашённый правом ключевой подписи, заплатил за своё спокойствие и карьеру раз. Потом — второй. Встречались в закускойной на углу, и Йенс клал пухлые конверты в бювар меню. Передавал так, как будто просил собеседника изучить блюда на заказ...

На третий раз Свантенсон понял, что дальше так продолжаться не может. Ему было дьявольски жаль денег, за которые ведь он никого не убил и не ограбил и даже не обманул. А они почему-то всё равно называются преступными, хотя с неба падают! Но ещё жалче Йенсу было самого себя и своё здоровье. Шантажисты пошатнули его статную и могучую фигуру коренного «норманна — не наркомана». У него начались перебои в сердечных ритмах, головные боли, панические потнички и тому подобные неприятные штуки... Кому, кроме Робина Бэда из Москвы мог рассказать старина Йенс о своей, как называют это русские, «бедуле»? Робин был весел и спокоен, заверил политика-эколога, что это всё пустяки и «lortespørgsmål»¹.

Давно уже пошаливавшее сердце Свантенсона в очередной раз тревожно дёрнулось, будто колдуну вуду в него иголку вставили. Может, зря он всю подноготную выложил Робину? Русские — ребята душевные, но за ними маячит какая-то плохо понятная евросоюзовскому леммингу бездна...

— Приедет человек из Москвы, и всё тебе, Йенс, старина, порешает...

— Но мне ведь надо, чтобы это со мной никак не связали...

— Ну, поэтому я сам и не берусь! Меня возле тебя могли видеть. А это будет человек левый!

— Коммунист?!

— Почему коммунист? А... То что «левый»! Нет, я имею в виду — посторонний...

* * *

— Сверху в курсе, — сказал Совенко, ткнув пальцем в потолок. — Рады углублению нашей интеграции с датскими чиновниками... Чем у нас теснее будет интеграция, тем меньше проблем для нашего присутствия в Европе... Но рисковать не буду, пошлю рижанина... Сами знаете, у Пятоо положительный опыт деликатного общения. И хорошие рекомендации.

— Даже если что-то пойдёт не так... Киллер из Риги — всего лишь киллер из Риги! Тормознутые прибалты чего-то между собой не поделили... Москва никоим боком, сном или духом... — скалился Мак Суханов.

— Сын ваш съезжает... — со своей стороны поделилась мыслями глава хозуправления Ева Шарова. — Жилплощадь освобождается, выходит в свободный найм... Пусть заселяется, место проверенное, от жучков чистое, а в отеле — ещё не знаю, как...

— Думаешь?

— А что такого? Один жилец выехал, другой вселился... Нас никак не зацепишь, а место вылизанное...

Киллера из Риги звали Крис, по фамилии он был Пятоо, в уголовной среде за холодность и сдержанность его «погоняли» Каем. Тем мальчиком из сказки Андерсена, которого заморозила Снежная Королева, а Герда, видимо, его так и не достигла...

— Главное, чтобы не Каином наш Кай оказался, — ворчал Совенко, слушая доклады Суханова и Питрава.

Но, поскольку речь шла о большой шахматной доске планетарной геополитической партии, — в Копенгагене кое-кто, очень не любящий Совенко, Кая Пятоо готовил именно на роль Каина...

5

— Ну, как тебе Москва?! — прокричала Яку на ухо сквозь грохот и треск фейерверков Лиза Очеплова, закутываясь в серебряные спиральки праздничного серпантина.

— Москва безумна... — улыбнулся он своей девушке.

Москва была не только безумна, но и очень красочна, витиевата, плетёночна, прянична, конфетна. Ведь богатый центр Копенгагена — это блистающий хромированными деталями и сложной подсветкой, очень практичный и угловатый холодильник. Ты там как пельмень в морозилке. А современный авиалай-

¹ Криминальный сленг: «говно-вопрос» (датск.).

нер летит-то из Копенгагена куда как менее суток! Ты сел в холодильнике постмодерна, калорийно-бессердечном, а вышел... Где?

Москва златоглавая, звон колоколов,
Царь-пушка державная, аромат пирогов,
Конфетки-бараночки, словно лебеди, саночки,
«Эх вы, кони залётные!» — слышна песнь с облучка...

Ну, и так далее — прямо по тексту! Сусальная купеческая мечта, облизанный Президентом и мэром сахарный леденец, которые очень старались и искренне хотели (тут сомневаться не приходится!) реставрировать и подарить всем розовощёкое кустодиевское, блинно-рюмочное разлюли-малиновое яростное вино блюда большой ресторации-агломерации...

Заветная и потаённая, как Президент думал... А на самом деле полишинельная тайна-мечта его, вышедшего из николаевской шинели, всем открылась уже тогда, когда он лично контролировал строительство русского «Диснейленда» — «Сочи-парка». Президент, давно и прочно оторвавшийся от грешной земли, в барском фантазировании своём хотел окружения «русского, изобильного и умного». Для развития ума детишек в Сочи-парке громоздились великолепные конструкции, раскрывавшие популярно законы механики, для изобилия там была роскошь аттракционов и закусок, а для опереточной русскости — всё это пестрорядье одевалось в национальные расцветки и орнаменты, в косоворотки и картузы, тиснёной тесёмочкой подпоясанное, в козловые сапожки обутое.

Получился очень хороший парк аттракционов для детей. Умный, роскошный и русский...

Филиалом этого парка стала столица. Президент хотел — а он умел настоять на своём, — чтобы на каждом углу плясали, кривлялись «национальные по форме» скоморохи и запекались блины. Чтобы между домами по любому поводу ходили ситцевые канатоходцы в колпаках, а под ними — такие же аниматоры на масленичных ходулях. Чтобы пылкие растегайчики кричали бодрими голосами разносчиков, чтобы лалайкали балалайки, пытели на уличных столах пароходами артельные самовары и развевались на ветру погоги расписанных под гжель и хохлому балаганов...

У Президента были заслуга и проблема. Обе — огромные. Этот Президент спас страну от смерти. В прямом и буквальном смысле. Но он не знал, что дальше делать со спасённой. Сказки Ильина и Солженицына казались складными только в сборниках сказок, а при любой попытке внедрить их гнилое содержание в жизнь — рассыпались социально-экономической трухой...

Яков Шумлов, урождённый Совенко, привык жить на кладбище. Дания была кладбищем, правда, всё больше замусориваемым стоящими на нём цыганскими таборами смуглых мигрантов. Швеция, куда Яков легко попадал без всякой визы или погра-

ничного контроля, по мосту в Мальмё, — тоже была кладбищем. С молчаливыми обелисками, несущими на себе память о прошлом, и дебильными надписями на них, напылёнными пачкунами-хулиганами...

Теперь Яков Витальевич Шумлов попал с кладбища напрямиком в дурдом. Трудно сказать, что хуже, скорбные ряды смертных дат или буйство психованных весельчаков, но, кроме того, — всё это слишком разительный контраст для ранимой психики!

* * *

Общество сестёр Очепловых, Валерии и Елизаветы, как воронка — всасывающее раскрывается в общество московской золотой нефтедолларовой, очумевшей от сверхвозможностей и вседозволенности молодёжи.

Это детишки вороватой и сырой от своей сырьевой природы «элиты», чей путь в XXI веке начинался в знаменитых «тусных» и «тузовых» ресторанах в Жуковке: «Веранда у дачи», «Перец», на гремевшей имиджем летней террасе клуба «Подмосковные вечера», на элитных байкерских слетах. Продолжался, по мере их взросления, в самом крутом на Рублевке ресторане «Царская охота». Или в «Дворянском гнезде» в Горках-2, к ленинским местам поближе... Куда зайти парочкой — 1500 долларов. Или, если они вдруг передумали заходить — то могли помчаться в ведущие ресторации в центре мегаполиса: в «Марио», в царство итальянской кухни «Сыр», где за соседними столиками окажутся шоколадные короли и сахарные монополисты... Обычно свой земной путь эти детишки завершают в наркологической клинике для VIP-персон. Странное утешение! Быть не просто торчком, а VIP-торчком!

Это мир, в котором привычны с соболиных колыбелек «Порше» и «Ламборджини», личные самолеты, рафинадно-бело сверкающие виллы тропических островов, шампанское стоимостью в несколько тысяч евро за бутылку, разбитые в пьяном кривлянии дискотеки на Ибике часы по цене квартиры, дизайнские топ-лонги и золотые интерьеры. Эти детки компашками фоткались, не стесняясь потом выставлять себя на всеобщее интернет-обозрение то на борту белоснежной яхты, то кутающимися в шиншиловые шубки у кованых оград особняков. Скорость их «майбахов» вгоняет в пот, а бесконечные волны их пенных вечеринок оглушают кислотной музыкой и ослепляют накалёнными, будто солнечный диск, файер-шоу...

Но сколько бы эти золотые мальчишки и девочки ни «ставили из себя» — их уровень был около сестёр Очепловых. Яков Витальевич по статусу значительно выше их. Пытаясь ему польстить, они даже намекали ему, что его приезд дарит надежду на смену «засидевшейся власти». Фигура-то тяжеловесная! А ну как вождь Западного стакнувшись с могущественным отцом и готовит «кадр будущего»?

— А мы не против, Джекки, совсем не против! — шепелявил некто Толик Кулер, душа компа-

нии. — Сменяемость власти — основа европейского выбора...

Яков Витальевич понимал, что это может быть провокацией, но отвечал, в общем-то, по совести, хоть излишне торопливо и запальчиво:

— Что значит «поменять власть»? Ты и есть власть!

— Я — власть? — кажется, искренне удивился мажор.

— Ну да. У тебя есть собственность?

— Есть.

— Вот, ты ею владеешь. Поменять власть — это взять твою собственность и отдать другому. А то, что ты называешь «смена власти», — это смена аватарки в соцсетях. Их можно менять каждый день или не менять вообще, разницы никакой... Это я в Дании понял... Там есть и то и другое: несменяемый король и сменные парламентские педики... Но в общем-то ничего не решают ни тот, ни другие.

Если говорить на языке знаменитого фильма «Аватар», то все они — зелёные дракончики-банши, а Яков — питающийся такими, как они, летающий выше всех леоноптерикс, «турук макто».

Но Яков себя таким не чувствовал. Он — внутренне — чувствовал себя самозванцем, гоголевским Хлестаковым, и постоянно, пусть и подсознательно, ждал разоблачения. Как все вдруг станут тыкать пальцами и кричать сущую правду про него: «Да он же обычный человек! Самый обычный человек! Какой он к чёрту маг, чего он может наколдовать?!»

Но так про себя думал только Яков Шумлов. Надо ли говорить, что все, буквально все в московском бомонде, лезли и набивались в друзья к Якову Витальевичу, что называется, «без мыла» и во все отверстия, чем приводили этого замкнутого, привычного к одиночеству, потерянного и склонного пугаться человечка в крайнее замешательство.

Москва — это огромный цветок плотоядной раффлезии, раскинувший свои мясистые лепестки-щупальца посреди восточноевропейской равнины и манящий одуряющими запахами всех мошек, мотыльков, дневных и ночных бабочек человеческого вида. Когда дурман московских ароматов, смесь дорогого парфюма, терпкой краски купорной полиграфии, сладкой густой карамельности гниющего мяса и разбрызганной с виду неряшливо спермы проникает в человека-насекомого, тот теряет всякую волю — и летит комаром на фонарь, а когда садится на лепесток — раффлезия, рефлекторно, инстинктивно сжимается — и от мотылька, от доверчивой бабочки остается только сухая спитая оболочка.

Тут ещё усложнил картину и затейник Президент, который взял кисточки — соболиные хвостики, и на этой раффлезии, хищном цветке-спруте, старательно, высунув кончик языка, нарисовал какие-то чухломские узоры, каких-то петухов с вологодской вышивки, какие-то голубые разводы с дымковской игрушки. Вы же не забыли, что он мечтал о русско-

сти, изобилии и уме в одном флаконе. Другое дело, что, вырвавшись из его фантазии, из тесного мушкетного ствола его железной воли, всё это принимало какие-то базедические, выпученоглазые формы. Так замысел Венеры в руках первобытного мастера преломлялся в гигантские задницы и гомерически безобразные груди «богини»...

У Президента своё видение, а у раффлезии — свои законы, своя анатомия. И соткана она была не из сувенирных черточек официального русизма, а из гламура, роскоши и вездесущего гангстерского духа.

* * *

— ...Там будет только узкий круг... Только свои! — закатывая томные глазки, проворковала Валерия Очеплова. И вручила пригласительный билет с золотым тиснением...

— Если узкий круг, то зачем тогда пригласительные? — удивился Шумлов.

— Потому что она выпендривается! — просто и мило сердцу Якова объяснила его Лиза. — Моя сестра-а-а... — протянула с учительскими снисходительными интонациями, — всю жизнь такая...

Вечеринка у Леры Очепловой — это «кислотным музоном» по ушам из запредельных динамиков, и слепящие огненные шары высокого накала, а под ноги — большой бассейн с водой цвета индиго в странной и замысловатой подсветке. Как булочка маком, бассейн засыпан блёстками конфетти, раскачивающимися на волнах. Откуда волны в бассейне? От постоянно прыгающих в него с хрустального помоста девушек в бикини и сомнительных на предмет ориентации юношей в стрингах, бесстыдно заменяющих им трусы...

— Ужасно, да? — тихо спросила Яка Лиза. — У неё никогда не было вкуса... И умения разбираться в людях...

Яков не рискнул бы сказать так однозначно. Перед ним как-то разом, ошеломляюще, будто фокусник сорвал платок ночи, предстала великолепная загородная вилла, очень стильная, в отличие от роскошных, но безвкусных поделок его отца. Вилла эта невероятным образом, как кукольный домик, раскрывалась в собственный парк: панорамные стеклопакеты, составлявшие значительную часть её фасада, разъезжались по сторонам, словно птица раскрыла крылья.

И открывали что-то похожее на романтический грот, где расположился мерцающий блёстками белый рояль, всей тяжестью своею попирающий мозаичный пол, лёгкая, кипарисовая мебель-барокко, множество живых цветов и гирлянд-светлячков.

Бассейн находился как бы под балдахином — в огромном шатре металлических оттенков золотистой ткани, а пологи его тонули в замысловатых перьевых композициях — словно бы у всех струльев и барных стоек вдруг выросли павлиньи и страусовые хвосты. Проходя к центру действия, к бассейну, Яков то и дело задевал декоративные бусы, свисающие

откуда-то сверху — с перил подиума, с деревьев парка, протянутые между фонарями.

Отсюда, как сказала Яку Лиза Очеплова, не вылезали мастера фаер-шоу, акробаты, воздушные гимнасты, танцоры и пиротехники, то и дело рвавшие небо фейерверками. Движимые пневматическими порывами, дёргались в причудливом танце по бокам действия огромные, в два человеческих роста, надувные куклы-«аэромены» со встроенной подсветкой. Те, которых в коммерции называют «надувными завывалами». А на дискотеках — «дугыми танцорами».

Яков был одет... как бы это выразить одной фразой... доктором, снявшим больничный халат. Тёмный однотонный костюм, скорее для работы, чем для светских раутов, неброский галстук, недорогие — для Дании — ботинки, приобретённые ещё в Копенгагене, на распродаже в магазине готовой обуви. Под стать Якову тут была только Лиза.

У остальных — тематическая заявка: они вырядились, как им казалось, «под мафию». Мелькали пиджамно-полосатые и кричаще-искрившие гладкой тканью пиджаки, дамские наряды, больше напоминавшие бальную хрустальную люстру, чем платье, широкополые сицилийские шляпы, молочных оттенков галстуки «с бликом», оттенённые чёрными рубашками в стиле «Муссолини», крокодиловые туфли на пробковых пружинящих супинаторах...

Повсюду бенгальские огни, и уже неясно, где собственно бенгальские огни, а где зеркалящие их бриллианты на гостях. Поодаль от бассейна расположился большой фонтан жидкого шоколада, управляемый негром со зловеще-белым оскалом и кремовыми изнанками ладошек. В фонтан подбрасывали клубнику, и она там прыгала, превращаясь в драже с начинкой. Фонтан у молодёжи назывался «говняным», по причине цвета, и хозяйка зорко следила, чтобы шоколадное «говно» не пролилось, затвердевая струями, в бассейн-индиго...

Зато гораздо ближе к бассейну расположились симметрично два бара с двумя барменами-близнецами, и казалось, что один — зеркальное отражение другого. Это не метафора, они действительно уродились однойлицевыми близнецами, за что их и наняла Лера Очеплова, с почасовой оплатой, обрядив в клетчатые жилетки и степовые канотье провансальской соломки...

Девиз: «Главное не еда, а напитки!» Официантки в стилизованных нарядах горничных из секс-шопа, с белыми передничками и почти ничем сзади, носили лотки между публикой. Предлагалось закусить капкейки, украшенными золотыми или серебряными бусинами, закусывали креветочным коктейлем, таралетками с красной, чёрной и иранской жемчужной икрой, «сигаретами» из бисквитных палочек и белого шоколада.

Всё было маленькое, миниатюрное — но не от жадности, а чтобы тусовщик мог проглотить «за раз». Для постоянно танцующих или хотя бы ритмично подтанцовывающих — это очень важно...

Как и конические, украшенные оливкой, рюмки с «бомбин», коктейлями «френч» и «Манхэттен», «Джули-Мохито», «Джин Рики» и самым обычным мартини — по вкусу, но не по цене — вискарём. На отдельных маленьких столиках расположились «аквариумы», совершенно сухие, потому что в них расставили «букеты» из доминиканских сигар.

Вот обо всём об этом Лиза и спросила Якова Витальевича, принимая это за Москву (потому что другой Москвы не знала). Об этом он и ответил:

— Безумна!

Попади сюда полный своих глубинных мечтаний Президент выволоченной им из морга и реанимированной страны — он бы порадовался прущему и пузырящемуся изобилию, но огорчился бы, встретив мало русского и ещё меньше умного. И ещё кое-что печальное для Президента и его советника по биотехнологиям Совенко: здесь очень много говорили на английском, и даже если по-русски — то со множеством английских словечек.

Здесь золотая молодёжь обезумевшей в плясках Москвы хайпила и хейтерила, не отдыхала, а чилила, здесь говорили «на изи», если легко, и «хард» — если тяжело. Здесь не злились, а «агрились», не номер на айфоне набирали, а «свайпили», не песни диджеям заказывали, а «шазамили».

А когда предавались дебильным молодёжным играм, всегда с сексуальным или наркотическим оттенком, то не играли, а «гамили». Обжору тут называли «фуди», ничем не «пользовались», а только «юзали» используемое, «стримили» друг другу в гаджеты приколы...

— В средние века, — задумчиво поделился Яков с Лизой, держа её по-детски за руку, — на востоке Польши паны говорили по-польски, а русский был языком угнетённого большинства...

— Мы к этому идём, — сразу поняв, поддержала младшая из Очепловых. — У нас тоже русский превращается в язык угнетённого большинства...

— Яй хи зо Даль! — выкрикнул Шумлов, на манер представления Джеймса Бонда. — Владимир Даль!

— Это к чему было? — скептически скривилась Лиза.

— Это по-датски... «Меня зовут Даль, Владимир Даль»... Он был датчанином — и русским. Мне кажется, я на него похож...

— И ты уже начал «Толковый словарь»? — приобняла его девушка с трогательно-славянскими ямочками на щёчках.

— В этом дурдоме я могу составить разве что Бестолковый...

Пристально глянув друг на друга, лицо в лицо, они засмеялись и убежали в глубину сиреневых аллей обихоженого парка с нескромными статуями, семафорящими в чернилах сумерек белыми пятнами.

— Белые пятна истории, — сделал из видения вывод Яков. — О которых мы ничего не знаем... Дарят нам надежду среди её беспросветной черноты...

Ещё с ними были жёлтые, как пролитое масло, пятна парковых гранёных колб, разреженно расставленных и раздражённо зудевших мошкаррой фонарей.

Под одним из таких, стыдливо-неверном, истыканном атаками насекомых фонарём Яков обнял Лизу. И бережно, но надолго увлѣк в танцевальное «па» поцелуя.

— Эйкс тро, йег элскер дит...

— Ну, — смеялась Лиза, — и что это означает на языке угнетѣнного большинства?

— А ты «погугли»...

— И как я, по-твоему, это сделаю? Скачаю с воздуха в смартфон текстом? И каким алфавитом?

— А в общих чертах ты поняла?

— В общих чертах я, кажется, догадываюсь... Но мне ещё требуется время поработать с текстом, чтобы сделать точный перевод... Ладно, Як?

— Конечно... Я подожду, сколько нужно... Я тоже должен немножко сократить текст.

— Чтобы осталось три слова из пяти?

— Какая ты догадливая...

— Ты не сказал «у меня»...

— А у меня есть такое право?

— Может быть, может статься...

Он сказал ей по-датски: «Мне кажется, я тебя люблю». И хотя она не понимала датского, она понимала, какие два слова из пяти он должен сократить для точности текста.

Теперь он уже считал её своей, как-то без долгих раздумий, словно бы они всегда были вместе и по-другому быть не может.

* * *

— Держись за него, Елка! — советовала Елизавете разбитная старшая сестра Валерия. — У него баксов столько же, сколько у тебя!

— И это причина держаться? — засмеялась Лиза, она же Елка, не понимая логики сестры-стервы.

— Столько же, — пояснила Лера. — Но только ты считаешь штуками, а он ярдами...

— Да хоть дюймами!

— Фунтами, дура! Не знаешь, что такое ярд?

— Всё я знаю... Но не у него, а у папы, и дай папе Бог сто лет здоровья!

— Сколько верёвочке ни виться, Елка... Завидую я тебе, сучка, такая всегда тихоня была... В тихом омуте...

Компания сестёр Очепловых совершенно естественным образом стала для Якова Витальевича Шумлова единственной его московской компанией. Он тут давно не был, и никого толком не знал, и даже когда был — то всегда смотрел на людей словно бы с крепостной стены, заложник сложного ромба корпоративного телохраниительства...

Но, что важнее, ему нравилось быть с Елизаветой свет-Дмитриевной, общее для них нашлось сразу же и всё время расширялось. Как только замкнутый и угловато-моластый юноша сознавался, что ему не

по душе, выяснялось, что и Лизе это тоже не нравится. А что он любил — то и она любила.

«Подлаживается!» — сказал бы циничный всепонимающий отец.

Но тут не ему было решать, Яков Витальевич думал иначе, ни в какие «подлаживания» не верил — хотя со стороны Валерии вполне бы их допустил. Он же не слабоумный. Он же понимает, что как Колобок на тропинке среди зверья. И многим лисам нравится его песенка так, что мечтают её с носика послушать... Просто Лиза...

— Просто Лиза другая...

«Мальчишка!» — ожёб бы его наивность отец. Но отца про это никто не спрашивал.

* * *

А на площадке, где весь мир вращался вокруг бассейна и Леры Очепловой, всю старались диджеи Сникерс и Платанов.

— Мы ещё раз просим дорогой пипл отыскать все сокровища, обозначенные на нашей обширной барной карте! И напоминаем, что сегодня диджей-сетты для вас заказаны на всю ночь! Welcome! Растанцуем этот уик-энд по полной!

Это всё проорал полоумный и взлохмаченный Платанов в гавайской распашонке, расходящейся книзу выточками и под мышками — тѣмными пятнами трудового диджейского пота. Сникерс был не менее долбанутый и оглушил Якова до звона в правом ухе, заорав в свою репризу:

— Вчера был Всемирный день поцелуев! Сколько поцелуев в день для счастья вам требуется, и правда ли, что, чем выше любовь, тем ниже поцелуи? Роллы и шампанское, бойз энд гёрлз, только для вас, налетайте, роллы и шампанское ждут!

— Я правильно понял? — оглянулся Яков на Лизу. — Они предлагают роллы запивать шампанским?

Она пожала плечиками, развела руками: мол, что с ними поделаешь? И поддела в нём докторскую жилку:

— В нашей народной медицине это средство используется в качестве слабительного...

— Не упустите свой шанс на роллы с шампанским! — сладострастно стонал в микрофон Платанов. — Кушайте и запивайте их с вашими бомбическими диджеями! Мощный заряд позитива!

— Особенно утром! — хихикнула Лиза. — Когда снадобье по профилю подействует...

— А теперь, — Платанов не слышал её и потому не смущался, — для всех наших «тян»¹, которые «краш»² — не сокрушайтесь, в подарок стильный оранжевый гандшпуг³!

¹ Тя н (сленг «десятых» годов XXI века) — девушка, телочка.

² Краш (сленг «десятых» годов XXI века) — любимый или любимая, чаще всего безответно.

³ Г а н д ш п у г (морск. термин) — остроконечный рычаг, подъёмный багор на корабле. В руках умелого пирата — страшное оружие абордажного боя.

На подиуме, круто обрывавшемся в бассейн, появился какой-то лимонных оттенков азиат, голый по пояс, к счастью, сверху, а не снизу, и в шёлковых штанах «ala Брюс Ли». У него в руках действительно был пожарных цветов гандшпуг, словно бы украденный с противопожарного стенда где-то в порту. Двигался азиат под энергичную и забористую музыку так, словно в нём нет костей. Оранжевый багор вертел над головой, будто ниндзя нунчаки...

Как для геолога карта,
Как для пилота штурвал,
Стильный, оранжевый гандшпуг
Мне верным спутником стал...

«Ах, вот они к чему это всё... приурочили...» — запоздало понял Яков Витальевич, всё ещё ковыряя пальцем в звенящем от чрезмерного приближения к динамикам ухе.

Пускай я никогда не встречал в Африке рассвет
И не видел сам пожар в джунглях в час ночной,
Но знаю точно я, на земле самый яркий свет —
Свет, который дарит всем стильный гандшпуг мой...

— Наверное, трудно вам у нас, после стольких лет в цивилизованном мире? — сочувствовал Якову Жора, близкий друг Валерии Очепловой, уже поддавший и на взводе, с блестящими вороватыми глазами наркомана.

— «Цивилизованным» этот мир назвал себя сам. По мне, так ненадёжный источник...

— Ну, не знаю... Если взять их уровень жизни...

— А что их уровень... Он там у каждого свой...

— Но в среднем же выше нашего!

— Понимаешь, Жора, — поделился Яков сокровенным, вымученным в датских клиниках и судах, — зачастую источник скудости — не безденежье, а скудоумие. Европейцы — пустые люди с промытыми мозгами. Они многое могут себе позволить, но чаще всего не понимают — зачем? Детей они рожают разучились. Машинам непонятно — зачем это нужно?

— Зато вот кто рождает больше всех! — возникла из сиреневого тумана Лера Очеплова, одной рукой обняв Якова, а другой подталкивая к нему для знакомства «кутюрного» чернокожего юношу. — Знакомьтесь, это Огюст Мбава, сын ихнего посла у нас! Это Яков... Яков, пожми ему руку, не бойся, не испачкаешься! Близок час, когда Огюстовичи заселят ихнюю Гейропу, туда им и дорога!

— А не жалко? — прищурился Яков Витальевич, пожимая черную, словно бы тёмной лайковой перчаткой затянутую продолговатую кисть негра.

— Какого дьявола их жалеть, в них всё равно жизни не осталось, конченые автоматы! Правда, Огги-Погги? Как тебе белые девушки?

— Ну если речь о тебе... — начал было Мбава, необыкновенно складно выговаривая русские слова.

— Не, на меня не рассчитывай! — расхохоталась Очеплова. — Дуй западнее, без твоей чёрной смазки европейских роботов заклинило!

— Они, конечно, роботы, — осторожно согласился Шумлов, — и от них машинным маслом пахнет... Но, другой вопрос... Если альтернатива им такой квасной и скрепный стоик, как топ рара, поневоле задумаешься — много ли выиграешь при замене? Он-то не робот, конечно, он у меня живее всех живых! Если те котят утопят по инструкции, механически, — то этот с большим удовольствием!

— О котятках мне не говорите! — потребовала Лера капризно. — Это мой больной мозоль!

— С чего вдруг?

— Во всём виновато вот это дитя гудрона! — Лера толкнула кулачком в плечо Огюста Мбаву. — Подарил мне котёнка... — жаловалась она далее, делая обиженное личико. — Я думала, это сомалийская пятнистая кошка, а это оказался котёнок настоящего африканского леопарда! А теперь он вырос, и я не знаю, что с ним делать... Мама уговаривает сдать в зоопарк, но мы с Леопердушкой так привязались друг к другу...

— Леопердушкой?

— Ну да, я его так назвала... Пердит невыносимо вонюче, особенно если нажрётся рыбы...

Посторонние для этой вечеринки люди в костюмах гробовщиков, каждый со спиральной спецсвязи, одиноким пейсом свисающей из уха, отсняли развесёлому поддающую молодёжь от бассейна. Помогали — иногда даже грубовато — вылезти тем, кто там в непотребном виде плескался...

— Чего это они? — удивился Яков.

— Лерка страшется! — объяснила Лиза. — Сейчас жажнет в это джакузи двадцать пять кило сухого льда — а какой-нибудь дурак прыгнет — и окоцурится... Случаи были уже такие — дебилы же не понимают, где кончается шоу... и начинается жизнь... А Лерка, она у меня бешеная, но с головой!

Мешки сухого льда превратились в эффектный пар — углекислый газ из кристаллического образования перешёл в туман. Туман этот, напоминающий съёмки фильма ужасов, стлался только по пояс и потому был безопасен. Но если бы какой-нибудь алкаш лёг в него — то задохнулся бы почти сразу...

— Это и есть наш сюрприз! — визжали «бомбические» диджеи. — Ваша возможность сделать впечатляющие мистические селфи! Но не подходите к туману слишком близко — он может забраться в вас и скушать изнутри!

— Это сумасшедший дом! — сказал Яков, которого толкали гости, пробиваясь поближе к «мистическому туману» для фотографирования.

— В точку! — кивнула Лиза Очеплова. — Но согласись, веселее, чем в Копенгагене...

— Веселее... — неуверенно согласился Шумлов.

* * *

В Копенгагене дела шли своим чередом, обещанный «решала» прибыл и входил в курс дела. Шанта-

жиста старины Йенса, который и нажился, и попался на пользе клубеньковых бактерий, звали Эмил Ультрих. Он работал в газете «Strædetr» — что переводится как «Пролив» или «Проливы», имея в виду ютландские берега. Подобно всем бумажным изданиям, газета загибалась, и сотрудники, уже не гнушаясь ничем, промышляли любой падалью. Откопав, как свиньи, любую грязь — тут же пытались её монетизировать. Это было выгодно Крису Пятоо, потому что ни для кого не секрет. А ему, для его плана, нужно было, чтобы мотивы устранения Ультриха не вызывали особых сомнений...

Крис уже получил в интернет-кафе на одноразовый аккаунт, созданный на пять минут, справку из Москвы, отправленную из компьютерного клуба общего пользования. Иначе говоря, письмо никого никому. И шифром, известным только им двоим.

Теперь Крис был доволен и даже, расслабившись, добавлял себе бурбона в утренний кофе, сидя на круглой табуретке бара, у витражной панорамной витрины, откуда удобно было следить за домом Эмила Ультриха. Охотно беседовал с другими посетителями, чтобы не показаться угрюмым букой. А то ещё решат, что он за кем-то следит!

Настоящей находкой стал для Пятоо колоритный африканец, видимо, турист, подсевший без спросу и трещащий без умолку — как будто они с рижанином всю жизнь на короткой ноге.

— Феннер Эрасмус, — представился Крису одетый с африканской спецификой, в распашной дашики с замысловатыми узорами под осоловевшим белыми разводами замшевым пиджаком грома. Его лицо украшали суровые шрамы: один косой, рубленый, через правую бровь, другой, вилкой, ровный, на левой скуле. Разбойничий облик венчала ковбойская шляпа цвета «коньяк», из страусиной кожи, с пятиполосным плетением. По краю она была простёгана грубовато, вручную, кожаным шнуром: зачем так делать, знают только буры.

«Видимо, из них», — подумал Крис, принимая протянутую руку в левую кисть и одновременно показывая протез вместо правой: мол, не от неуважения знакомлюсь ошуюю...

— Воевал? — строго прищурил рассечённую белым рубцом, да и без того выгоревшую на африканском солнце бровь чудаковатый Феннер.

— Нет, не довелось...

— А вот мне пришлось... И немало, — торопился выговориться барный бур в «бурном баре», пока не послали подальше с навязчивыми душеизлияниями.

Потом он подарил, неизвестно зачем, визитную карточку, на которой, впрочем, значился как Фокки Фреш, фирма по возвращению активов. Туманное, и одновременно очень ясное, определение!

— Ну ты же Феннер Эрасмус? — запротестовал Пятоо.

— А Фокки Фреш — мой творческий псевдоним! Ну и одновременно бренд, понимаешь, название фирмы. Имя Феннер никому ничего не говорит. Что

и неплохо. А Фокки Фреша в Африке всякая собака знает! Если тебе нужно вернуть расхищенные активы... Любой сложности... Обращайся, приятель, это мой профиль...

— В Африке? — вежливо поинтересовался «однорукий бандит» Крис.

Феннер прицокнул языком с досадой:

— Ну... с этим заминка... Я, приятель, поучаствовал в событиях, в Мали¹... недавно... Хорошо так поучаствовал... Большой куш взял... И решил закрыть лавочку. Я, понимаешь, тут вроде как на пенсии... Ну, сколько мне можно по этой Африке скакать? Вот я взял гонорар в Мали и уехал в Данию... Прохладно, спокойно... Хорошая тихая гавань, чтобы встретить старость, а, приятель?

— Прекрасный выбор! — лучился участием в судьбе случайного собутыльника Пятоо.

— Послушай-ка, брат, а ты не estonian? Лицо у тебя такое узнаваемое...

— Почти. Я латыш, — кивнул Крис. И добавил как бы невзначай: — У меня семья в Риге.

Эту байку про семью в Риге он постоянно всем «по секрету» рассказывал, очень надеясь, что «утечёт». Никакой семьи в Риге у него не было, только разведёнка с прицепом, выбранная на прокорм по случайному принципу. Он посылал немного денег на её имя, но этой женщины и в глаза не видел. Это был один из методов Пятоо: пустить нанимателя, а случится — то и врага по ложному следу. Дать им уверенность, будто они держат Крису Пятоо за жабры, знают его заветную тайну. После чего они расслабляются, думая, что смогут манипулировать стрелком...

— Латыш? Таких не знаю, а с эстонцами хорошо знаком! — похвастался Эрасмус. — Мы с ними многих вырезали в Чаде, Вольге, Мавритании²...

— Ну и как они себя проявили?

— Великолепно! — Феннер причмокнул французским поварским жестом. — Отмороженные на всю голову! Видимо, в Эстонии много черномазых?

— С чего ты это взял?! — удивился Пятоо.

— Очень уж они активно «любили» ниггеров... — хихикал пьяный бур. — Ни одного при мне не кончили без «предварительных ласк»... По правде сказать, французешек рвало желчью на песок, когда они видели проделки эстонцев! Я думал, они наёмники, оказывается, это регулярная эстонская ар-

¹ В 2013 году Франция вторглась в Мали. Операция началась с нанесения боевыми самолетами ВВС Франции ударов по наземным объектам. Около 500 французских военнослужащих высадились в Бамако. Им помогали наёмники. Обе стороны несли потери, так же как и мирные жители. После первых дней проведения операции «Сервал» французское командование решило нарастить численность своего воинского контингента в Мали сначала до 2500 человек, а чуть позже уже до 4 тысяч. Франция вела вторжение самостоятельно — вне рамок НАТО. Это одна из ярких войн неокolonизма XXI века.

² Колониальная операция «Бархан» 2014 года французских интервентов в Мали, Чаде, Буркина-Фасо, Мавритании и Нигере была поддержана военными силами Эстонии. Эстонцы проявляли особую жестокость в карательных акциях.

мия... Не завидую соседям таких основательных парнишек...

— Моя Латвия по соседству! — сознался Крис.

— Да?!

— Но не волнуйся, друг, там живут такие же...

— Вот куда надо было ехать! — прицокнул языком с нескрываемым уважением Эрасмус-Фреш. — Был бы среди своих! А я сюда подался... А тут что? Чувствую себя в доме престарелых.

— Желаю успехов в боулинге и в кальянных...

— Да я тоже желал... — сознался Феннер, почёсывая за ухом. — А потом, слушай, брат, тоска взяла... Скучно мне тут... День живу, другой, тихо, неделю, месяц... Как думаешь, дальше так жить — или сорваться обратно в Мали?

— А там тебя ждут?

— Ну, ты что! Так ждут, что всё время на электронку пишут... Если подумать — мне зачем? Деньгами вроде не обижен... Опять в песках там рисковать — к чему?

— И правда... Если деньги позволяют — зачем работать?

— А с другой стороны, приятель, ты меня поймёшь... Я тут вроде как и не живу... Как будто я умер, что ли... Не хватает мне моей Африки, риска мне не хватает...

Пятоо с искренним сочувствием долго и пристально смотрел на старого наёмника. Попытался по шрамам прочитать «личное дело». А потом очень доброжелательно и совершенно серьёзно сказал:

— Феннер, у меня профессия вроде твоей... А нам без чуйки нельзя... Чуйка у меня, Феннер, нельзя тебе обратно в Африку... Убьют тебя там...

— С чего ты взял?! — взорвался Эрасмус-Фреш. — Знаешь чего?!

— Ничего я не знаю, тебя в первый раз вижу... А вот чувствую, ты уж мне верь... Вернёшься в Африку, там тебя и похоронят. Это ведь Бог тебе шанс дал уехать, Бог надоумил... А ты обратно...

— Похоронят, говоришь?

— Чую, Фенни, погребут...

— А тут нет? И тут погребут. Одна и радость — что вместо песка дёрному накроют... Но спасибо, бро, я подумаю, пораскину мозгами...

Озадаченный Феннер ушёл, а Крис, проводив его сочувственным взглядом, вернулся к своему делу. «Работать работу» своими руками он не хотел, да и незачем было. Ствол его надёжно укрывала пластиковая пятипалая кисть, а заменял убойное оружие листочек бумаги. Тот самый, от никого — никому...

Вначале в письме следовало имя: Адиль ульд ар-Хамед. Потом адрес, телефоны и легальная фирмачкрыша этого Адила. Вы будете смеяться, но это была... прачечная! Как в кино про мафию! Ну, наверное, из кино это и пошло, уголовщина с Востока в перерывах между показухой намазов любит смотреть голливудские фильмы. Эти арабы-«беженцы» на «Мерседесах» — они же как дети: убьют — не заметят. Злые детишки, наглые, но ум оставили на исто-

рической родине... И то сказать, имели бы ум: на кой чёрт столь истовому мусульманину, что даже бурнуса не снимает, жить в Дании? Мучить себя в обществе неверных, когда на свете так много исламских стран — хочешь, султанаты, хочешь, парламентские монархии, есть и республики, выбирай на любой вкус... Нет, они сами едут к «гяурам», а потом стонут, как им плохо жить там, куда они вклинились заострённой костлявой бедуинской задницей...

В общем, сообщало послание из Москвы, этот Адиль ульд ар-Хамед оказывал прачечные услуги, а в свободное от стирки и отмыwania денег время, на досуге, так сказать, завозил всякие «весёлые порошки» конопляного и макового, а бывало — и лабораторно-синтетического происхождения...

Информация об этой части бурной деятельности Адила ульд ар-Хамеда шла из Москвы шифром. Но Крис Пятоо знал этот шифр наизусть и не парился с расшифровкой, читая с листа, как обычный текст: какого размера партия, на каком корабле пришла, где разгружается, из Питера или из Таллина, а одна — так шла почему-то издалека, из Танжера. Зато крупнее каботажных!

У корпорации, в которую сделал запрос Пятоо, всюду свои глаза и уши, доступ к полицейским базам данных, есть и собственная информация. Наркочу в портах ищут для «Биотеха» не собаки, а... специально обученные крысы, а это на порядок эффективнее. Соответственно, как только нашли партию — тут же на заметку в центральный офис! А дальше уже руководство решит, что с полученной инфой делать. Можно подкормить ею своих полицейцев, которым помогают делать карьеру поскорее, за счёт высокой раскрываемости. Можно — по мере нужды — сделать отправителю или получателю «предложение, от которого трудно отказаться». А можно — вот как сейчас. Попросил «однорукий бандит» пошукать, кто балует с герычем в Копенгагене — дать наводку!

План у киллера Пятоо был сперва простой. Позвонить Адилью ульд ар-Хамеду от имени журналиста-вымогателя Эмила Ультриха и рассказать оптовичу о его погрузочно-разгрузочных работах. Детально, с адресами, с объёмами партий, с именами поставщиков — чтобы не подумал, что корреспондент отдела расследований газеты «Strædetr» блефует.

Когда этот придурок Адиль в своей прачечной испугается, разозлится и нагадит в свои белые одежды — назначить крупную сумму и место встречи для передачи денег. И время. Проще говоря, назвать, когда и в каком кафе Эмил Ультрих будет ждать с деньгами старину Йенса из датского правительства...

Ну, и завершающая часть плана — сесть на скамеечку через улицу напротив и понаблюдать, как люди Адила разберутся с шантажистом. Они это, несомненно, сделают сами и качественно, залогом их усердия является конкретика сообщения от журналиста, «слишком много знавшего» и вздумавшего просить долю в наркомафии.

Но Пятоо — профессионал, и он обязан лично проконтролировать на месте: вплоть до охлаждения тела заказа, и никак иначе! Потому что Крис — та «фирма», которая веников не вяжет и даёт серьёзные гарантии заказчикам. Пусть мавр сделает своё дело и уйдёт, уподобившись ревнивцу Отелло, — Крис Пятоо, несомненно, собственными глазами обязан завидетьствовать итог.

Может быть, и на телефон сфотографировать. Будет, конечно, шумиха в газетах, скандал, разборки, глядишь — вот ведь смех! — упорный датский следователь и до Адила с его мешками героина доберётся по горячим следам, так и попутного ему ветра и королевского флага в задницу, кто ж против? Крис Пятоо или АО «Биотех»? Ни в коей мере! Делай карьеру, делай имя, следак, зачисти ночные клубы от «товара» Адиль-сеида¹ — в твоём городе почише станет...

Хоть шила в мешке, то бишь устранения вонючего вымогателя Эмила Ультриха, не утаишь — Крис непременно попытается сделать «селфи» с покойным. Это ведь не преступление! Это безнравственно, но... Зная современные нравы в датском королевстве, где прогнило уже не что-то, как при Гамлете, а вообще всё, — там многие полезут «селфи» делать, процесс и итог прачечного гнева снимать на айфоны... В толпе жаждущих хайпа блогеров легко и затеряться...

Однако, наблюдая через стекло большой витрины кафе за домом своей жертвы, Крис Пятоо на ходу изменил план. Листочек-распечатка для Адила был сложен вчетверо и удалён во внутренний карман пиджака, возможно, ещё пригодится, но...

«А нужна ли вообще мокруха?» — подумал Крис, попивая кофе с ромом. Он — профи, а значит, совсем не кровожадный. Получать от «мочилова» удовольствие при его профессии — всё равно что быть дантистом-садистом или хирургом-маньяком. К счастью своему, подонок Эмил Ультрих приехал домой не один.

Нет, ну конечно, это могла быть его дочь или племянница, кто же спорит? Однако Крис оценил одежду девочки-малолетки — слишком уж вызывающую и кричащую. Оценил и вороватые взгляды грязного Ультри по сторонам. Ультри держал от девочки дистанцию. Ультри явно опасался даже прикоснуться к ней на людях. Вывод профессионального киллера: грязный Ультри, скорее всего, педофил и как раз собрался удовлетворить свою порочную поганенькую страсть...

«С одной стороны, — думал Пятоо, — мне тебя, старина Эмил, вдруг захотелось убить сильнее, чем раньше... Но с другой — у меня задание решать вопрос, и необязательно по-мокрому... А без мокроты сплюнуть — конечно, всегда здоровее. Как отвечают забойщикам на латышских хуторах, когда те через

плетень выкрикивают предложение своей кровавой «услуги»: iesist vienu reizi, govīs slaukt — vienmēr²».

Зачем подставлять вонючку Эмила под обрезанный ствол бешеных арабов-наркоторговцев? Он ещё, глядишь, и пригодится...

Крис Пятоо расплатился в кафе, как положено у латышей, неторопливо и с прибавками, осторожно, соблюдая все правила движения на не очень оживлённой улочке, перешёл под арку, в правой стене которой был вход на этажи меблированных квартир. Одну из них снимал подонок Ультрих, и Пятоо, как профи, уже знал, какую именно. Лестница была винтового типа, тёмная и грязная, лампочки угольные; у подоконника площадки третьего этажа Крис аккуратно и бережно открыл пластиковую пятерню с протеза.

И — достав из кармана — привинтил на её место, по той же резьбе свинцовый пирамидальный кастет. Потом подошёл к двери в квартиру, арендуемую грязным Ультри, оценил дешёвизну и примитивность замка, тонувшего в рваной клеенчатой обивке, и постоял, покурив. Надо дать время педофилу раздеться и распалиться как следует, потому что такой замок отмычки Криса Пятоо вскроют в три секунды... Ладно в пять... Но никак не дольше восьми!

Бесшумно приоткрыв дверь, Крис вошёл в прихожую в носках, а свои туфли занёс на руках и поставил их возле другой обуви. На цыпочках, деликатно, словно бы не желал мешать — пробрался в спальню... И сделал снимков семь-восемь, прежде чем грязный Ультри что-то расчухал, голышом восседая на малолетке...

— Что?! — ошалело озирался Эмил, когда было уже поздно. — Кто ты, твою мать?! Чего тебе надо?! Зачем ты снимаешь?!

Всё это он кричал по-датски, а Пятоо понимал только английский, поэтому не смог понять вопросов грязного Ультри. Да, по правде сказать, и не стремился их понимать. Когда Ультрих — смешной, голый, костлявый, — бросился драться, Крис приложил его пирамидальной свинчаткой в нужное место.

Нужное — это такое: чтобы отрубился, чтобы не насмерть и чтобы следов побоев не было видно. Обнажённая девочка-проститутка в постели завизжала, но Крис показал ей взамен кулака свинцовый молот на протезе, и она — видимо, в силу занятий, в таких делах понятливая, заткнулась. Только слёзы глотала да икала, дрожа, пытаясь завернуться в простынку...

В принципе, фотографии получились неплохие. Отчётливые — спасибо новой технике! На них вполне было видно и рожу грязного Ультри, и то, что его партнёрша — явно моложе разрешённого законом возраста. Но поскольку Крис был профессионал, то он дождался, пока Эмил очнётся, и ещё немного его побил. Уже мягче, без обмороков. Просто чтобы грязнуля почувствовал, кто тут хозяин положения.

Потом объяснил:

¹ Сеид — почтительное обращение у арабов, «господин» или «почтеннейший».

² «Режешь один раз, доишь — всегда» (латыш.).

— В общем так, piece of shit¹ (в детстве, изучая английский в советской школе, он думал, что это «Щит Мира»), у тебя выбор! Или я тебя кончу прямо здесь и сейчас, и навсегда, с похоронами и некрологом в твоей сраной газете... Или мы с тобой устроим фотосессию...

Таким путём Крис сделал ещё несколько снимков преступной любви педофила, а для подстраховки ещё видео поднял. Под камеру у грязного Ультри потенция была никакая, но ведь важнее было, чтобы их лица при соитии отчётливо виднелись!

— Теперь слушай меня, Щит Мира! Отныне ты раб лампы — то есть вот этого телефона. Тебе в редакцию позвонит человек и скажет кодовое слово «Лиссабон»...

— Почему «Лиссабон»? — комично вскинулся репортёр, даже в такой ситуации не утративший профессионального любопытства.

— Тебе какая разница, штопаный кондом? Тебе позвонят и скажут «Лиссабон», и ты сделаешь всё, что тебе велит этот человек. Иначе будет плохо не только тебе, но и твоей газете, принявшей на работу педофила, и пока ты срок мотать станешь, им от тебя отмываться придётся всеми чистящими средствами!

— Я понял... Я всё, что в моих силах... Но вы даёте гарантию, что эти записи не выплывут в сети или в полиции?

— Гарантия тебе, кондом, — наша с Лиссабоном выгода. Гашеный ты нам уже не нужен будешь. А бодрым... Ну, может, когда нужную заметку опубликуешь или мебель поможешь грузить... Это как Лиссабон решит, я-то нездешний, я отсюда уезжаю, скоро и навсегда...

— Я... понял... умоляю... сохранить конфиденциально... Я понимаю, что это плохо... Но я творческий человек, богема... Это мой недуг, моя болезненная склонность... Понимаете, я и не хотел бы...

— Слушай, говно, — изумился Пятоо в рамках своего знания английского языка. — Я похож на психотерапевта?!

— Нет..

— Ты чего добиваешься? Чтобы я тебе за сеанс психотерапии счёт прислал?

— Нет..

— Ну тогда всё, прощай, полудурок, и помни: пароль «Лиссабон»!

Так Крис Пятоо из Риги, по документам Андреас Медов, решил проблему датского министра, который сам теперь заимел возможность брать деньги с журналиста-дерьморыла. За молчание. И что характерно: никаких трупов, никакой мокрухи! Нет тела, нет и дела.

Ещё и козырь остался в запасе, героиновый оптик Адиль ульд ар-Хамед, который замочит любого, только звякни ему с полученной из Москвы справочкой...

6

А Яков Витальевич Шумлов, и не догадываясь, какие страсти кипят рядом с его альма-матер, — снова оказался в пенатах детства, возле реки Сетуни, в городской вилле, где почти ничего не изменилось со времён его отъезда, столь много для него самого изменившего. Крафтовая мебель оливковых тонов, невесомо-тонкий фарфор, фрески на сводах маминной игрушки — кукольного домика...

Мама боролась с пылью, но пыль побеждала. Мама командовала целой армией прислуги в этой неравной борьбе, но пыль всё равно брала верх. И нечто подленькое шептало изнутри, что не пыль это вовсе, а неодолимый песок Хроноса, истекающего времени...

Бронзовые ворота усадьбы ведут через шахматную доску, выложенную черными и белыми квадратами мрамора, с огромными, алебастровых оттенков, вазонами по бокам. Дальше — он мог хоть с закрытыми глазами — вверх по широкой белой мраморной лестнице к арт-гостиной, в которой плитусы покрыты серебром. По центру каждой из стен — неперменная картина маслом маминной работы. Двери брызжут яркой мозаикой витражей. Повсюду уставшего путника подстерегают диванчики-канале зелёной кожи, натянутой бронзовыми гвоздиками-звёздочками. В детстве Яков звал их «лужами Прокруста» — потому что на них, при их декоративной резной миниатюрности, не разляжешься: то голова свиснет, то ноги...

Гобелены в залах — полосами от потолка к полу — жаккардовые, вышиты золотыми и серебряными нитями. Столики красного дерева заставлены стареющими женскими поп-сепс'ами: шкатулочками, вазочками, куколками, колокольчиками с гербами европейских туристических столиц...

В детстве этот, и так немаленький, дом — казался ему гораздо больше. Он представлялся для юного узника страшно большим. Это и неудивительно, ведь Яков Витальевич в первые годы жизни сам был в три раза меньше! И вот вам вечный сюжет, пропущенный через собственное детство: маленький мальчик на мраморном широком подоконнике смотрит на небо, постепенно из голубого превращающееся в звёздное, и ждёт папу. А папа никогда не приходит. Хотя должен прийти, ведь это же праздник, ведь мальчик сегодня именинник или что-то около того... Папа не приходит почти — это понимает взрослый. А для маленького мальчика нет никакого «почти». Папы всегда нет.

— Папа плохой! — однажды сказал плачущий Яков звёздному небу и маме. — Папа про нас забыл...

— Он не забыл, Якорёк... Он просто очень занят...

— Почему он никогда не приезжает к нам?

Вместо ответа она вывела его на широкую террасу поместья и показала небо не куском из окна, а широко, до самого окоёма.

— Как думаешь, сынок, оно тяжёлое?

¹ «Кусок дерьма», одно из самых распространённых ругательств в английском языке (англ.).

— Очень тяжёлое... — признал, поёжившись, Яков Витальевич, девяти годочков от роду. Где-то сбоку от их поместья на Сетуни танки уже строились расстрелять российский парламент — но здесь не слышно, досюда не доходило...

И мама рассказывала ему страшную сказку. Тем более страшную, что знакомые и даже сам Яков органично включались в её повествование! О том, что, когда Якову было всего два годика, небо дали держать глупому и слабому, горбатому человеку...

- Мама, а почему дали горбатому?
- Потому что здоровых не осталось...
- И он уронил небо?

— Да, Якорёк, глупый и слабый Горбун уронил небо. Во тьме заплакали вдовы. Сгорали все поля. Готовились взойти над кромешным хаосом лиловые грибы. Земля кончалась, над твоей колыбелькой сгущалась мгла... Мы могли только плакать, молиться и ждать смерти в темноте. И вот тогда твой отец и ещё несколько человек взяли небо за шершавый край и приподняли... Они порвали себе все жилы и деформировали все внутренние органы, но они подняли небо на изрезанных в кровь руках... И с тех пор держат...

Потом мама прочитала стихи — Яков впервые их тогда услышал и не знал, что это старая песня. Считал, что это мама придумала в честь папы:

...Держать его махину
Не мёд — со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены...
Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то —
И небо упадет...

Несомненно, своим благочестивым апокрифом мама Таня хотела вызвать у ребёнка почтение к отцу, восхищение отцом, но Яков по-детски непредсказуемо связал мысли иным пучком. Отец — держит небо, он, Яков, наследник... Значит, и ему держать небо?! А оно тяжёлое, а это так трудно... Многие годы агорафобия¹ его взросления подпитывалась этим зловещим образом небес, лёгших на плечи. Примеренных на собственные ключицы...

- Мам, а зачем нужно держать небо?
- Чтобы народ жил...
- А народ не может сам над собой держать небо?
- Народ глуп и беспомощен, сынок. Всё, что он сам по себе может, — только убить себя в экстазе беснования, ни черта не зная о мире и ничего не понимая в жизни...

Это один полюс психологии Якова Шумлова, а другой, много лет спустя, сформулировала Лизонька Очеплова:

¹ Агорафобия — боязнь открытого пространства, открытых дверей; расстройство психики, в рамках которого появляется страх скопления людей. По сюжету, персонаж страдает ещё и акрофобией, но это нечто иное: навязчивый страх высоты.

— Вот представь себе чудовище, такое чудовищное, — щебетала она, с виду беззаботно, — по условию задачки чудовище... Мы-то знаем, что оно чудовище, а оно-то само не думает про себя так! Как оно должно внутренне себя воспринимать? Очевидно, что внутренним оком чудовище видит себя жертвенным мучеником, который ради любви к людям пошёл на муки, во многом себя обделил ради других... Согласись, ему уютнее думать о себе так, чем в зеркало смотреться...

— Знаешь, а я с восьми лет это подозревал! — кивнул Якорёк.

— Что? То, что Рокфеллер считает себя хребтом человечества?

— Ну, нет... — Он почти забыл, что сперва они говорили об очередной пересадке почки заокеанскому мерзавцу, уставшему, но не прекращающему жить. — Я не про Рокфеллера...

Один полюс — небо, которое он держит на порванных руках. Второй полюс — чудовище, обкуренное холопским фимиамом, уболтанное и уболтавшее само себя, что без него никто не выживет. И потому лучше жрать людей по одному, чем им разом всем погибнуть... Есть и центр, экватор всей этой конструкции конспирологических подозрений. И автор центра, как ни странно, сам обдумываемый их герой, то есть отец.

— Все без исключения человеческие занятия — это жалкая и безнадежная, заранее обречённая попытка забвения Смерти, — сказал ему отец, когда они выходили с пасхальной службы из храма, заказав именной молебен, и Яков придерживал старика под руку, чтобы тот не поскользнулся. — Если ты не включишь в уме идею Бога и бессмертия души — тогда Смерть — единственная истина. Тогда не важно, что ты делаешь и делаешь ли что-то вообще. Потому что тогда любое из дел человека, какое ни возьми, — лишь глупая маскировка трупного разложения. А значит, все дела становятся одинаково отвлекательными и всякое быстро прискучивает... а тогда у человека в голове нет ни добра, ни зла, ни истины, ни лжи, ни красоты, ни безобразия — так, в сумерках все мышки серы... Шныряют мышки-мысли, куда, зачем — и не знаешь, и неинтересно...

Яков стряхнул головой морок памяти. Он дома — но нельзя войти в одну реку дважды.

* * *

— Пройдёмте в сад, — жеманится церемонно мама Таня возле двустворчатых, целиком стеклянных, дверей. — Нам накрыли в саду... Утро свежо, и там нам будет лучше...

Завтрак накрыт на троих. Маму и сына-скитальца почтил своим присутствием Алексей Борисович Мухной. Тот самый, почти легендарный соратник Совенко, «кравовладелец» с юга, то изначальное и неотъемлемое «Биотеха», в честь которого в холле центрального здания установлена статуя промысловому крабу. Сколько Якорёк его помнил —

Мушной был колобком, румяным и пухлым. Но теперь, увы, сдоба стала заметно опадать, жизнерадостная плоть «крабовладельца» провисала на костях. Что ни делай — а годы берут своё... «На это, — подумал Шумлов, — уповают все преступники в мировой истории: если не веришь в вечность, то всегда рассчитываешь на сроки давности...»

В английском стрижене, как пудель, парке, который мама старорежимно называет садом, ибо иного имени личному парку в советском языке нет, пикниковый шатёр формами напоминает восточный дворец, тонкостью и прозрачностью — туман, трепещущий тюлевыми пологам на ветру.

У мамы Тани подавал человек в чёрно-белополосатом фраке, которого звали, насколько помнил сын, Вениамином. Он тоже постарел. Но столь же ловко, как прежде, разученными и отработанными до автоматизма жестами подал госпоже Шумловой омлет из белков с овощами и авокадо на тонкой основе «без глютена». Закусывала она, с брежневского детства приученная, что без хлеба есть нельзя, — тёплым бутербродом с моцареллой, шпинатом и соусом песто.

Звучат ветер и тихая скрипичная мелодия: старый, коллекционный «винил». «Вега-106 Stereo», забранная в пластиковый капюшон, на которой Яков в детстве слушал сказки и которая очень хорошо сохранилась, потому что тут её берегли.

Вениамин бережно достал грампластинку, хранившуюся в пожелтевшем от времени конверте, с фиолетовой этикеткой и серебряными буквами, какими в СССР обозначали сборники классической музыки. Скрипки и виолончели льются голосами струн внутрь шатра, где, кроме неё — небольшой овальный столик и мягкие банкетки, пледы с подушками, фарфор и столовое серебро, ещё кое-какие декоративные мелочи.

Мама считала это простеньким: корзинка свежих фруктов, чай, горячий шоколад, ажурная ваза пирожных-безе, домашних, по семейно-«совковому» разлапистому рецепту, конфеты, хрустальная креманка с липовым, но настоящим мёдом, потому что из всех липовых вещей только мёд — не фальшивка. Да и то не всегда...

Из украшений стола — пышная лилия белым раструбом, чей мясистый зелёный ствол выходил из очень узкого горлышка светлой, похожей на луковичу, маленькой вазочки. Смотрится мило — как и то, что Якову подали его любимый детский завтрак. Никто не забыт, ничто не забыто! Вениамин поднёс печёные персики с шоколадом и мороженым из йогурта, тарталетку на кружевном блюде с миндальным кремом, смузи из ягод, банана и миндального молока... Конечно, мама всё помнит — всегда и до последнего своего дня. Кто угодно может забыть, но не мама...

— ...Знаете, великолепное пополнение моей коллекции! — светски щебечет заслуженный «крабовладелец», и звезда Героя Социалистического

Труда подмигивает с лацкана его белоснежного, гладкой ткани, костюма. — Подлинник тиражной иллюстрации-вклейки в «Книгу о вкусной и здоровой пище» пятьдесят второго года...

Алексей Борисович собирает самую, наверное, жизнерадостную коллекцию живописи: натюрморты. У него их много, есть уникальные, есть бесценные. А есть в этом «формалине понтов» и действительно цепляющие за душу.

— Неужели подлинники сохранились? — удивилась мама Таня.

— Я тоже думал, что нет! — гомонил весельчак Мушной. — Но иногда чудеса случаются...

Он задорно, совсем не по-стариковски, подмигнул:

— Вещица тончайшая, уникальная, как художник, Таня, ты меня поймёшь! Сидит на картоне, основа уже значительно покороблена, но поправимо, поправимо... — Он пощёлкал пальцами, жестом заправского циника-ценителя. — Картина — оборотень. На первый взгляд — обычная рекламная позиция: две коробки с картофельными хлопьями, тарелка пюре с кубиком масла и тарелка с картофельными оладьями под грибной заливкой...

— Я помню эту иллюстрацию! — ностальгически улыбнулась Шумлова.

— Ну и?

— Что — «и»?

— Припоминай детали! — захохотал Мушной, так что заколыхалась под костюмом курортника вся его опадающая сдоба.

— Уникальная игра светом и тенью, — завела глаза к сводам тюлевого шатра Татьяна, роясь в памяти. — Уникальное световое преломление в изображении студенистости соуса...

— Вначале — предельный, мелочный, протокольный реализм! — поднял перст Мушной, широко осклабясь. — Ну, помнишь? Вступаешь поплотнее в мир картины — и видишь совершенно абстрактные фигуры... Там ведь эти предметы — не на столе стоят, как сперва кажется! Абстрактная золотистая горизонтальная поверхность. Она упирается в стену? Нет, не в стену! В точно такую же, тоже абстрактную, но уже вертикальную поверхность. Трёхмерное пространство дано в чистом виде, практически без вещества! Падают удивительно реалистичные лучи света, откуда — зритель не видит, здесь включается воображение зрителя... Световые решения и преломления за гранью фантастики...

— Вывод: рекламной халтурой для кулинарного издательства подрабатывал гениальный художник... — пожала плечами Шумлова.

— С одной оговоркой: он не схалтурил, — поправил Мушной. — Да, он изобразил самые обыденные, даже пошлые вещи, зауряднейшую продукцию советского пищеблока... Но — главное дело! — как изобразил! Знаете, это жемчужина моей коллекции, она стоит сегодня огромных денег, но автор, как водится, давно спился и давно умер в нищете...

— Почему-то всегда делают дело одни, а пользуются им другие... — меланхолично подал голос Яков Витальевич от своего смузи.

Алексей Борисович переключился на него.

— Ну-с, милый друг! — обаятельно потирал ладошки Мушной, в своё время носивший Якова на руках. Докторским жестом — хотя доктором в их обществе был как раз его собеседник. — Не провезли ли вы из Европ в чемодане через наш карантин либеральной заразы?

Он, конечно, шутит. Для него, селянина в душе, это всё игрушки — что либеральная зараза, что карантины против неё. Игры праздных людей, которые не умеют, как Мушной, разводить элитные породы крабов в искусственных придонных рифах...

Алексей Борисович навязчиво, много раз слышал, что люди, которые с деньгами Якова долго живут в Европе, обычно возвращаются оттуда либералами.

— Если человека надолго засунуть в бордель, то это его наверняка растлит, — объяснял Яков выбор сверстников. — Точно так же сочетание родительских капиталов и европейских возможностей страшно растлевают ум человека...

— Но ты, я смотрю, держишься, — подмигнул Алексей Борисович, всё ещё считая разговор шуточным. — Православие, самодержавие, народность?

Хорошо в этой жизни взять шутливый тон! Все хитрецы это знают. Демонстрируй шутливость — и всем потрапишь. Одним — сам предмет маслом по сердцу, другим — его осмеяние...

— Видите ли, Алексей Борисович, — улыбнулся, подыгрывая фривольному тону Яков, — я смотрел их театр с кулис. Я не колхозник, обалдевший в Лувре, а человек, который может купить весь этот Лувр... И я вам скажу... Вся пышность их болтовни в итоге сводится к простейшему: к срезанию кошелька у ротозея.

— И на этом построена вся предвыборная демагогия многопартийности! — ни к селу ни к городу вставила Татьяна Шумлова. Не то чтобы она пострадала от многопартийности, скорее наоборот, но она всегда дудела в дуду обожаемого сыночка.

— Да вы и сами знаете, Алексей Борисович! — благодарно кивнул маме Яков. — Когда схлынут все эти водопады и бурные стремнины демагогии... Рвота и понос непонятных экономических терминов... Сложно сплетённая сеть психологических уловок и ловушек...

— ...Если они когда-нибудь схлынут... — поправил бывалый и тёртый «крабовладелец», ловко орудуя вензельным столовым серебром в иссыхающих старческих, но проворных руках.

— Так или иначе, когда или если, останется только один вопрос, ради которого всё и начиналось: «Где моя пенсия? Где моё жильё, мои перспективы, моё будущее?! Где вся моя жизнь?!» — спросит человек. И вот тут он от ответа не получит! По сути, Алексей Борисович, у них есть только один аргумент: «страш-

ный Сталин». У них есть страшилка, на фоне которой они сами кажутся не такими ужасными. И ничего больше...

Яков умолк, словно надорвался. Сбоку от полупрозрачного трепетного шатра, в каменной чаше, про которую никак не получается с уверенностью сказать — то ли это очень большой аквариум, то ли очень маленький пруд, — воспользовавшись паузой, сильно плеснул хвостом зеркальный карп. Мушной изобразил некоторое недоумение:

— Странно, Якорёк, что ты говоришь о них в третьем лице...

— А почему я должен с ними сливаться?! Я их жажды господства не впитал. А больше у них ничего нет. Только железная звериная воля доминировать — и они даже не скажут, зачем. Это самоцель.

— Не у всех, — уже серьёзнее возразил Алексей Борисович. Без подхалимажа у старого лиса не обошлось, конечно. — Вот твой отец — пожалуй, может сказать, зачем ему власть, что он лепит из денег и что хочет вылепить в итоге.

Яков Витальевич спорить не стал. Перенёс предмет много западнее:

— А они — не скажут. Потому что в их уме деньги давно уже не средство... Знаете, Алексей Борисович, есть такие лудоманы, которых находят истощёнными трупами возле включённых компьютеров... Они, кроме сбора фишек, никакой иной цели в жизни уже не имеют!

— Ну, это совсем уж крайности, Яков! — попыталась сбавить накал мама Таня.

— Да, крайности, мама! Как миллиардер — крайность человека. В сухом остатке есть только две фигуры: тот, кто ворует, и тот, у кого воруют. И только два процесса реальны: кровопийства и анестезии. Хороший вампир впрыснет жертве такой химии в жилы, что жертва вместо боли от пожирания почувствует оргазм...

— Яков, ты стал гнусно выражаться! — сделала замечание интеллигентная мать. — Как пьяные грузчики и... и твой отец...

— Я врач, мама, — ласково погладил её сын по руке. — Профессия, предполагающая цинизм...

— В мои годы, — поджала художница чопорные губы почти старухи, — говорили, что врач — самая гуманная профессия на Земле.

— Крайности смыкаются, мама.

— Татьяна, ты слишком строга! — взмолился Мушной примиряюще. — У юноши, видимо, в голове великая миссия, это требует, кроме нашего салонного, ещё и делового языка. А тут... — Он вздохнул, и сочувственно развёл руками, наконец-то деликатно намекая о причине своего визита:

— Вам вдвоём ещё работать и работать... Анисовые-то плантации под Воронежем у вас с молотка пошли! Отец очень расстроился, Яков! Он ведь их специально в отдельное акционерное общество выводил, чтобы тебя к делу приучить и пристрастить...

— Меня только спросить забыл! — несколько агрессивно твякнул Шумлов. — На мать в итоге свалил!

Отец действительно пытался его «зажечь» — потому что у самого глаза пылала с этими анисовыми латифундиями. Он говорил, жестикулируя и возбуждённо, что анис — «растущее из земли золото, если не платина». Прежде, объяснял он — анис в основном выращивала Украина, но теперь на месте Украины большая, гниющая, глубокая могила! И у воронежских плантаций не осталось конкурентов.

— Как, по-твоему, я могу ими рулить из Копенгагена?!

— Ну если ты в этой деревне не слышал про телефон, телеграф, скайп, — издевался отец, — то по почту-то и там знать должны бы! И если вы там ничего не слыхали про самолёты — то есть поезд, который ходит до Воронежа прямым ходом, преодолевая проливы паромом...

Увы, ссылка на родину Гамлета — красивый, юношеский миф! Яков этим мифом дорожил куда больше, чем папа...

— Вот такой пузырьрёк, — отец показывал для образности свой мизинец, — анисового масла — две тысячи рублей! Это не пшеница, не горох, даже не соя — это на порядок выгоднее! Его никто в России ни хрена выращивать не умеет, только на наших воронежских полигонах!

Так появилось выделенное для бывшей жены и сына самостоятельное АО «РусАн». То есть: «Русский Анис». Сын первое время послушно пытался читать книжки по анисоведению, слетал оглядеться на месте. После чего — совсем перегорел...

— Акционеры «РусАна» гребли с аниса миллионы! — рассказывал он теперь, найдя кому пожаловаться — всегда участливому дяде Лёше Мушному. — А те, кто непосредственно этот анис выращивал на полях, жили и работали в ужасных нечеловеческих условиях...

— Думаешь, Якорёк, — змеино улыбнулся старик Мушной, — у них теперь, когда они ничё не растят, условия лучше стали? Все как один покинули свои умирающие деревни и... — он кхекнул, смехом удерживая, — перебрались в Москву ландшафтными дизайнерами?

— Я не об этом, дядя Лёша!

— А должен бы об этом... — старался «крабовладелец» быть помягче, чтобы по-прежнему располагать к себе. — Ты ведь, Яша, никому не помог тем, что бросил дело, плюнул в бизнес... И людей ты «освободил», как наши реформаторы в девяностых... Ото всегонюшки...

— Да я... я... — растерялся Яков. Сравнение с шельмами-«реформаторами» отнюдь не льстило «православному леваку» Шумлову.

— И что ты? — Мушной тактично дал время собеседнику подумать, долго доставая сигару с яркой эмблемой, долго разминая, потом нарочито неторопливо подставляя обрезной широкий конец под ро-

зоватую сигарную лучинку пожилого чёрно-белого Вениамина.

Пауза тянулась, но Яков молчал.

— Понимаешь, Якорёк, — грустно и заботливо подсказал дядя Лёша, пустив с губы целую тучку сизого дыма, — они растили очень дорогостоящий продукт, по уникальным технологиям, которыми — на своём уровне — владели. Чтобы им жилось лучше, дело следовало развивать... А ты их просто деклассировал!

— Я?!

— Ну, а кто? Свалил всё на матушку, она одного управляющего-вора нашла, всё там растащил, а второго такого, что о первом пожалела!

— Ах, оставь, Лёша, я в этом ничего не понимаю... — декадентски ломала руку и закатывала глазки Татьяна Шумлова, чувствуя себя перед сыном виноватой. — Я ничего этого не знаю...

— И то! — подбодрил её Мушной улыбчивым полупоклоном фаворита. — Матушкино дело женское, с неё спрос мал... На «спросить» у неё ведь отец и ты имеются. И мы все при тебе, понимаешь? Но инструмент-то сам, без мастера, работать не станет...

И перешёл от роли мягкого обличителя к роли вежливого гостя.

— Похвальную выдержку проявляют вина вашей семейной коллекции! — поклонился с приподнятым бокалом Тане. — Фейерверк оттенков!

— Это всего лишь фруктовое армянское вино из гранатов... — скромничала хозяйка. — Главный мастер вин — умение ждать...

— Золотые слова! Но не для того, у кого нет времени... — Алексей Борисович грузно, опираясь на стариковскую палочку из лакированного горького ореха, поднялся с банкетки. — Я прошу меня простить, сын за мной приехал... Раньше я его забирал с утренников, не успел оглянуться — и он уже меня забирает! Представляешь, Таня?

— Да, собственно, Лёш... У меня та же история... У людей не столько долготелетия, сколько у вин...

— Н-да... — Мушной отпил ещё немного выдержанного граната, но, по светским правилам, последний глоток оставил на доньшке. И, жестом заправского дегустатора, поставил точку кубиком сыра на шпажке. — Если подумать, то в бутылке этой ещё советская эпоха... А в нас — уже нет... Пойду, а то сын второй раз звонит...

И он уточкой, враскачку, зашагал через сад, подозрительно напоминающий английский парк, а не советское садоводство. Хотя... Любимые огородниками шести соток простовато-деревенские пионы тут тоже имелись. И даже цвели.

— А вы, юноша, — посоветовал провожавшему его под руку галантному Шумлову, — подумайте... Вино может созревать, обретать зрение. Но может и просто стариться, сослепнув в укус. Как говорят евреи, не всегда мудрость приходит вместе со старостью. Иногда старость приходит одна...

Яков Витальевич поморщился. Всего этого он не слушался прежде от отца, только в куда более грубой

и резкой форме. С матюгами и нелестными эпитетами по своему адресу.

* * *

— Да вам же Антарктиду доверь — вы через год безо льда останетесь! — гремел академик Совенко, нервно, по-тигриному, шагая из угла в угол. Взглядом буквально вталкивал сжавшегося сына в пухлое огромное белое кожаное кресло с глубокими обивочными лунками обшивки. — Как можно было довести до банкротства анисовые плантации, да ещё и когда хохлы больше не конкуренты?! Ну что вы за люди такие, а?! Через мамочку свою потомственный сифилис русской интеллигентности подхватил? Из поколения в поколение передаёте! Я про эту сволочь, русскую интеллигенцию, читать не могу и на экране рожи ихние видеть не могу!

Он брезгливо сморщился, показывая всю степень отвращения в негодовании:

— Что, суки, подонки болтливые: консерваторы, реформаторы, славянофилы, западники?! Холёные, бесплодные пустоцветы! Аниса никто выращивать не умеет — ни «продвинутые», ни «задвинутые»!

Он гримасничал, как юродивый, распалившись в наболевшем:

— Куда им общие вопросы обустройства решать, когда они даже аниса выращивать не обучены?! У нас теперь и нацпроекты, Яков, все потребительские! Жильё, парки, дороги... Лечение, учение, благоустройство территории... А на чём это всё сидит, объясни?

— На тебе, наверное! — отмахнулся сын.

— На моей шее! И на том, что они жрать хотят, а делать ничего не умеют! Люди наши сами себя не окупают, понимаешь?

— Это при тебе они себя не окупают... При таких, как ты...

— Ой, а без меня — прямо-таки искупят себя до греха Адамова?! Чего ты мелешь, не разобравшись? Люди — покамест паразиты, которых содержать дороже, чем уморить... Освободители хреновы предлагают их выморозить, как тараканов! Проще и дешевле — уйдут все лишние... А я не такой. Я будущего жду!

— Для тебя люди — мусор...

— Нет, сынок, мусор они для тебя... Ты их на помойку выбросил скопом, а я их чинить, ремонтировать пытаюсь... Зачем мне про них врать? Какое им жильё со здравоохранением и дорогами?! Даже если бесплатно дать им квартиру — чем они жить-то будут в этой квартире? Чего они, кроме своих жоп, перевозить-то могут по этим дорогам?

— А тебе надо, чтобы они твой анис туда-сюда возили? — скептически скривился Яков Шумлов. И вспомнил школьный курс истории, одержимость пуритан, «круглоголовых»: «Молись и работай!» Отец всегда стрижен коротко и выбрит идеально, в костюмах консервативного кроя: классический, образцовый пуританин. Интересно, понимает ли он

сам это? Как глубоко вклеился в узколюбую и постную «протестантскую трудовую этику»?

— Своего возить нечего, возили бы, папа, твои мешки?

— А хотя бы! Анис — это эфирные масла, это анетол, это фармацевтика отхаркивающих средств, это хлебопечение, парфюмерия, включая поставки в Европу, в Париж, мать его! Это мыловарение... Это водка анисовая... Это всё. А в ваших руках ничего. Какие и зачем теперь строить через заброшенные анисовые поля «пути сообщения»? Кому там и с кем теперь сообщаться-то?!

Яков одновременно чувствовал и собственную правоту, и отцовскую. С формальной логикой это было не согласовать. Отец говорил правильные вещи — но тому ли человеку? Яков всегда терялся в его обществе, он никогда не знал...

7

...Да, Яков не знал, как себя вести с отцом. Человека, который родного и единственного — по крайней мере, из числа известных Якову, — сына встречает после долгой разлуки в рабочем кабинете, говорит с ним, не вставая из собственного кресла, в которое, кажется, врос. И усаживает, будто очередного клерка, за «брифинг-приставку» своего стола... Как с таким человеком себя вести — да и человек ли он?

Как себя вести с тем, кто одновременно и родной, и незнакомый? Родители опекают, руководители гнетут — а если он одновременно и родитель, и руководитель? Он родного сына не приглашает домой, где, кажется, и сам почти не бывает! Нет, пожалуй, Яков Витальевич, в львиное логово...

Головной офис АО «Биотех» неприветлив. Это режимный объект — охрана на въезде, а если прошёл первый пост — то, прогулявшись через внутренний скверик, встречаешься с охраной на входе. Чужие тут не ходят. Тут и свои-то ходить боятся...

Холл сверкал как стенд Алмазного фонда. Повсюду не покупилась кичливые биотехнари на мрамор и другой натуральный камень, на ценные породы дерева. Вдоль стены огромная надпись вычурной латунью, шлифованными буквами: «Биотех». Высокие потолки украшала лепнина и огромные хрустальные люстры. Каскад слепящего света разбивался и растворялся в дизайнерской мебели и статуях, картинах вдоль стен. В основном — на пищевую тематику. Особенно бросалась в глаза одна белокаменная Минерва — неестественно-весёлая селянка, заваленная продукцией бахчевых культур.

«Если бы её в жизни так завалило тыквами и дынями, арбузами да кабачками, — подумал Яков Витальевич, — она бы уж не улыбалась».

Переходя от входной группы вдоль алебастровых барельефов на уровне плеча с конскими, коровьими, свиными, овечьими, петушиными головами, Шумлов попал во второй холл: колонный зал в античном

стиле с классической фигурной облицовкой из тёмного натурального дуба. Двойная подсветка, мощная и рассеянная по контуру, создавала ощущение музея. В распахнутости широты было что-то клиническое, медицинское... А как ещё прикажете воспринимать залитый светом, будто стол в прозекторской, колонный холл с арочными конструкциями и витиеватой ампирной позолотой?

Посреди холла журчал знаменитый фонтан «с рыбами», изображая в формах полированного камня, с одной стороны, нерест промысловых лососевых рыб: сёмги, горбуши и нерки. Россыпи красной икры, тянущиеся спиралью от центра, были выполнены очень натурально, из уральского крокоита, казалось, их хоть сейчас можно на хлеб намазать!

Яков подошёл гулками шагами к цельностеклянному, выглядевшему как гранёный леденец лифту...

На этаже отца — призраки советского прошлого в той же самой атмосфере богатства, кричащей массивной роскоши, угловатой продуманности делового стиля. Огромные гобелены с аграрной пейзажной пасторальной базедовой образностью, элитный текстиль обивки, панорамное остекление, мягкие ковры. И подобно часовым — через каждые десять метров встречали гостя кресла и диваны с шёлковой обивкой, изощрёнными, немного азиатскими орнаментами принтов. Можно сказать — доводящая до отчаяния своим перфекционизмом планировка!

* * *

Это даже не логово зверя — как думал Яков про кабинет отца в отдалении. Это, скорее, какой-то музей канцелярских будней, музей чиновной серости, собранной через годы и расстояния в одном месте, концентрированно.

— ...Вот, допустим, налётчики ограбили банк, — барабанил пальцами по светоотражающему глянцу стола чёрного дерева Совенко, — и взяли миллион долларов. С ними дальше что будет?

— Ловить их будут, — с наивной, располагающей к себе улыбкой сказал Яков Витальевич. — С мигалками за ними гоняться...

— И поймают?

— Скорее всего, да...

— А как поймают, бить будут?

— Да уж не без этого...

— И всё за украденный миллион?

— Ну, папа, как бы... немалая сумма... — протянул Шумлов, не понимая, к чему отец клонит.

Отцовский кабинет — маленькая Вселенная: есть всё. От бактерицидного излучателя и датчиков влажности, температуры до «вертушек» правительственной связи. Кремлёвская АТС-2 беспокоит чаще АТС-1. Зато звонок с АТС-1 — всегда целое событие... Обе «вертушки» выглядят бедно рядом с навороченным чёрным и сверкающим индикаторами спецкоммутатором: в нём весь мир, достаточно снять трубку и попросить набрать нужного абонента.

Виталий Терентьевич стареет, и потому на столе стали появляться, сперва робко, а потом всё более по-хозяйски, — таблетницы с напоминками — когда какую пилюлю выпить, очочницы с очками «для близи» и «для дали», «запасная память» — в виде разноцветных стикеров-шпаргалок. У человека толпа референтов — а главного им не доверишь...

Проявлением мелочного старческого тщеславия смотрятся карандашники со стола Совенко. С виду простые и по функции простые (в смысле не цветные) — они несут на кедровом борту надпись «Кремль». Такие раскладываются на совещаниях у высшего руководства России. И больше нигде...

— А вот... — Совенко хлопнул по глянцево-зеркальной полировке стола пластиковой папкой, так что эти карандашники раскатились в художественном беспорядке, — годовая отчётность по «Юнион Ида». Это одна из дочерних фирм моего «Биотеха». Выращиваем жемчуг в промышленных объёмах, ещё в советское время научились, поставки в восемьдесят стран мира... Чистая прибыль только по «Юнион Иде» — десять миллионов долларов. С хвостиком, и с тем, что у меня пока руки не дошли с ворами там, на месте, разобраться!

— Пап, ты меня похвастаться позвал? — тяготился Яков этим нелепым разговором.

— Нет, сынок. Для другого. Ты мне скажи: будут за мной с мигалками гоняться за эти десять миллионов?

— Будут.

— Думаешь? — прищурился скептически хитрый старый кот.

— Твоя охрана — если на переезде отстанет. Прямо с мигалкой погонится, пока ты их не уволил к хренам...

— Прав! — лаконично оценил Совенко. — Я взял в десять раз больше, чем налётчики в банке, но меня за это не посадят, не побьют, мне за это вот... — Он стал выкладывать из фигурного, филигранно отделанного шпоном и бронзой ящика: — Почётная грамота от Совета Федерации... Президентский орден... Благодарственное письмо от Правительства России... Как же так получается, сынок? У них миллион — и их ловят? А у меня десять только по второстепенному эпизоду. И меня награждают?

— Ты хочешь сказать, какую большую пользу ты приносишь обществу? — снова не угадал сын.

— Нет. Это ты будешь говорить, если заслужишь. И потом: над гробом. Самому про себя такое глупо говорить. Я хочу тебя спросить, только подумай, прежде чем ответить... Почему эти налётчики не займутся выращиванием жемчуга? Это же прибыль в десять раз больше, и почёт вместо преследования...

— Пап, я слишком долго прожил на датской помокке, чтобы такие русские ребусы разгадывать...

— Тебе не кажется странным, что если человек добывает деньги криминальным способом — то считается плохим? А если имеет в десять раз больше, но легально, — то к нему никаких претензий?

— Папа, по-моему, в вопросе уже и есть ответ...

— Нет, в моём вопросе ответа не ищи. Я ещё раз тебя спрашиваю: зачем им эта фигня с ограблением банка, если выращивать жемчуг в десять раз выгоднее и вместо тюремных сроков медали раздают?

— Наверное, они слишком тупые, чтобы выращивать жемчуг в этих... в промышленных масштабах... — Яков решил немного умаслить, чуть польстить влиятельному родителю. — Это сложный биологический процесс, это патентованные биотехнологии, возня с моллюсками, и...

— Скорее всего, ты прав... — Совенко был падок на лезть, особенно от близких людей, и теперь, комканно пытаясь скрыть удовольствие, улыбался. — Но допустим, что они не тупые. Почему они всё-таки не могут вместо сложного плана ограбления банка — запустить про-о-о-стенский план... создания «Юнион Иды»?

— Наверное, потому, что рынок давно поделен, папа! — наконец попал в масть Яков Витальевич.

— Теплее, как говорили мы в детстве, когда в прятки играли. Преступники хотели бы заняться легальным бизнесом. Но не могут. И не смогут. Потому что все ниши уже заняты. Точка. Никакого бизнеса нет, сынок! Это миф, фантом, сказочка для дураков! Есть власть — и место во власти. Чем оно выше — тем больше у тебя денег. Даже если ты их не берёшь: их всё равно кладут. Не хочешь брать, не бери. Но положат обязательно... Неужели ты думаешь, что я лучший в России специалист по двусторчатым речным моллюскам?

— Ну, не знаю... Как биотехнолог ты довольно известный... Вроде...

— Вроде — в огороде! Я не был на мелководных плантациях в Карпогорах три года. Слышишь, сын? Три года! Не появлялся там «во плоти»... А там три доктора наук и пять кандидатов... И они мне каждый год кладут десятку зелёных «лимонов»... Да ещё и воруя столько же, но это другой вопрос... Я приеду — возьму. Вышибу. Вместе с дном от их задниц. Но брать или не брать — это моё дело. А вот класть — их дело. Теперь понял, почему смельчаки грабят банки вместо того, чтобы выращивать жемчуга?

— Понял. И что мне теперь, пап, сплясать от восторга?

— Деньги — это не заработок, Якуша. Это владение. Ты или владеешь, или не владеешь. Берёшь долю, ломоть от страны, — один раз. И теряешь тоже один раз. Если бы деньги были деньгами, то у меня их было бы очень много лишних... Но они суть есть нечто неделимое, это не кучка, а монолит. Там нельзя половину отделить и выбросить за ненадобностью. Она, половина-то эта, придёт за тобой, тебя убивать...

Сын огляделся по сторонам — но вокруг была все не подбадривающая обстановка: книжные шкафы, набитые биотехнической литературой, новейшей и старой, вперемешку, до ряби в глазах от разноцветия корешков — сливаются с настенными па-

нелями орехового дерева самой ценной из пород. Этот маньчжурский орех красив на вид, но самое главное: лучше пенопласта наглухо изолирует звук. Пугающе, тяжело в урочный миг начинают бить напольные германские часы с увесистыми шишками тёмной бронзы...

— Понимаешь, папа, — рискнул пойти на откровенность наследник, — ты хочешь, чтобы я тобой гордился, шёл по стопам, преемник, продолжатель, всё такое... Но я-то другое вижу. Совсем другое.

— Ну, и скажи, чего? — набычился отец.

— Вот смотри, папа, у тебя в кабинете окна всегда зашторены. Хочешь, скажу, почему? И это при том, что стёкла в рамах конечно же пуленепробиваемые... Но когда шторы добавить, то надёжнее, да, пап? А чтобы стрелку, которого ты всю жизнь ждёшь со дня на день, было ещё труднее, у тебя три кабинета... Один представительский, дворцовый, сверкающий — где ты всех принимаешь и куда, как ты думаешь, принесут бомбу... Второй вот этот, для ближнего круга. Но работаешь ты не в этом, а во-он маленькая дверца... Там у тебя закуточек агорафоба, где твой настоящий, маленький письменный стол, шкафы с твоими настоящими книгами и твой любимый камин...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Это очень странный мир, папа... Множество людей в холодной воде нищенствуют у Белого моря, в Карпогорах, чтобы ты тут сидел и боялся...

Отец отвалился на спинку своего мягкого и дышащего, анатомически безупречно подогнанного под его нестандартную фигуру кресла, зло сузил глаза, сцепил сухие длиннопалые загребушие руки в энергичный замок.

— Хорошо отбрил! — язвил с выражением крайнего сарказма на деформированном от рождения и потому ещё более выразительном лице. — Молодец, сынок... Приехал из-за бугра, и так, сразу, в неделю, всё понял, что тут у нас, как и почему... Маркса-то небось в оригинале читал в своём Копенгагене? Этого нищоброта, которому жена носки штопала...

— Зря ты так, папа... — Накренился вперёд корпусом, наступательно, совсем взрослый (Совенко только теперь это понял) сын. — Уж не тебе про Маркса, ты под его портретом большую часть жизни отсидел...

— Ключевое слово — отсидел, — гоготнул отец, но сам же и оборвал свой фривольный настрой. — Лучше меня Маркса никто не знает... Я выпускник Института марксизма-ленинизма, потом преподавал там... И вот что я тебе скажу: теоретически он прав. Но об этом бы никто не узнал, если бы его Энгельс не подкармливал...

— Вот к чему ты это сейчас? — скис Яков Витальевич. — Хлебом попрекнуть меня хочешь?

— Нет, сынок. Я хочу, чтобы ты понял бездну, лежащую между теоретической правотой и практичной дееспособностью. Ты можешь быть в тысячу раз умнее крокодила, но какой в этом смысл, если крокодил быстрее и сильнее?

— Это вопрос удачи... И ещё — простой физической сноровки...

— Это не только вопрос сноровки... Значит, и ум у тебя какой-то неправильный, ненастоящий — если он проморгал возможность нападения крокодила! Пока ты не научишься быть сильнее крокодила — твой ум не более чем твоя галлюцинация... У нас нехорошие отношения, сынок, как-то сразу не заладились! Когда ты был маленьким, ты открыл приют для бродячих кошек и собак... А я настоял, чтобы ты его закрыл, потому что это лишаи, блохи и антисанитария...

— Нет, пап, — припомнил Яков давнюю обиду. — Ты не так настоял... Ты, может, и думал так, а сказал ты мне другое: что «собак кормишь, а людям жрать нечего!».

— И ты понял мою образную речь буквально, — закивал, словно бы спохватившись, Совенко. — И открыл пункт питания для бомжей... И я спросил тебя — за сколько ты им разливаешь суп? Ты что тогда ответил?

— За бесплатно... — насупился Шумлов.

— Да, ты так ответил. А я тебя спросил: а тебе этот суп во сколько обходится? Но тебе помогала мама, энтузиаст всех твоих походов за вшами и гнидами. И ты мне ответил: тоже бесплатно...

— Пап, ну это было давно, — попытался увильнуть сидящий как на иголках Яков Витальевич. — И, согласись, ты тогда был не совсем прав... Нельзя маленькому мальчику такого говорить...

— А что я тебе такого сказал?!

— Ты сказал — очень грубо, пап, — что ты оплачиваешь мой «бесплатный» суп. А я возразил, что мне мама дала деньги на суповые наборы... И что моя мама — известный художник, получает большие деньги за свои картины и во всём меня поддерживает... В отличие от тебя... И тогда ты меня очень травмировал, когда сказал, что маме не заплатили бы и гроша за её мазню, если бы ты насчёт неё где надо не договорился...

— И что, я был неправ?

— Может быть, ты был прав, а может, и нет... Но ребёнку из неполной семьи, брошенному отцом, такого точно нельзя говорить... Даже если это и была правда, в чём я лично сомневаюсь...

Отец сменил тему. Сколько в гонорах художницы от творчества, а сколько от общественного её положения — вопрос сложный даже для него.

— Ну, а потом ты, мешком по голове стукнутый... мешком с деньгами... поехал в Данию...

— Ты меня сослал в эту Данию!

— И опять там сорил папиным баблом...

— Я не сорил. Я получал столько, сколько ты присылал, и ни разу не попросил больше. А тратил меньше. У меня даже в банке скопилась крупная сумма...

— Ну, потом ведь её отгели датские фармацевты? — интересовался Виталий Терентьевич для виду, хотя прекрасно знал всю историю с этим вкладом.

— Пап! — пылал лицом и порывался вскочить Яков Шумлов. — Но они — мафия! Они — убийцы! Они скрывают от больных нужные тем лекарства!

— Сядь! — рывкнул Совенко и приложил «леща» ладонью по мрачному гляncy столешницы. Глаза его пылали, как у разъярённого тигра. — Конечно, они мафия! Не были бы мафией — они бы не в своих советах директоров сидели, а под мостом! Среди твоей, сынок, традиционной клиентуры! Но я тебя не про них спрашивал, а про тебя! Я оплатил тебе самое дорогое европейское образование, а в итоге тебя лишили диплома... И вместо платной практики ты опять открыл приют для бомжей, только теперь под видом аптечного центра! Опять взялся за своё и опять вылез из-под суда за мой счёт!

— Папа... — Яков опустил лицо с померкшим взглядом. — Я не виноват, что мир так устроен...

— А никого не волнует, в чём ты виноват, а в чём не виноват! Всех интересует только одно: что ты можешь, а чего ты не можешь! Ты приехал в чужую страну, б...! Врач без границ... в голове! И стал бесплатно лечить бомжей и чуть не лишил многомиллиардных доходов одну из самых цепких и упругих мафий!

— Папа!

— Идём далее. И вот ты в России, у папочки под крылом, поближе к кормушке, и я тебя спрашиваю опять: что на этот раз, сынок? Чего мне ждать от твоей милости?! Может быть, ты насекомым начнёшь делать операции на внутренних органах? Пригласишь к себе лечиться — и корову, и волчицу?..

— Нет, давай пойдём твоим путём, папа! — гулял желваками обозлённый всем этим «кратким курсом своей непонятости современниками» доктор Шумлов. — Я открою проктологическую клинику в Подмосковье и буду штопать богатым педикам порванные очки...

— Очки, к твоему сведению, это офтальмолог!

— Я не эти очки имел в виду... Заработаю свой первый миллион долларов, и ты, может быть, пустишь меня с тобой пообедать?

* * *

Яков Витальевич достал замысловатую, белого золота, коробочку сигарилл *Treasure*, набитых самым дорогим в мире табаком, и прикурил от ZIPPO «75TH», наполнив пространство мелодичным ароматом фруктовых пряных ноток. У богатых, поскольку у них туго с фантазией и мозгами, обычно всё то же самое, что и у простых людей, только издевательски-гомерических размеров или стоимости. Зажигалка, которая не погаснет на ветру, стоит в тысячи раз дороже зажигалки, которая на ветру погаснет. Как будто бы прикрыть огонёк рукой, жестом курильщика, — задача запредельной сложности и мирового значения...

— Ты много куришь, сынок! — посетовал отец с докторскими интонациями.

— Я много курю, потому что мне страшно жить на планете, где большинство разумных обитателей

выглядят и действуют как необратимо помешанные... — почти плакал Яков Витальевич. — Живут и ведут себя как клинические сумасшедшие! А моя страна, которая единственная, прикрываясь ракетным щитом, могла бы этого избежать, — постепенно догоняет мир степенью сглаживания мозговой коры и опустения глаз... — Он неврастеническим жестом закрыл лицо ладонью. — Я прожил в Евросоюзе много лет, но я так и не понял, что это за общество и откуда им управляют. Потому что легальные власти в Дании не управляют вообще ничем... Они существуют в роли кукол для насмешек и поругания...

— Как устроено общество западного типа, — облегчённо вздохнул академик Совенко, — я сейчас тебе наглядно покажу. Говно-вопрос...

Он выложил на стол «платиновую» банковскую карту, солидную на вид, но безымянную.

— Вот это — настоящее должностное удостоверение. Сумма на ней — мои реальные полномочия.

Затем он выложил на стол красное удостоверение, с золотым тиснением, удостоверение советника Президента. Раскрыл: там имелись фамилия, имя, отчество и даже фотография.

— А вот это... театральная реквизит. Ты можешь надевать и менять любую форму в пределах твоего реального чина. — Он постучал аккуратным розовым ногтем по банковской карточке. — Если тебе состояние позволяет — ты можешь наряжаться генералом, адмиралом, депутатом, директором любого департамента или, допустим, академиком... Это как гримёрка для актёра!

Он смеялся, и смеялся нехорошо, с оскалом.

— Нынешний министр обороны США — мой коллега, он раньше был главой фармакологической компании... Ты спросишь: как это аптекарь стал генералом? Всё очень просто: у них нет ни аптекарей, ни генералов. Настоящий табель о рангах — это численный капитал. Вот по нему ты и определяешь, какие титулы в твоём праве. И в пределах своей стоимости ты можешь наряжаться в любые мундиры, лишь бы только по чину брал, лишь бы только финансовый ранг позволял!

— Но это же страшно...

— А кто сказал, что будет легко? — кудахтал отец, и в его кудахтанье отражалось его неумолимое старение. — Тебе — никогда! Происхождение не то. И то, что я тебе рассказываю, ты должен был сам понять, экономя мне время и деньги... А что касается западных лидеров — то именно поэтому они с виду всё время меняются. Они всё время меняются, как в кадрили, но при этом все остаются на своих местах. Актёры наряжаются в разные костюмы, но состав труппы неизменен, понимаешь?

* * *

Этот разговор утомлял Якова своей бесконечностью, потому что шёл всю его жизнь, и всякий раз, разбивая драгоценность тишины, заводился с пол оборота...

— Сложнее всего, — учил отец, — в экономике понять — кто кому чего и сколько должен. Фабрикант думает, что это он платит зарплату рабочим, и у него на то серьёзные аргументы. Рабочие же, с не менее серьёзными аргументами, убеждены, что это они платят ренту фабриканту. Обе стороны убеждены, что другая сторона у неё в долгу!

— А на самом деле — как?

— Понимаешь, можно делать платное бесплатным. А можно бесплатное — платным. Те, кто делают платное бесплатным, — хорошие, но слабые люди. Они отдают силу. А те, кто делают бесплатное платным, — плохие, но сильные. Они у мира силу берут. И в этой точке кончается наука, возможности рационального познания... Начинается пунктирная реальность магии и тонких миров, червоточина, по которой сущности тонкой психической реальности выбираются в материальный мир...

И он говорил о сгнивших и разложившихся массах, которые хотят от власти странного, а не того, чего должно хотеть. Новые заводы и фабрики, электростанции и трактора в деревню, новые сорта и породы, ставшее полезным ранее бесполезное вещество — вот что нужно настоящему народу от власти!

— Ну, — отец горько хихикнул — а если народу не интересны новые электростанции и шахты с прокатными станами, то власти-то они тем более не интересны! Для власти всё это цивилизационное громадьё — только дополнительный труд и лишняя геморрой. Ей, власти-то, на себя хватит, а больше ей и не нужно! Она себе, любимой, «лампочку Ильича» запатентовала от локального генератора, и все довольны? Человечество тяжелейшим трудом переделывает голодный и опасный мир в сытый и безопасный, и если бы не это — на кой хрен ему вообще было бы выходить из животного мира? Свободы там, что ли, мало?!

8

— ...Президент не повторяет дважды...

Олигарх Виталий Совенко однажды услышал эту же фразу в свой адрес. После очень неприятного разговора в Кремле, когда его, как щенка, мутузили за то, за что никто бы не подумал.

— А если государство захочет забрать все ваши активы? — незадолго до конфуза спросила его молоденькая журналистка бизнес-издания.

— Ну... — поморщил Совенко лысоватый лоб. — Захочет — заберёт. Я всегда считал себя только госслужащим, который получил эти активы в доверительное управление... И если доверие кончилось — то закончится и управление...

— ...Ещё раз такое ляпнете в публичном пространстве! — потрясал Президент глянцевым журналом с фотографией Совенко на обложке. — Что у нас в России частной собственности нет! И я огорчусь. Мне будет плохо. А если мне будет плохо — вам бу-

дет ещё хуже. Вы меня поняли, Виталий Терентьевич? Президент не повторяет дважды...

А потом он отложил журнал и поинтересовался уже теплее, человечнее:

— Ну, а если вам что-то нужно для дела... Или кто-то мешает... Кто нас обидит, — он подмигнул, — трёх дней не проживёт... Или чего-то не хватает... Говорите мне напрямую. Карт-бланш вам — если прекратите болтать, чего не нужно, и там, где не нужно!

Через несколько лет Совенко говорил со скрытой гордостью:

— Выручка от экспорта пшеницы стала сопоставима с выручкой от нефти. Автора на этой строке статистики не ставят, однако вы же понимаете, что кто-то это сделал...

...Но мы помним, как Солнце отправилось вспять
И едва не зашло на Востоке...¹

* * *

— Оставь, пожалуйста, свою демагогию, Таня... — мрачно изрёк Виталий Терентьевич Совенко бывшей жене, окидывая взглядом фонтан и подстриженные деревья с каменной глянцевой террасы её поместья. Как у них принято — сидел, закинув ладшую ногу на ногу, а она стояла рядом, покорно глядела долу... Терраса жилковатого делосского мрамора была огромна, словно призвана подчеркнуть ничтожество человека. А столик, окружённый плетёными полукреслами, наоборот, мал. На нём стояли только сухое вино и фрукты. Но и к ним никто не притронулся.

Кому нужно сухое вино, когда:

— В сухом остатке только то, что ты вырастила дурака...

— Как ты можешь так говорить, Алик?! — кричала и плакала Татьяна Шумлова, разведёнка в бриллиантах, усыпавших её чёрный бархат, будто звёзды ночное небо: — Твой сын — образец человека! — заклинала собственный кошмар, преследующий её всю жизнь, Таня. — Он не похож на «золотую молодёжь», он не транжира, не хулиган, он не пропивший мозги тусовщик и не наркоман! Он выбрал самую гуманную в мире профессию, стал врачом, и он лечит людей! Он лечит бедных людей бесплатно...

— За мой счёт... — не преминул мелочно вставить Совенко.

— Да любой пиарщик раскрутит эту тему так, что всё потраченное на него вернётся тебе десятикратной сторицей! Сын миллиардера — среди «врачей без границ», он скромн, у него умеренные запросы, он благороден и вежлив, он не заносчив, как почти любой был бы в его положении!

— А всё-таки ты воспользовалась разводом и тем, что я всегда занят, — и вырастила дурака... Да ещё, как всякая разведёнка, настроила его против меня... — ляпнул Совенко, и в легированной, бро-

невой стали открылась каверна человеческого. Жалкого и мягкого. Вздорное и несправедливое обвинение, до которого настоящий Совенко не опустился бы.

— Никогда, — сказала Татьяна. — Никогда я этого не делала...

* * *

— Твой отец, — воспитывала она сына, — лучшее, что могла породить Земля, юдоль скорби и скверны!

— Тогда почему ты с ним не осталась? — лез Якорёк с ершистым подростковым максимализмом.

— Потому что далеко не каждый может выдерживать тот фон и уровень радиации власти, которые выносит его организм...

— А почему ты решила, что мой организм выдержит?

— Потому что в тебе его кровь, которой во мне нет...

Она хотела бы скрыть — но не считала себя вправе. Она много плакала, прежде чем набралась сил сознаться:

— Он один верил в тебя! И он настоял тебе быть... А я предала тебя, я чуть не убила тебя во чреве... Он настолько же хороший отец, насколько я — плохая мать... Весь мир был против тебя, включая и врачей, и маму, и только один отец был за тебя... И, как видишь, он оказался сильней!

А потом раскрывала закулисную панораму дальше, шире:

— Да, не спорю, твой отец привык кушать сладко и получать всё в первую очередь... Но он всегда сам производил всё то, что ел. Просто приходил в партийные органы и говорил: имею технологию выращивать крабов, или сортовые меха, или элитные пряности! И никто ему не препятствовал, наоборот. Все бюрократы его любили, потому что он их всех с руки прикармливал... Что само по себе, наверное, плохо, но не о том речь! У него же на каждую его потребительскую амбицию была конкретная замануха для партии!

И она рассказывала всё, что запомнила: с Виталием Терентьевичем и без него. Про то, что таких, как он, было, увы, мало. Слишком мало. Советский мир погубили амбиции обнаглевшего паразита, который с пелёнок заразился инстинктом самолюбования.

— И вот, рождался такой человек и видел во власти прислугу, а в Космосе — устройство «снабжение ему налаживать». А сам, преисполненный ложного достоинства, не то что на партсобрание, а и на работу-то не всегда ходил! Но уж если ходил — то только гоголем. Извольте мне всё немедленно выдать — я вас осчастливил, снизойдя до трудоустройства!

Боль пережитого распалая Таню, и она кричала призракам прошлого в угол, туда, куда иногда шипела на пустоту их домашняя кошка-шотландка Муся.

¹ Строка из песни Владимира Высоцкого.

— Что я поняла, выглядывая в холодный мир из-за плеча твоего папы? В рыночной экономике труд не право, а привилегия, там не трудящегося благодарят, что «соизволил», а, наоборот, трудящийся кланяется, что взяли, не побрезговали... Если делу нужно вас десять за глаза, а вас, дураков, пятьдесят, вы что думаете, работодатель всех кормить, что ли, будет?!

Это Танина женская слабость. Зачем теперь-то уж об этом говорить? «Ни мельниц тех, ни колоколен уже давно в помине нет»¹. Чего теперь говорить про «совка» — человека с прогрессирующим паразитизмом головного мозга? Который так искренне верил, что весь мир жаждет снабжать его ништяками, одни злые коммуны не дают...

— А в том старом обществе, все, кто шевелились, хорошо жили. Только шевелились год от года всё меньше — больше бухали...

— Мам, у тебя получается какая-то проповедь протестантской трудовой этики... — тонко улыбался ироничный сын.

— А в современном обществе шевелиться себе дороже: выше хозяйского сапога не прыгнешь. А за излишнюю активность — он тебя этим же сапогом и раздавит...

— А сапог-то папин, да, мам? Чтой-то мы с тобой по кругу пришли, да не туда...

* * *

Крис Пятоо, уже закончив дела в Копенгагене, попал в засаду, такую густую и плотную, отлично подготовленную, словно бы Интерпол брал не меньше, чем Бен-Ладена, а не провинциального мокродела.

«Или это не Интерпол, а ЦРУ? Или Моссад?» — всё гадал Крис, ожидая решения своей участи в странной камере малой тюрьмы, расположенной в малоприметном частном владении...

Самым пикантным было то, что Крис не совершил, по сути, никакого преступления. Кроме, может быть, «незаконного проникновения» в квартиру выродка Эмила, которое никто больше самого грязного Ульгтри не заинтересован сокрыть...

Так за что же «однорукого бандита» схватили в аэропорту? Кстати сказать, загадка протеза им неизвестна: трубка многозарядного устройства не разряжена, они решили: это просто протез, и ничего больше, что дарит некоторый оптимизм: нужно станет — Пятоо их всех прямо в комнате допросов перестреляет...

Однако человеком он был сдержанным и применять огнестрел не торопился. Пусть вначале расскажут, чего они хотят!

На первой же беседе с похитителями выяснилось, что это не Интерпол, и не ЦРУ, и не государственная разведка. А гораздо хуже. Крису Пятоо похитило «Общество охоты на уток», то есть корпоративная

служба безопасности, которая стоит над большинством государств мира и их законами².

«Organization of Duck Hunting», ОДН, кушает на завтрак и датскую национальную разведслужбу, и ЦРУ, и Моссад. Это неприкосновенные и неприкасаемые, самая сердцевина Американской империи, точнее, её верховной власти, финансовой, под которой елозят на правах путан остальные ветви власти: законодательная, исполнительная, судебная, информационная, потому что все они без денег — ничто, а за деньги готовы на всё. Так уж это работает. Так это устроено — отметим на полях — весьма неглупыми людьми, начиная с 1910 года...

Приглашённый на допрос в роскошное, но подвальное, без окон, помещение с привинченными к полу стульями, Крис Пятоо узнал первым делом, что несчастный старина Йенси Свантенсон давно сидит на крючке ОДН. С помощью любовно собранных компрометирующих файлов его дёргают как марионетку...

В частности, узнав о его проблемах с вымогателем, возникших как нельзя кстати, его заставили разыграть комедию с вызовом киллера от московских друзей, потому что был нужен киллер, близкий к господину Совенко...

* * *

— Да будьте вы прокляты! — с бессильной ненавистью, не совсем вменяемо бормотал потный и расрёпанный Свантенсон, утирая лоб собственным галстуком, посредник в этой сделке. Он находился тут же, для вящей убедительности, чтобы Пятоо не подумал про розыгрыш.

— Прекратите паясничать! — строго осёк Йенса брюнет спортивного сложения, видимо, с капелькой негритянской крови, цветом кожи напоминавший молочный шоколад. Особая порода, которую когда-то специально выводили работорговцы! Чем светлее

² Федеральная резервная система США не имеет отношения к государству и не управляет его резервами. ФРС является системой, управляемой различными собственниками, в состав которой входят 12 региональных банков с разветвленной структурой филиалов: Федеральные резервные банки Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Кливленда, Ричмонда, Атланты, Чикаго, Сент-Луиса, Миннеаполиса, Канзас-Сити, Далласа и Сан-Франциско. Их собственниками являются некоторые из самых больших коммерческих банков Соединенных Штатов. О каких банках точно идет речь, достоверно неизвестно, во всяком случае, публично об этом ФРС не распространяется, а вот слухи ходят разные. Предположительно, владельцами ФРС могут быть банкирские династии Ротшильдов, Лазард Фрер, Кун и Лёб (Kuhn, Loeb & Co), Варбург, Леман Бразерс (Lehman Brothers), Рокфеллеровский Chase Manhattan, JPMorgan и Goldman Sachs. Сегодняшнюю ФРС задумали семь человек. Эти семеро тайно встретились на острове Джекил Айленд, принадлежавшем JPMorgan. В состав заговорщиков входил Нельсон Олдрич, сенатор Род-Айленда — будущий председатель Комиссии по национальной валюте. Он и организовал указанную встречу, которую позже назвали «охотой на уток». Так называют и силы специального назначения, которые выполняют волю банковского консорциума в разных частях Земли.

¹ Цитата из поэмы А. Твардовского «По праву памяти».

кожа негра, тем он дороже ценился на рынке. Оттого бойкие плантаторы осеменяли всех своих молодых рабынь, а потом... торговали собственными, получается, детьми! Светлее, ещё светлее — это дороже, ещё дороже!

А теперь вот эта порода служит американскому «глубинному государству». Брюнет носил костюм банковского менеджера — которым, в сущности-то, и был, — однобортный, с зубчатым воротником и двумя пуговицами, тёмных тонов. Скажем так: серый, переходящий в чёрный, идеальная гамма для чёрной работы в серой зоне...

«Туфли, — считывал код дальше матёрый Крис, — строгие, классические, без декора... Рубашка голубая, манжеты с запонками из «коллекции Дональда Трампа», то есть ужасно безвкусными, крикливо-массивными... Галстук Hermes, повязан тщательно, полувиндзором. Имитация, конечно! При такой профессии галстуки всегда на резиночках, чтобы в случае борьбы не стали удавкой своего носителя».

Русские глумятся, что «американцы тупые», это, конечно, не так, это русское шапкозакидательство. В целом американцы совсем не тупые, они — «стальные крысы», как метко окрестил их типаж известный фантаст Гарри Гаррисон. Но — дыма без огня не бывает. Иногда американцы подставляются по полной, выглядят действительно идиотами.

Молочный шоколад в банкирском пиджаке от «Зегна Кутюр» из ткани trefeo, с зерновой текстурой и шелковистым блеском, был туп не только «запонками Трампа». Не желая называть своего имени, он предложил Крису называть его «мистер Икс», что сразу придало деловой встрече в застенках ОДН водевильно-опереточный характер.

«Понятно, что ты не хочешь называть подлинную фамилию, кретин! — думал Пятоо. — Но неужели трудно выдумать одноразовый псевдоним, ну, хотя бы Смит, если на более фантазии нет? Мистер Икс! Как говорят русские — мистер “Хэ на три буквы”!»

Печальнее всего был образ старины Йенси. Проворовавшийся чиновник датского правительства, которое для «Общества утиной охоты» не больше, чем домоуправление для мэрии города, постоянно хлопал, постанывал, утирал пот и хватался за область сердца.

— Во что вы втягиваете мою страну?! — дёргался бедняга Свантенсон на неумолимости пронзившего его крючка. — Во что вы втягиваете мою маленькую страну?!

«Мистер Х...» ответил ему сурово. Непереводаемым английским, используя выражение «the Grand Chessboard don't give a shit», а далее через слово «fuck» и «slut». Точнее всего эту чеканную формулировку можно было бы перевести на русский как: «На великой шахматной доске никому твоя Дания не всралась!»

Возможны, конечно, и иные художественные переводы, но смысл Крис Пятоо сформулировал для себя именно так...

— Зачем я здесь, и в чём меня обвиняют? — адвокатским тоном дистиллированно поинтересовался Пятоо. Поискать левой рукой, своей единственной, поправить галстук, но галстука не было: отобрали после ареста, как и ремень «с крокодильчиком», согласно протоколу содержания в заключении.

— Они всех используют... Всех... — по-детски наядбедничал Крису расфокусированный Свантенсон.

— Мой дорогой друг, — радушно начал «мистер Хэ». — Если бы «Общество охоты на уток» вас обвиняло, то вас бы уже не было... У нас обвинение предполагает моментальный приговор, а приговор — мгновенное исполнение. Потому что сила частного бизнеса — в отсутствии бюрократических проволочек. Сегодня мы не обвиняем. Мы предлагаем...

— А нельзя было предлагать в ресторане, например? — пожал плечами Пятоо. — Как-то обстановка тут... болезненно тюремная...

— Ладно, Пятоо, не кривляйтесь, а слушайте! Не скрою, вы нас удивили. Удивив — порадовали, потому что тот, кто может нас удивлять, нам нужен. Мы ждали от вас трупа и хотели повязать вас на трупе. Трупов вы после себя не оставили... Формально вам нечего предъявить... Но не обольщайтесь, Крис: мы не отягощены процессуально! Надеюсь, вы достаточно компетентны, чтобы понимать, как на самом деле устроена демократия?

— Достаточно, чтобы не ходить на митинги за честные выборы... «Честные выборы» — что-то вроде «горячего снега».

— У вас в России, — блеснул широтой «Лиги Плюща» Х...ый мистер, — есть такая книжка, «Горячий снег» by Bondareff...

— Во-первых, Россия не моя, я латыш... Во-вторых, Бондарев играл на парадоксе. Если издать роман «Честные выборы», это будет тоже игра на парадоксе...

— Да я к чему всё это? — осклабился хищно Х. — Всё Датское королевство для нас — маленькое дочернее акционерное общество...

— Будьте вы прокляты... — снова подал глухой, как из колодца, голос Свантенсон с остановившимся взглядом безумца.

— Заткнитесь, Йенс! И не вздумайте свихнуться, вы нам ещё нужны в датском правительстве! Мы вас ещё и премьером сделаем, Йенс, если не будете вести себя как полный asshole! Так вот, Крис, отсюда, — молочный шоколад обвёл рукой комнату допросов, — мы имеем возможность вывести вас на сколько угодно статей! Здесь же всё в нашей воле: ваши отпечатки пальцев, ваш пот с ДНК, ваши личные вещи... Мы возьмём любое из убийств и занесём пакет с уликами... То, что вас не взяли на деле, — пусть вас не обольщает...

— Да я, в общем-то, не из романтиков... — сознался рижанин.

— Смотрите дальше, что у нас на вас, Крис! — улыбался Х так, будто новейшую модель пылесоса предлагал в рамках «сетевого маркетинга». — То, что

на вас уже несколько убийств в Дании, и мы можем спустить вас в канализацию криминальной полиции — даже не сомневайтесь...

— Вы дьяволово отродье! — каркнул сбоку Свантенсон и заплакал. Теперь собеседники его просто игнорировали.

— Во-вторых, мы знаем ваше настоящее имя. Вы Крис Пятоо, так?

— Допустим... — сдержанно и отстранённо кивнул киллер.

— Это означает, что нам легко отследить, где находится ваша семья. Она находится в Риге, правильно? Вы же и начинали решать людям деликатные проблемы, десять лет назад, чтобы переселить свою семью в Ригу из мёртвого городка Кулдиги...

— И что с того?

— Вы прекрасно знаете, какие возможности у реальной власти США на территории Латвийского протектората и что можно будет сделать с вашей семьёй, если вы нас подведёте, Пятоо... И это пока только кнут, Крис! Funny, isn't it? Don't you think so? Если бы тебя, как многих балтов, звали Кнут, то я бы сказал: «это только крис, Кнут»!

— А пряник?

— Ну, тут без неожиданностей. Какой пряник могут предложить те, кто печатает долларов сколько взбрёт им в голову? Очевидно, доллары, очень много долларов, Кнут... То есть Крис...

— О, если бы я знал, что этим кончится... — застонал по виду пьяный, ужравшийся страхом вместо виски Йенс Свантенсон, с громким стуком бросая ладони на столешницу, а после лапая освободившейся рукой яйцеголовый лысоватый ютландский лоб. Закашлялся, тяжело, как в урановых рудниках.

— Слушайте, налейте ему джина! — попросил Х...й мистер у помощника. — Он надоел своей клоунадой достоинства! Может, полегчает ему с «Бифитера»? — Повернулся к Крису: — И это потомок викингов! — призвал к пониманию, подмигивая.

— Как? Как я вообще дал себя во всё это втянуть?! — недоумевал Свантенсон. И худо выглядел.

— Мистер Икс, у вас очень длинная линейка предложений... — начал Крис, осторожно прошупывая почву. — И я даже боюсь спросить, чего вы попросите за вашу доброту и щедрость? Боюсь, но вы нужен...

— Очевидно же, Крис! Учитывая вашу профессию, чего мы можем у вас попросить?

— Ликвидировать академика Совенко... — предложил Пятоо логично вытекающее из всей ткани разговора.

— Ну вот опять! — Х повернулся к помощнику, и возмущению его не было предела. — Опять эти разговоры про долбаного академика! Понимаете, Крис, меня просто затрахаи в компании «Монсоро», навязывая эту задачу... А теперь ещё вы! Ну, какой, на хрен, академик?! Я понимаю, что у «Монсоро» горит, конкурент, и всё такое... Но вы-то зачем

в их дуду?! Я даже не думал ни про какого, мать его, Совенко...

— Тогда кого?

— Слушайте, вы тупой? Не понимаете, какая цель интересует нас в России? Ну, естественно, Первого! В этом вопрос! С академиками потом разберёмся, это не вопрос, я и в «Монсоро» объяснял совету директоров... Как сказано в Holy Bible у пророка Захарии: «поражу пастыря, и рассеются овцы»...

— А я тут при чём? — изумился, разом взмокнув холодной испариной, Крис Пятоо.

— Как при чём?! Вы близки к академику Совенко, тот близок к Президенту России. Вы на расстоянии двух рукопожатий, конечно же вы помните, что это значит на языке киллерского дела...

— Понимаете, у вас представления об устройстве России какие-то... слишком республиканские, мистер Икс!

— Никаких возражений, май френд, мы не торгуемся. Или вы до конца своих бесславных дней будете гнить в датской тюрьме, потеряв семью, зарезанную неизвестным маньяком в Риге... Или вы получите бассейн, наполненный долларами, сможете плавать и нырять среди «франклинов»! Мне кажется, глупо на вашем месте думать о выборе в такой ситуации!

— Всё так, всё так... — невесело засмеялся Крис. — Но...

— Никаких но! — рявкнул американец, подтверждая поговорку «Англосаксы — бульдоги: схватят — и челюсти уже не разожмёшь».

— Понимаете, я профи, — объяснил Пятоо с его всегдашней сдержанностью. — А вам нужен фанатик. Ведь всякий, кто возьмётся за такое дело, должен понимать: после не выйти. Так что ваши образы бассейнов, налитых долларами, оставьте для прыщавых юнцов... Теоретически можно подобраться, можно найти уязвимые места у любой персоны, как бы тщательно её ни охраняли...

— Видите! Вы уже начали думать над планом!

— ...Но когда ты сделаешь заказ — никак не вырвешься. Фактор внезапности пропадёт, и охрана на тебе отыграет свои косяки сполна... Вам нужен не я, а смертник, шахид... А я не смертник. И если вы будете меня дожимать через колени — знаете, как поступит профи?

— Как, интересно знать?

— Он поедет в Москву и сдаться там охране российского Президента. Объяснит, зачем послан, и получит помилование. И это его единственный шанс выжить. Сделав заказ, он уже, считайте, труп... Труп ни деньги, ни слава... Ну, очевидно же!

— Ваша семья в Латвии будет у нас в залоге...

— Понимаете, я ведь знаю, как проходят платёжки в таких ведомствах, как ваше... Проблема не в бюрократии, а в том, что финансируется всегда дело, а не пустая, бессмысленная месть. Допустим, я сдался в России ФСО... Я уже битая карта, меченый-засвеченный — и меня использовать невозможно.

Остаётся отомстить. Кончить семью в Риге, благо, что в Риге вы можете вообще вырезать полгорода — и латвийские власти сделают так, чтобы об этом не просочилось ни кадра...

— Можем!

— Но это же будет голая месть! Вы потратите деньги нанимателей на пустую и бессмысленную задачу, к тому же подставившись под российскую пропаганду, взяв на себя трупы, ничего не сулящие по делу! И потому я уверен, что вам на такое санкции не дадут. Ещё раз повторю, мистер Х: я профи. Я зарабатываю — а не шахидствую. Я не смертник. Не загоняйте меня в угол, и вы не омрачите оказанного вам высокого доверия вашего руководства...

— Неужели вы думаете, что, планируя такую операцию, мы не просчитали этого вашего настроения, Крис?! — рекламно захохотал Х. — Мои шефы решают проблемы «империи добра» не первый день, и никто не собирался отправлять вас против русского бронированного тигра со снайперской винтовкой или бомбой!

— Тогда я вас не понимаю, — сознался Пятоо. — Яд? Нож? Чего вы вообще от меня хотите?!

— Скажите, у вас болит голова? — вкрадчиво поинтересовался Х.

— Да, слегка, видимо, вы меня чем-то облучаете, хотя понять не могу — почему ваше излучение не действует на вас...

— Потому что я сажу к нему спиной...

— Как, извините?!

— Я сажу спиной к картине, на которую вас постоянно тянет смотреть на протяжении всей нашей беседы! Я её не вижу, а вам она хорошо видна из вашего кресла, и сознайтесь: вам хочется разгадать эти линии?

— Вы знаете, действительно, они так странно сплетены, что кажутся шарадой, ребусом, и поневоле пытаешься...

— Могу вас поздравить, Крис, эта картина действует лучше и быстрее всех на людей с высоким IQ. Слабоумные могут смотреть на неё годами — и с ними ничего не произойдёт. Но чем выше у человека интеллект, тем быстрее он сойдёт с ума, разгадывая этот ребус...

— Не понимаю вас...

— Ну, Крис, не только же у вас в стране есть биотехнологии! — притворно рассердился Х. — Хотя, если считать вашей страной Латвию, то... — Он мог не продолжать бестактной фразы. И не стал: — Но вы же прилетели из России, работая на акционерное общество «Биотех». Там много чего добились, но ведь и другие страны тоже не сидели сложа руки! Перед вами — находка наших биотехнологов, понимаете? наших, а не ваших... Это так называемая «геометрия безумия».

— Что?! — встрепенулся Крис.

— Совокупность графики и углов у невозможных в трёхмерном пространстве фигур, сводящая с

ума. Человеку кажется, что это яркий образчик абстракционизма в живописи, он чувствует влечение к ребусу линий, вешает к себе на стену... Смотрит день, неделю, месяц... Ну, и постепенно сходит с ума! Эту конфетку знаете, кто для кого сделал? Вы будете смеяться: вонючая корпорация «Монсоро» для академика Совенко из такой же вонючей корпорации «Биотех»!

— Да?!

— Да. На это уходят все усилия и мысли у мелочных, эгоистичных, тупоумных и жадных корпоративных засранцев! И что хотел совет директоров «Монсоро», как вы предполагаете?

— Если я прибыл от Совенко, значит, в какой-то мере, хотя бы для отчёта, вхож к нему, — разбирал иероглифы заговора Крис Пятоо. — Если я вхож к нему — значит, могу найти способ повесить этот холст у него в кабинете, или в его спальне, или в столовой, так?

— Ну, конечно нет! — выпучил глаза Х, которого просто распирало от возмущения. — Так хотели сделать эти подонки, эти членососы из «Монсоро»! Они дали мне эту жуть и вместе с ней — металлический кейс, набитый крупными купюрами, Крис. Думая повернуть это дельце, подкупив меня и моих сослуживцев, грязно использовать нас в конкурентных разборках хозяйствующих, shit, fuck, субъектов! Но пока я жив, мистер Пятоо, пока я дышу и помню о верности присяге — я никогда не потрачу такое уникальное, тончайшее оружие, чтобы устранить, убрать какого-то академика с дороги сверхприбыли нескольких jade-bitch! То, чего хотят директора «Монсоро», — пусть они засунут себе в задницу! Я сразу сказал ребятам: парни, у нас хороший день, чтобы поставить хороший капкан на главного кремлёвского медведя! Потратить капкан такого уровня на какого-то академика-очкарика — это просто национальное преступление, которое могло прийти в голову только врагам государства!

Пятоо понял урок. Он стыдливой девушкой опустил глаза, и хоть подмывало ещё разок глянуть на картину в золочёной, а может быть, и целиком отличной из золота раме, — он теперь твёрдо контролировал своё внимание.

— А вы быстро схватываете! — похвалил Х, видя, что у собеседника взгляд теперь устойчиво занижен. — Это очень хорошо...

— Плохо другое... Вы хотите, чтобы моим посредством Совенко надумал подарить эту картину Президенту России? Я знаю Совенко-Филина лучше вас и думаю, вы его недооцениваете! Он нейролог, специалист по становлению мыслей в голове... Если он увидит это полотно, то разгадает его эффект... Делаем ставки, как на ипподроме: за минуту? За полчаса? Если вы оптимист, то ставьте на сутки, потому что больше — некуда...

— Значит, Совенко не должен видеть этой картины. Её нужно упаковать, как у вас, у русских...

— Я не русский! Я латыш!

— Пока я этого не вижу! Как у вас, у русских, принято, в серую обёрточную бумагу, в сибирские шесть слоёв, и перевязать, как у вас, у русских, принято, прочной мохнатой бечёвкой на морских узлах!

— И в таком виде преподнести Президенту на юбилей?

— Именно так!

— Совенко, может быть, пригласят на юбилей Президента... А может, и нет, я не знаю... Но я точно знаю — что меня, Криса Пятоо, никто на юбилей Президента России не позовёт! Советскую макулатурной выделки обёртку я найду, шпагат, как в сельском универсаме, тоже... Но как же я смогу передать картину?!

— Их будет две, — хмыкнул Х, как будто всё очень просто. Две одного формата, в одного типа раме — кстати говоря, вы правильно догадались, она из целикового золота... И в обёртке они будут совершенно неотличимы друг от друга... Одну вы покажете Совенке и предложите подарить!

— Вы с ума сошли!

— Это будет подлинник Дали, страшно дорогая мазня... А Совенко жадный, это мы учили... Жадный и к живописи равнодушный... Он обрадуется такому варианту... А самый сложный момент — подменить картины во время доставки!

— Это не план, а безумие! — воспротивился Пятоо.

— В чём-то вы правы. Но давайте посмотрим с иной стороны. У нас нет другой возможности залезть через кремлёвскую стену, раз. Думайте как латыш! вспомните своих предков в «Ваффен SS».

— Мои предки были людьми благоразумными и от всех воюющих сторон прятались на болотах...

— Жаль! Тогда подумайте о долларах в случае успеха, бассейне, наполненном долларами! Я представляю людей, которым заплатить проще, чем обманывать! Деньги им вообще ничего не стоят, а обман — всё-таки во что-то да обойдётся! Самое важное в том, что оружие — тайное. Оно убивает не сразу и вообще не убивает! Геометрия безумия выдёргивает из человека душу в неизвестное нам измерение... Остаётся тело-овощ... Если убить русского Президента пулей — вообразите, какой скандал, может быть, даже ядерная война... Но если отравить мозг геометрическими ребусами — то что нам смогут предъявить русские?! Мы скажем: «Если ваш вождь сошёл с ума, то это ваши проблемы!» Мы не просто можем сейчас достать до кремлёвского упыря, мы можем сделать это максимально безопасным для мирового сообщества способом, замечая все следы! Ключевое звено во всём этом плане — вы и ваша связь с тайным советником Президента!

9

Во вторую родственную встречу почтительный сын застал отца в больнице. Отец лежал в его собствен-

ной больничной палате, в которой привычную для всех его кабинетов обшивку из темного дерева заменили оптимистично-светлые ясеневые панели, инкрустированные лазоревыми узорными вставками. Поскольку это была палата отца, то здесь расположились странные для больницы письменный витиеватый, крытый сукном стол, примыкающий к нему стол для совещаний, казённого безвкусного фасона диван и несколько кресел-приёмников для посетителей. Отец, наверное, и предсмертное соборование оформит как аудиенцию...

Больных навещают — а Совенко посещают, даже если он прикован к кровати. В палате валялось в беспорядке — или в одном отцу понятном порядке — много книг, а в углу пускал пузыри большой аквариум. На входе — небольшой круглый столик с цветами и пост охраны. Малоприметно зияла сбоку дверка, которая вела пациента палаты в милые для агорафоба крошечные помещения: кухню и туалет с душем.

— Пап, тут жалюзи открываются? — поинтересовался сын, глядя на окна палаты, как всегда, закрытые вглухую, до уровня светомаскировки.

— Откуда я знаю? — отмахнулся Совенко. — Я их никогда не открываю...

Его правая нога лежала в желобе, восходящем углом, увитая тонкими проволочками механолептики, и можно было подумать, что это правая перелом. Однако «сломали ногу» Виталию Терентьевичу, как и многое другое, — уже в момент зачатия. Нога гнила. Изнутри. Некроз коленного и бедренного суставов. В добрый час они удовлетворяются клюкой, локтевым костылём, а разгулявшись — требуют таких вот эйфелевых ажурций...

В больничной пижаме отец был совсем другим — старше своих лет. В усадьбе или в рабочем кабинете его очень молодили белые рубашки, перечёркнутые, словно жирным фломастером, широкими шёлковыми подтяжками удачливого бутлегера «великой депрессии» — мудреца и гангстера в одном лице. Этими подтяжками он забавно щёлкал — по телу — ленинским жестом подпустив под них большие пальцы обеих рук. В зубах при этом обычно — кубинская матёрая сигара, на лице идеальная выбритость, глубокие залысины, бликуя, подмигивают комнатному освещению...

А здесь он лежал со своей больной ногой в хлопчатобумажной бесформенности, небритый, с трёхдневной колкой щетиной, и какой-то не совсем живой, но, как у него заведено, кислотно, едко вредный:

— С козырей пошёл, засранец? — ломал сигару энергичным жестом в пепельницу формы черепа. — С прессой пообщаться надумал?

Отец имел в виду пресс-конференцию, которую Якову Совенко устроила бойкая яфетическая редактора шоу телеканала «Наша Раша» и на которой Яков рассказывал в основном, как врачи платной медицины в Европе обманывают своих пациентов, попро-

сту сокращая жизни людям своим дорогостоящим шарлатанством...

— А что я неправильно сказал? — ершился Яков.

— Сказал-то ты всё правильно... О другом не подумал: кому ты на хрен можешь быть интересен, чтобы тебе «Наша Раша» пресс-конференции устраивала?

— Я им интересен как твой сын...

— Во-от...

— И что?

— А то, что они через тебя на меня выйти хотят...

И когда ты языком лалайкаешь, они не тебя, а меня видят перед собой... Поэтому твоя болтовня должна проходить через мою пресс-службу... А иначе ты говоришь мне на три пожизненных срока...

— Что я неправильно сказал?! — повторил вопрос нахохлившийся отпрыск.

— Ты сказал правильно, а сделал неправильно. Ты меня в данном конкретном случае не подставил. Но мог подставить. А за такое у нас — знаешь, что бывает?

— В угол ставят...

— И не дай бог тебе оказаться в том углу!

Яков и сам был не рад, что поддался настойчивым уговорам сочинской проныры, влезшей без мыла и в руководители канала иновещания, и к нему в душу. Даже в кулуарах, даже за коктейлем в узком кругу, когда журналистов уже выгнали, — этот холодный мир был чужим для Шумлова, населён непонятными и неприятными для него людьми.

— Что вы скажете о российском консерватизме? — светски спрашивали у него, в рамках вежливости общения.

— Продукт эпохи, сперва отвергнувшей развитие, а потом испугавшейся разложения. Понимаете, я скажу вам языком врачей: тело бывает живым, мёртвым и консервированным. В живом и мёртвом телах идут бурные процессы обмена веществ, а в консервах нет ни того, ни другого. Суть консерватизма — бегство от решений, перекладывание всех проблем на будущее...

— Чего вы хотите, Яков Витальевич? — спросила, поднимая коктейльный раструб, медийная южанка. Колебались оливка в бокале и её несколько расфокусированный взгляд. — Вы так много говорили, и всё больше терминами, я не до конца поняла...

— Я хочу... — пожал он плечами в пиджаке за десять тысяч долларов, пиджаке диссидента, потому что в его положении не положено носить пиджаки дешевле двадцати тысяч долларов. — В двух словах: меры, нормы и разумного основания...

— Это как? — распахнула она большие, отороченные подсолнечными ресницами глаза.

— Это когда хирургическую операцию делают тому, кому она действительно нужна, а не тому, кого удалось развести на бабки аферистам в белых халатах...

— Вы намекаете...

— Я не намекаю. Я прямо говорю. Одни умирают без операции, которая им жизненно необходима...

А другим навязывают дорогостоящие операции, которые хороши только оплатой... И лекарства стали повсеместно прописывать — не те, которые уместны, а те, что дороже!

— Вам легко корить с высоты вашего положения... — пристыдила южанка. — А ведь рядовым врачам нужно зарабатывать на жизнь... Не забывайте, мы живём в рыночной экономике...

— А кто нас заставляет в ней жить? — прищурившись, поинтересовался Шумлов.

Редакторша начала нудно, а главное, убеждённо, искренне, с горением в глазах рассказывать ему про ужасы советского детства, прошедшего у неё отнюдь не в Воркуте, а — вообразите! — у Чёрного моря. Недаром говорят, что на тему советского детства воркутинцы воркут, а черноморцы — черно морят...

Она говорила, что в магазинах её школьных сознательных лет был только компот из сухофруктов и хмели-сунели и что масло ей давали по очереди, по две пачки в одни руки раз в пару месяцев, и в школе завтраки были прохладными, и туалетной бумаги она не видела, газетами подтиралась, и личных машин было мало, а общественный транспорт — «битком».

— Из нас почти никто никогда не был за границей и не верил, что туда попадет, — довершила она торжественно, как будто описывала акт немыслимого святотатства. — Так прошла большая часть моего детства и многих в моем поколении...

— Зато теперь-то вы развернулись... — Якорёк мрачно посмотрел на холёную бабу, как будто сплюнул взглядом. — Ни в чём себе не отказываете...

— Мы отвоевали себе человеческую жизнь!

— Нет. Сверхчеловеческую. Знаете, был один такой фюрер, который говорил о недочеловеках и сверхчеловеках... Вы воплотили его мечту, отличаясь от него только отношением к евреям...

Злость обожгла, напугала женщину:

— Вы просто неправильно меня поняли, Яков Витальевич... — растерялась «Наша Раша».

Он помолчал, взвешивая, словно бы скрежеща мыслями, — и добавил:

— А я таких, как вы, — никогда не пойму. Ваше сегодняшнее пиршество на трупах — это ваша мечта. Не моя.

Слова героя! Но Шумлов — начисто был лишён главного качества героев — цельности. Он был разможжённо расщеплён внутри, в самом себе, и каждая попытка осудить других — оборачивалась в нём на его собственное ничтожество: «вонючий пидор из города тусклых педиков»...

В Копенгагене ему не было места — потому что нельзя наркоману сидеть на героиновом складе, а пьянице в винном погребе. Но и в современной «ЭрЭфии», в «Сенегале» — как называют СНГ постсоветского пространства, — ему тоже не место. Ему вообще нет места на Земле — может быть, потому что он выродок, и вырождение влияет на мысли, на виды и картины, обрабатываемые мозгом... Не вся-

кую болезнь головы можно вылечить полицейским электрошокером!

— Теперь жалеешь, что связался с этой стервой? — читал мысли отец.

— Да... — Як тряхнул волосами, как гривой, сгорая морок. — Пожалуй, да...

— Они все тут такие, сынок. И они тебя съедят. Обволокут, как вода, со всех сторон, мягко, жидко, и обгложут до костей... Дай-ко мне ещё одну сигару!

— Пап, тебе нельзя...

— В моём возрасте, Якуша, мне уже всё можно... — грустно сознался Совенко. — Годом раньше, годом позже...

Закурил, затанулся, потряс широким огненным комлем над хрустальным черепом на прикроватном столике.

— То, что мне в моём возрасте нельзя тебя упускать, — другой разговор. Знаешь, кто ты в их глазах? Князь Лев Мышкин. Помнишь такого?

— Папа! — оскорбился Шумлов. — Ну уж базовый-то курс русской классики я прошёл...

— И на том Таньке спасибо! — покивал Виталий Терентьевич. — Я имею в виду — ты для них приехавший из-за границы идиот, за которым капиталы немеряные... Они кажутся немереными, сынок, пока они в одной руке...

Он не слишком-то вежливо сунул сухой, пергаментный кулак старика под нос наследнику.

— Вот пока здесь! — тряс Совенко кулаком. — А начнут их дербанить — сразу выяснится, что — ограниченные и вполне себе исчерпаемые...

Оба помолчали, потом отец решил разрядить ситуацию:

— Скажи мне, как врач врачу: почему гниёт именно правая нога? Я же их обе одинаково использовал... Левая ничего, а правая развалилась...

— Думаю, пап, хроническая многолетняя латентная застуда, — сказал Яков Витальевич и чисто докторским жестом потёр переносицу, словно бы пенсне на ней искал. — Если ты сидишь в лимузине у правой дверцы, а система кондиционирования всё равно, как ни ровняй, холодильник по краю кабины гонит...

— Да, много лет! — удивился, даже брови вздёрнув, отец. Догадливость отпрыска ему польстила.

— Получается, много лет именно на правую ногу воздействует малый, незаметный сквознячок...

— Думаешь, поэтому?

— Ну, не только, наверное... Ты же знаешь, сам сколько лет в медицине... У любой хвори всегда совокупность факторов, но этот, мне кажется, имеется в анамнезе...

Совенко достал из-под мятой подушки мобильник, набрал кого-то быстрым набором и отрывисто, лающе распорядился в трубку:

— Валера? Да, я. Спасибо, лучше. У нас кто в гараже кондиционерами в тачках заведует? Вывези в лес и прострели ему ногу. Правую. Да, разрывной. Спросит — за что? — объясни, что он Филину

ногу простудил... Да, Петрович, мы тут с сыночкой выяснили: из-за того, что холод в основном вдоль дверцы...

Яков Витальевич Шумлов — словно бы провалился под лёд в невыносимо холодную бездну. И тёмную. Ошеломляющей мгновенностью. Вот стоял на чём-то твёрдом... А вот уже в ледяной воде и нечем дышать. И перехода нет! Он разом взмок, пошёл пятнами по коже и каплями лихорадочной испарины по высокому лбу интеллектуала. Всё случилось слишком быстро и слишком буднично. Яков не услышал даже имени того человека, которому, по вине его болтливого языка, Валериан Петрович Шаров (этого-то хорошо знал!) сейчас прострелит ногу... А может, и вовсе жизни лишит: всякий ли выдержит болевой шок, если разрывной прострел в колено?! Какой-то человек, у которого нет ни имени, ни фамилии, будто яйцо на завтрак, на сковородку кокнули...

— Папа! — завопил Яков, когда отец уже закончил разговор со своим карманным боевиком. — Я же не... Я же... первое, что пришло в голову... Папа, перезвони и отмени! Немедленно! Или ты мне больше не отец! Я не хочу лезть в твои дела, но эту мокруху ты повесил на меня!

— Ну, а что я должен был делать? — кошачье прижмурился владелец АО «Биотех». — Мой сын раскрыл мне глаза на мой недуг...

— Ничего я тебе не раскрывал! Ты что, совсем с ума сошёл?! Я только версию, первую попавшуюся... Да господи ты боже! Позвони и переиграй, или я...

— Ну, и что ты сделаешь? — с некоторым интересом, азартом болельщика поинтересовался Совенко, всей полулежачей, но приподнимающейся позой выражая презрение.

— Я... Я... Я тогда в знак протеста... Сам себе ногу прострелил! Неужели ты позволишь сыну...

Яков не успел договорить. Из-под той же подушки вынырнул пистолет Коровина, старомодная офицерская застрелка. Пистолет полетел, вращаясь, как бумеранг, прямо в Якова. Тот едва успел поймать, забавно взмахнув руками, будто вратарь на воротах.

— Стреляй! Стреляй себе в ногу, и я отменю приказ!

— Папа, я...

— Болтать легко! — заорал отец, и его хищную пасть перекосило в крике. — Не знаю, как там у вас, педиков, на родине Гамлета, но у нас в России так: достал оружие, значит, пользуй! Напугать меня хотел?

— Папа, я же сделаю это!

— Делай! Будем вдвоём тут валяться, оба с раной ноги! «Боец с раной»!

Сам себя не помня, не понимая, что делает, Яков направил пистолет в отца и потребовал киношным голосом берущего заложников террориста:

— Быстро звони Шарову и отменяй!

Совенко успокоился и даже засмеялся.

— Чего смешного? — Яков пытался быть крутым.

— Пистолет не заряжен, Якорёк. А мобильник отключен.

— Что? Так ты не...

— Никуда я не звонил. — Тот же бросок углом, и в руках Шумлова оказалась мертвая, глухая «труба».

— Так значит... ты ни с кем не разговаривал... — оторопело бормотал сын.

— Ну почему же? Я разговаривал с тобой. Тебя легко развести, Яков. А значит, когда ты зайдёшь на моё место, тебя будут разводить вот так по три раза на дню...

— В чём смысл?! — почти плакал Шумлов. — С какой стати ты...

— Ты понял, сынок, цену своему слову? — назидательно перебил отец. — Ты что-то ляпнул — а кто-то умрёт... Ты понял, сколько весит твоё слово, сказанное спьяну, или в шутку, или не подумавши?

— Папа, это невысказано, и...

— Вторая твоя ошибка: ты начал отказываться от собственных слов, а это прямой путь в «ипатьевский дом»! Третья твоя ошибка: ты с ходу купился на непроверенную инфу. Значит, тебе постоянно будут подсовывать фуфло. Далее... — Совенко стал похож на школьного учителя, разбирающего ошибки ученика. — Ты целился в родного отца... Одно фото — и опытный пиарщик изобразит тебя хрестоматийным злодеем, исчадием ада...

— Господи, да что же это...

— Поэтому я и говорю, сын: тебя нынешнего они обгложут до костей!

— Всё, папа, мне надоело! — Яков ударил ладонью по журнальному столику так, что зазвенели графин и пепельница. — Ты в меня не веришь, а ещё меньше в себя верю я сам! Я негоден для твоей роли, и очень хорошо... Давай бумаги, я подпишу полное отречение!

Отец повторил ровно то же, чему уже учила мать:

— Дурачок! Отказавшись от корпорации, ты потеряешь только деньги и корпоративную охрану. А желающих тебя убить меньше не станет. Им просто станет легче это сделать...

— Судьба Иоанна Антоновича... — скривился Яков, вспомнив мамины поучения.

— Совершенно верно! Всегда любил Таньку за то, что она любила историю... Отрекайся ты какими хочешь словами — никто не поверит в искренность твоего отречения...

— Да почему? — ерошил взмокшие волосы Шумлов. — Что вы все, как сговорились, — почему?!

— А вдруг ты потом передумаешь и захочешь вернуться? Через год? Десять? Пятнадцать лет? А ещё вспомни, как много ты поневоле знаешь... А им кажется, что ты знаешь ещё больше... Самый простой способ сделать так, чтобы ты не вернулся никогда... И никогда не заговорил... Ну, ты понял!

— Что же, у меня нет никакого выхода?

— Из настоящей власти выходят только вперёд ногами! Иначе никак, сынок... Настоящая власть — это не временно избранные попугаи прикрытия...

Они молчали долго и обиженно — каждый думал о своём. Но Яков не уходил, а отец не выгонял. И, выдержав драматическую паузу, сделал попытку к примирению:

— Ты, стало быть, хороший доктор... Пусть пока не наук, но клинический! Как идиоты бывают клиническими... ну, не кукуйся, шучу я! Ну, вот ты дома, из дальних странствий воротясь... И что ты думаешь делать? По жизни?

— Я врач. Буду лечить людей.

— С датским дипломом? — скептически скривился отец.

— А что, в России нет конвертации дипломов? — напирал Яков.

— Нет. Но для тебя я бы мог конвертировать. Не вопрос. Если проблему можно решить деньгами, то это не проблема, это расходы... Вопрос в другом. В том, что ты не сделал выводов. Вот ты явился — не запылится, от европейских властей умученный. И думаешь, что российские власти тебя не обидят?

— Российские — не обидят! — с вызовом бодрился Шумлов. — У меня отец близок к Президенту...

— И что? На этом основании ты считаешь, можно делать, чего захочется?

— Я не бабушек на «Ламборджини» сбиваю... Я сбиваю цены на лекарства для тех, кому дорогие лекарства не по карману!

— А ты знаешь, что, если бы ты бабушек сбивал из озорства, мне было бы легче тебя отмазать?!

— Знаю. Легче было бы, — перешёл Яков в психологическое контрнаступление. — Но зато — не так приятно, как в моём случае. Пап, ну неужели фармакологическая мафия выше тебя? В России? Где ты близок к Президенту?!

— Президента оставь в покое, мы с ним не друзья, — посоветовал Совенко со всей мрачностью, на какую был способен его готический типаж. — Мы не ровня, он хозяин, я слуга. И даже если бы он полез дружить — я бы его первый осадил. Негоже хозяину со слугами дружить. Ничего из этого хорошего не выйдет...

Камушек в огород Якова, который всегда пытался вести себя приятельски с персоналом, чем тот, что в России, что в Европе, бесстыдно пользовался. Каждый раз с особым холопским удовольствием обирая человека, денег считать не умеющего...

— Президент прислушивается ко мне — иногда. Но только потому, что я прислушиваюсь к нему — всегда, — отец нарезал смысловые интонации на конец каждого предложения, с гулким упором на ключевое слово. — Если я попрошу у него в тебя не стрелять — он, может быть, снисходя ко мне, один раз не выстрелит. А вот если он скажет мне в тебя стрелять — я выстрелю десять раз. Понял соотношение? Один к десяти.

— Ты же это не всерьёз, папа? — попытался изобразить улыбку сын, но по спине его бежал мороз.

— Ты не делом занялся, Як.

— Но если я получил медицинское образование...

— То ты лучше других знаешь, из чего сделан человек! — перебил суровый отец. — И можешь пользоваться этим знанием. Для этого я его тебе и давал... В твоём положении, малыш, много приятностей и привилегий... Но напрягов ещё больше! Если бы твои сегодняшние слова говорил сын моего лакея, я бы его в маковку поцеловал! Обоих: и лакея, и сына! Искренне и с восторгом. Но ты наследник Хранителя, и это — не твоё дело!

— Я в наследники не просился, папа... — пытался выдержать матёрый взгляд Шумлов.

— А это не тебе, сынок, решать! Пока ты, дурак, вылечишь одного — они убьют тысячу... Потом ты исцелишь сотню — а они угробят миллион.

— Кто — «они»?

— Пока ты дурак, я тебе говорить не буду. А поумнеешь, сам поймёшь.

* * *

«Они» — не сказуемые. Подлежащие. Полагающие, что всё для них — всегда прилагательное. Они не то Слово, что «в начале было». Про «них» можно много рассказывать словами. Но это всегда бесполезно. Если сам не понял — то с чужих слов не поймёшь. Совенко, разворошенный жуткой темой, как муравейник палкой, вспомнил, глядя в натяжные потолок личной больницы палаты, что на заре правления ныне действующий Президент хотел «интегрироваться» в мир Запада...

Искренне хотел. Он не считал себя наивным мальчиком — он казался самому себе сицилийцем, доном, прошедшим огни и воды, и потому без раздумий кинулся в объятия мировой мафии. Он видел в этом выход и не видел выхода в чём-то ином. Он ведь и сам был продуктом распада, обильно одарившим Россию вырожденками, вроде семейки Собчаков, он рос на этом гное и вдыхал это зловоние, жабрами приспособив под него органы дыхания...

Он метнулся туда, где психопатии и обкуренные галлюцинации его поколения возвели из лондонских туманов и сигаретных колечек, напускаемых морокко болтунами сгнившей до корней интеллигенции, — «град на холме», землю мечты, Китеж, Беловодье и страну Муравию «перестройки». Кинулся в обетованную землю всех сумасшедших, где нет врачей и психи делают чего хотят друг с другом и со всеми приезжими...

А что ещё он мог сделать? Чего там ещё осталось от России к его приходу?

Полуистлевшая, она, раскинув ноги,
Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной.

Осознавая, как мало шансов быть принятым в «приличное общество», — он уповал и вождедел. Он,

как в покаянной Каноссе, в рубище смирения стоял под окном западного бомонда, чуткий на оклик и безотказный на их капризы. Каковы шансы у предводителя чашечки Петри, полной лишаёв патогенной, изломанной и извращённой жизни, лабораторной в чистых формах своего вырожденного уродства, мутировавшей до крайних степеней скотства и одичания?

И случилось чудо. Случилось чудо, на которое он мало рассчитывал. К нему оказались благосклонны. Эти небожители, обитатели полных до краёв, как рог изобилия, «летающих тарелок», снизошли к нему ласково. Мало кто верил в успех — но они его приняли. Его включили. Кооптировали. Сказали — такой нам нужен. «Оставайся, мальчик, с нами. Будешь нашим королём».

Но готов ли он идти до конца? Он думал, что готов. Чего ещё он не видел, обретаясь подле худших из «прорабов перестройки»? Чем ещё его можно удивить или шокировать?

Но им — удалось. Полный радужных надежд на «Европу от Атлантики до Камчатки» он уехал к ним. Вернулся потным, бледным, с расфокусированными глазами, потерянным, словно бы сварившимся. Распростёрся ниц перед крестами и схимонахами дальних пустыней. Он, сицилиец из деревни, провинциал с провинциальным знанием криминала, — увидел, из чего делают мировую власть...

Но у него — при всей растерянности и шоке — кое-что оставалось в рукаве козырем. Космическая и ядерная держава. И те, кто схож с ним, если не происхождения, то путём. Такие, как Совенко...

Изменяя обычной неизменной вежливости, в состоянии предельной искренности он «тыкал» Виталию Терентьевичу:

— Ты это видел? Видел, что они делают с детьми, извлекая... извлекая...

— Видел, господин Президент.

— Почему раньше не сказал?

— Об этом нельзя рассказать. Это нужно самому увидеть. Или не поймёшь, не поверишь...

— Мы можем это остановить?

— Не знаю...

— Не ври... Ты всё знаешь, кудесник!

Совенко был непривычно скромным:

— Не всё. Я не знаю, сможем ли мы это пресечь.

Я знаю кое-что другое, гораздо более важное: мы можем ПОПЫТАТЬСЯ... Добро пожаловать в мой мир, господин Президент, я давно уже пытаюсь это остановить...

— Давно?!

— Достаточно давно. Но, встав на этот путь, уже ничего нельзя жалеть и ни о чём нельзя жалеть! Монстра может победить только монстр. А такого монстра, как они, — даже не знаю... Я затрудняюсь сказать, насколько даже теоретически возможна победа над монстром таких размеров...

Совенко далее объяснял созревшему услышать, что весь Запад — не более, чем огромный червь-

паразит, присосавшийся к планете и выжирающий её. Ничего, кроме как жрать, он не умеет и не хочет.

— Запад хочет всех убить?

— Он не хочет всех убить. Он хочет всех съесть.

— Какая разница?

— Думаете, у бычьего цепня¹ есть какие-то коварные планы по поводу организма, в которого он подселается?

Чёрное Солнце Смерти восходит на Западе. Его испепеляющие всё живое лучи тьмы, потоки мрака проникают под броню любой толщины, как дыхание воскрешённых древних демонов: Молоха, Ваала, Вельзевула. Чёрное Солнце Запада разрывает панцирную сетку времени, так, что жалобно звенят пружинки лопающейся и всё более отрывистой человеческой памяти. Оно скручивает трёхмерное пространство в рулон. Вся человеческая сложность под воздействием лучей тьмы, их пронзительной радиации, сворачивалась, как молоко на солнцепёке, в алгоритм биороботов и низшие инстинкты простейших прозрачной, как персика в соцсетях Интернета, протоплазменной органики. И рядом с этим, гробовым, могильным, вечным чёрным бархатом «футляра человека», в просторечии гроба, сколоченного человечеству, этой вечности космической ночи сверхразреженного вещества — вся российская гнусь, гниль и падаль, весь российский уголовный кураж не казались больше страшными или даже омерзительными. Всё познаётся в сравнении!

И как раньше молчали опытные приближённые Президента — так теперь молчал сам Президент. И сразу стал непонятен для всех тех наивных, кто верит, что его голос на каких-то там выборах чего-то значит, для тех лопухов и лохов, которые верят речам политиков и в эффективность коллективных воззваний... Для всех тех, кто, впав в идиотизм, не понимает, как легко отнимается жизнь — и у человека, и у целого народа, и как мало потом вспоминают стёртые эскизы истории... Иди, спроси потом, за что они голосовали на выборах, чего поддерживали на референдуме? Кого они намерены поддержать своими голосами? Не ответят они тебе. Они умолкли навсегда, как полмиллиона русских на Северном Кавказе, тоже начинавших с «острых дискуссий» о собственном мнимом достоинстве...

Перед тем, как вас казнить — вас, естественно, рядят в одежду приговорённого, пошитую ловкачами-грантожорами. Нельзя казнить без приговора — говорит Запад в своём чопорном ханжестве, забывая о главном вопросе: «а судьи кто?». «Судьи» — они. Самозванные и безапелляционные.

Они могут без единой слезинки стереть с лица земли целые народы, у которых, библейским языком говоря, — «более ста двадцати тысяч младенцев, не умеющих отличить правой руки от левой»².

Но серийных маньяков, чувствуя духовное родство, селят в комфортные многокомнатные камеры и заставляют народы десятилетиями оплачивать душителям и потрошителям ресторанные обеды³.

Младенцев расчлениют на конвейере, зато жизнь маньяков в их обществе драгоценна. И они лицемерно вопят, что «нельзя человеку лишать жизни другого человека». А у сербов, иракцев, ливийцев, сирийцев кто жизни отнял? Бог?! Это Бог производит по два детоубийства на одно деторождение?!

А когда Рокфеллерам понадобится очередное донорское сердце — то выпотрошат, как индейку, не именитого маньяка Брейвика, а какого-то безымянного, но молодого и здорового человека, имевшего несчастье «подходить по всем медицинским показателям»⁴.

Когда вам врут, что «важно мнение каждого», то забывают добавить, что только каждого живого! А мнение мёртвых, освободивших Землю для других, — никому потом не интересно...

Человека, полного калом самомнения и распираемого газами чувства собственного величия, — очень трудно в чём-то переубедить, но его очень легко убить. Такой повздорит со всяким, кто попытается с ним разговаривать по-человечески, но ничего не скажет тому, кто в него выстрелит.

Горе тому, у кого народ из таких сложится...

Любой враг — приходи и бери их голыми руками — со всеми их нефтью и газом, рудами и самоцветами, чернозёмами и строевым лесом, водными и энергетическими ресурсами... И с теми килограммами мыла, которое рачительный технолог Бухенвальда сможет выплавить из их водянистых, одутловатых, дебелих, сырых и раскормленных «патерналистами» телес...

И Президент больше не хотел переговоров с этими людьми, потерявшими в считанные годы и необозримые земли, и удобные позиции, и разум, и совесть. Он понимал, что единственная реалистичная замена ножу мясника в этой ситуации — палка фельдфебеля. Их не за что жалеть, да уже и некого — ведь с точки зрения мировой власти все они уже мертвецы. Они всё равно уже все приговорены к смерти. И если не прорвутся — то все уйдут в газовые камеры, с чего же им тогда бояться прорыва?!

— Вы думаете, что эти существа, — указывал Президент на Запад, — которые крючками рвут собственных младенцев из экономии, ради «повышения качества своего потребления», — вас, дураков, пожалеют?! Вас с вашими детьми, если встанет выбор между вашими трижды никому не нужными жизнями — и парой долларов в их карман?

³ Норвежский террорист Андерс Брейвик, приговоренный к 21 году тюрьмы за убийство 77 человек в 2011 году, пожаловался на условия содержания в тюрьме.

⁴ Миллиардер Дэвид Рокфеллер скончался на 102-м году жизни, пережив семь (!) пересадок сердца и две пересадки почки. Ради него распотрошили, как минимум, десяток молодых здоровых людей.

¹ Бычий цепень (солитёр) — самый знаменитый вид паразитических ленточных червей.

² Иона 4:10-11.

— Я так не думаю, — кивнул Совенко с улыбкой. — Я с детства знаю, европейцы трусоваты как шакалы и часто боятся нападать на сильного человека. Но они никогда не стесняются нападать на бездвиженного или больного! Если что-то и удерживает их от прямого людоедства, то страх, только страх и ничего, кроме страха...

10

...Огромное батальное полотно известной художницы Татьяны Шумловой, всегда тяготевшей к историческим сюжетам, называлось «Чёрный Рыцарь Джустиньяни».

— У него моё лицо, — не столько спросил, сколько констатировал редко выбиравшийся на вернисажи Президент.

— Да, господин Президент, — объяснил бывший муж и непреходящий спонсор художницы. — Вы схожи не только лицами, но и судьбами...

— Что вы имеете в виду? — поморщился Президент, который терпеть не мог византийские пышные метафоры, всегда требовал конкретики, цифр, «явок, адресов, паролей».

— Чёрный Рыцарь Джустиньяни провёл в погибавший Царьград две последние галеры с горсткой храбрецов, последних защитников города... Здесь вы видите тот, многократно описанный разными историками, момент, когда Джустиньяни с великих стен осматривает необозримые орды османских живодёров... Не видно ни конца, ни края... На каждого воина Джустиньяни приходилось более сотни турок...

— Он поэтому чёрный? — поинтересовался, с виду лениво, Президент.

— Одежда Джустиньяни, чёрная с ног до головы, без слов показывала кондотьерам, что он не рассчитывает на победу...

Они помолчали, глядя на полотно, и эта пауза, с остановкой, была беззвучным, но высшим комплиментом от сдержанного на похвалы Президента.

Зачем слова? Оба понимали: необозримы и невообразимы силы американского Рейха. Силён был гитлеровский, очень силён, но куда ему до этого? Разве были у Гитлера такие территории, такие ресурсы, такие неисчерпаемые резервуары пушечного мяса?

Сотни порабощённых народов, спаянные волей Американской Золотой Орды, шагают в едином строю. Кто-то с подлой собачьей надеждой выслужиться, получить от хозяина обглоданную кость. А кто-то — со слезами унижения и бессилия. Но все они идут и идут, единой фалангой, заменившей собой горизонт...

«И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»¹

На стенах Царьграда — нет людей. Гигантский город заселён растленными паразитами, которые ещё не знают, что турецкий султан вырежет их поголовно со словами поучения для потомков:

«Эти не захотели защищать свой город, неужели будут защищать мой?»

Султан понимал, что царьградцы — гниль, способная заразить его гулемов своей гнильностью. Жители Царьграда этого про себя не понимали. Они пока ещё ждут — кто победит? Они рассчитывают, всех меряя по себе, что при новом хозяине их положение будет «как минимум» не хуже, чем при старом, изрядно их угнетавшем...

— Неужели вы думаете, что при султানে нам будет тяжелее, чем при «этом»?! — подмигивали всезнающие торгаши Константинополя, убеждённые, что искушены в политике поболее прочих. — Наш император просто цепляется за личную власть, ему на нас наплевать так же, как и султану... Это их царские разборки, они нас не касаются...

Великая загадка истории, снова и снова повторяющаяся в ней: почему Царьград нужен Джустиньяни, приплывшему сюда умирать на стенах через три моря, но не нужен тем, кто здесь родился?

Пока же можешь наблюдать, стоя на кремлёвской стене, что нет больше на планете иной земли, кроме американской. Она повсюду, она заменяет собой пространство, бесчисленные народы-рабы повсюду влечат её кандалы и колодки, её боевые колесницы и осадные башни.

— Люди Джустиньяни, господин Президент... — вкрадчиво кашлянул Совенко, — стоя на стенах Царьграда, не слышали друг друга... Так далеко друг от друга они были расставлены...

— Вы хотите меня напугать, Виталий Терентьевич?

— Думаю, того, кто надел чёрные доспехи скорби, уже нельзя напугать. Я с вами, и с вами до конца. Тем более что мой конец близок сам по себе, как бы дальше ни сложилось... За стенами нашего города — только распад, смерть и тьма варварства с кровавыми алтарями человеческих заклятий. Но если вы будете сеять эту тьму ещё и внутри города...

— Пенсионная реформа — вопрос решённый! — оборвал Президент, догадавшись, о чём идёт речь.

— Господин президент, я не из жалости к этим несчастным недоумкам, которые давно уже спустили всё за понюшку табаку и вонючих европейских рейтузов... Все шансы выживания... Каким бы ни был этот народ, прогнивший до копчика, он в этой битве ваша последняя опора...

— Это уже не народ, — плевался болью Президент. — Это вырод. Каждый из них продаст за доллар мать родную, а перед тем — себя.

Он имел в виду: их хомячий нос круглосуточно трепещет отзывчиво на запах корма, и любой уползёт на Запад, если там ему насыплот миску «педигри», а потом с такой же лёгкостью предаст и «новую родину», если учует корм ещё где-нибудь!

¹ Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 13, 3-4.

— А теперь скажи мне, академик, — чем это отличается от поведения морской свинки?!

— Ничем, господин Президент. Но речь не о них, а о нас. Да, они растлены до состояния слизи, но другого народа для вас ни у кого нет. Нельзя воевать со всем миром, объявив при этом войну собственному населению!

Они снова помолчали. И каждый видел то, что сперва так живо и льдом по коже увидела Таня Шумлова: беспросветную и вязкую, как нутро чёрной маслины, царьградскую ночь, кремлёвские зубцы, а за ними — горят волчьи глаза оттоманских костров, бесчисленные, как звёзды на небе, и сливающиеся со звёздным небом...

— О чём мне разговаривать с протестующими? — откровенничал Президент, вспоминая дальние планы Таниного шедевра, эту неисчерпаемость кипящей тысячи котлов Смерти. — Они, туполобые городские паразиты, как Бурбоны — «ничего не забыли и ничему не научились». Вы намерены снова мне советы давать — как обустроить жизнь в вашей стране?! Да нет уже давно вашей страны! Порешили её давно на пятнадцать кусков! А вы даже и не заметили... Нет, ты посмотри... — распаялся он, тыкая ладонью в бурлящий лозунгами экран телевизора. — Кругом обосрались, но вместо покаяния опять выходят на улицу, воображая себя хозяевами положения! Да вас самих, идиоты, уже лет пятнадцать как закопали бы — если бы я поперёк не встал...

* * *

С сыном Совенко разговаривал о том же, но лаконичнее:

— Ты наследник Хранителя, и твоё место — здесь... — Виталий Терентьевич постучал указующим перстом по приближенной к одру больного столешнице.

— Благодаря маме, — набрался мужества сказать Яков то, что давно уже собирался сказать этому вурдалаку, — во мне всегда будет маленькое зёрнышко добра и человечности. И, сколько бы ты меня ни бил — я от него не отрекусь...

— А я не хочу, чтобы ты отрекался от зёрнышка добра и человечности, — раздельно и жёстко выговорил Виталий Терентьевич. — Я хочу совсем другого: чтобы ты научился его защищать. Пока любой может его растоптать — ему цена пятак в базарный день... Ты пока ещё Фурье, мой мальчик. Мечтатель, который сидит на диване и думает — «как было бы хорошо, если бы всем было хорошо»... А есть ещё Сталин. Вот он умеет не только мечтать, но и защищать свою мечту. Поди, помешай ему творить добро — он тебя в пыль лагерную сотрёт. Такие люди и двигают историю.

Пришёл врач, всем видом намекая наследнику, что настало время процедур и аудиенцию пора завершать. Совенко продолжил уже при нём:

— А Фурье — человек-анекдот. Мечтал, мечтал, один раз кастетом дали в рожу — и конец всем меч-

таниям... Зачем, спрашивается, рождался? Кастетом в морду получить?

* * *

— Девяностые... Страшное время, — уговаривал Президент сам себя. — Но оно прошло. Собственность в основном уже поделена. Да, с кровью, с мраком, но поделена. И того, что было, уже не будет. Теперь мы станем развиваться в рамках правильного капитализма! Поплывывая на загнивающий Запад, который отрёкся от собственных устоев, мы построим правильный, настоящий бизнес по лучшим из наработок мировой истории. И будем развивать настоящий рынок! Может быть, одни на всей планете — но тем лучше для нас...

— Вы, наверное, помните... — начал издали собеседник Президента, наследие времён советских, советник Совенко. — Были такие коротковолновые передачи... Радио, я имею в виду...

— Ну, конечно, помню!

— А были ещё передачи на длинных волнах...

— Ну да, и что? — Президент терпеть не мог эзопова языка. Требовал всегда докладывать детально, чётко — «и без всякой там «воды»».

— Девяностые — это коротковолновый приём. Отсюда их бешеный темп, их лихорадочные перепады, сбившееся на бегу дыхание... Короткая волна — это зыбь и скачки... А теперь мы принимаем длинные волны передачи капитализма. Они полogie, в интервалах протяжные, они не трясут, а ублаживают...

— Это хорошо? Или плохо? — прищурил глаз введливый взглядом Президент. Потому что — редкий случай — он не понимал, куда клонит советник.

— Я думаю... То есть я, собственно, знаю, как учёный, занимавшийся проблемами формирования человеческих мыслей... Длинные волны капитализма страшнее. Чудовищное на длинных волнах никогда не исчезает, оно просто становится обыденным... Так человек, долго живущий возле железной дороги, перестаёт слышать звук поездов. Несправедливость становится из шока привычкой. Я — да как и вы, наверное, студентом ещё ездил на картошку в советские колхозы... На субботниках я мыл окна. Натурально, ведро, тряпка, и моешь... Правда, рядом была София Ротару, которая тоже мыла окна¹ на ленинском субботнике! Она и сейчас-то ничего, а представляете, какая она тогда была!

Совенко ностальгически — и одновременно плоско — улыбнулся:

— Ну, вот и мы с ней, в «трикотаных» с отвисшими коленками, она одно стекло, а я соседнее, так и мыли, по заветам Ильича. А ведь она уже была звездой эстрады, да и я не совсем безродный... Но нас тогда это не удивляло. Теперь тот мир, господин Президент, кажется странным, как цивилизация ац-

¹ Автор опирается на исторический источник. Действительно, опубликованы фотографии советских времён, где певица София Ротару в рабочей одежде моет окна на ленинском субботнике.

теков... Мой сын — лучше многих ему подобных, мы с его матерью постарались воспитать в нём уважение к людям...

— Я знаю, — потеплел Президент, что у него редко случалось. — Его мать — Татьяна Шумлова, написавшая «Чёрного Рыцаря Джустиньяни». Я хотел бы приобрести эту картину...

— Она вам её подарит! — заверил Совенко верноподданнически.

— Так я не хочу. Я же Джустиньяни, а не Шейлок¹... На том полотне есть и любовь и вера... Такая женщина наверняка воспитала прекрасного сына...

— Да, но... Но, как бы сказать покороче... Мой сын уже не представляет себе утра, чтобы у постели не стоял лакей с чашечкой кофе. Отсутствие лакея, швейцара, официанта, шофёра, носильщиков — за пределами его воображения...

— К чему вы всё это? — Президент охладел и तोропил закружаться.

— К тому, что шок содержит в себе понимание неправильности ситуаций. А привычка — нет. Длинные волны — они страшнее коротких, хотя, конечно, на вид более образные. Болезнь — это корчи и вопли, а смерть — неподвижный, лишённый конфликта покой...

— Но для того мы с вами и работаем, — возмутился Президент, — чтобы сделать неправильное правильным!

— Капитализм правильным не бывает, — тихо, скрипуче, почтительно — но возразил Виталий Терентьевич. И прочитал во взгляде Патрона отчётливое пушкинское:

Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье...

Это чревато — плюнуть в самую заветную мечту Президента, если он тебя уважает. Если не уважает — то утрётся: от коммунистов он готов был слушать и не такое, успокоенный убеждением, что у них «репейник в голове растёт». Но не от Совенко. Совенко пугает тем, что кажется умным — а говорит такие ужасы. Мечта о «правильном капитализме» была сокрыта в самом потаённом уголке ледяного президентского сердца. Если это химера — тогда зачем Президент жил, рождался, служил, рисковал, переступал через себя и других? Зачем вообще всё было?!

Есть вещи, которые можно говорить. Есть, которые нельзя. А есть — которые надо говорить, даже когда нельзя. Совенко посчитал, что это как раз третий случай...

— Суть частной собственности в произволе владения ею. При малейшей попытке жить по закону, произвол сменяется определённой, и это убивает собственность. Или, если она выживет — тогда умрёт

¹ Один из главных персонажей пьесы Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик. По сюжету Шейлок даёт деньги в обмен на право в случае неуплаты по счёту вырезать из тела должника фунт мяса.

закон, каким бы он ни был. Единственный способ продлевать дни капитализму — это продлевать дни беззаконию.

Президенту было больно. Он морщился, как будто у него болели зубы. И вспоминал горячечную, параноидальную речь Рыжего приватизатора, которая — как ни ужасно — была о том же, только прозвучала с другой стороны:

— Священную борьбу с коммунизмом нельзя поручать прокурорам! — заклинал Рыжий, чувствуя, как слабеет его влияние при дворе, в 90-х почти безраздельное. — Всякий прокурор уже отравлен нормированием, бреднями о справедливости, казарменной дисциплиной... Начнёте с болтовни о равенстве перед законом, а кончите серой унылой уравниловкой! Настоящий борец с коммунизмом, идущий до конца, — только криминал, только уголовщина, а вы меня упрекаете, что я её насадил и распустил... Но нельзя, господин Президент, понимаете, нельзя построить рыночную экономику с теми, у кого в голове сидит заноза правосознания! Утки плавают, гуси плавают — но не будет плавать курица...

Под страхом опалы никому нельзя было топтать мечту Президента о Неверленде, о «правильном капитализме», однажды пронизавшую его ещё в молодости, в дрезденской кофейне, раз и навсегда. Нельзя было открывать ему глаза на то, что воздушная лёгкость вегетарианства и богатая мясная кухня каннибализма несовместимы: всё равно будет чего-то не хватать. Или мяса, или света. Или добра, в смысле имущественном, или добра в смысле доброты.

Покушение на свой Неверленд, на «мечту итога», которая и послужит оправданием за всё на Страшном суде, Президент прощал только дурачкам. Он не простил её ни Рыжему, ни Филину, потому что не считал их дурачками.

* * *

Этот Президент выражал свою обиду молчанием. Очень закрытый по характеру человек, он отгораживался от обидчика, переставал того замечать. И теперь Президент не хотел больше говорить с Виталием Совенко. Да, экспорт пшеницы стал сопоставим с экспортом нефти и газа. «Данке шён». Но видеть «автора» Президент не желал — ещё раз получив подтверждение основополагающей мудрости своего правления: никому нельзя верить.

С первых дней правления, ещё косноязычно заикающийся при публичных выступлениях, похожий на подростка, попавшего в круг серьёзных дядек, окружённый совсем не дрессированными тиграми — Президент знал, что в его стране иуда на иуде, вор на воре, пидор на пидоре.

Его стратегия была для общества обидной. Его стратегия строилась на том, что он управляет скопшем мародёров, клятвопреступников и отцеубийц. Но, справедливости ради, отметим, что общество иного-то отношения к себе и не заслужило...

Но каждому человеку нужна глубинная вера в то, что он делает. И каким бы железным ни был этот Президент — он тоже не исключение. Ему нужен был воображаемый итог с прянично-сусальными застольями в духе Ивана Шмелёва. Нужен — и точка.

Не хотел встреч — не значит отказался от встреч. Этот Президент умел, если для дела, переступить через себя, стопой на горло собственной песне. Этим и брал в первые годы, когда с обливавшимся кровью сердцем и облежавшей лаем оппозицией сдавал врагу Лурдес и Камрань, Тузлу и станцию «Мир», Приштину и ещё много чего. Сдавал, как Кутузов Москву, — чтобы выиграть время, укрепиться у власти.

В первые десять лет Человеку с Картонной Короной нужно было только выиграть время, ничего больше он выиграть тогда не мог. И в первые годы правления Президент ковриком стлался¹ у ног тех, чьим главным глобальным противником ему потом выпала судьба стать...

Это старая русская традиция — вынужденного прагматизма сперва *подордынских* московских князей, а потом и многих имперских полководцев. Если встаёт неумолимый выбор между сохранением армии и сохранением чести, то выбирают армию.

Страшный выбор, не дай бог никому испытать его на себе! Но *подордынские* князьки, а потом и полководцы понимали: высшая честь — сберечь то, что может потом участвовать в боях. В жестокой драке без правил, в драке за право жить на Земле — этот выбор не раз спасал Россию.

Совенко говорил убийственно-неприятные вещи. Но Президент умел, не без умелого цинизма, использовать тех, кто лично ему несимпатичен и неприятен. Уверенность в своей правоте — необходимое условие для энергии действия. Трудно сказать, истину ли высказывает Виталий Терентьевич, но он каменно убеждён, что высказывает истину. А это иногда важнее для дела, чем сама истина.

— Пока вы огнём и сталью сохраняете жизнь стране, — говорил Виталий Терентьевич, — у неё есть шанс одуматься. Воспользуется она этим шансом или нет — её дело. Но у мертвецов шансов не будет ни на что. Вы прекратили тотальный геноцид, а большего я уж и не требую...

¹ После терактов 11 сентября 2001 года Россия продемонстрировала неслыханную поддержку Вашингтону. Владимир Путин был первым мировым лидером, который принес соболезнования Джорджу Бушу. В интервью режиссеру Оливеру Стоуну наш президент вспомнил: «Мы как раз на следующий день запланировали учения наших ядерных стратегических сил. Я их отменил, так как хотел, чтобы президент США знал об этом». Когда янки решили вторгнуться в Афганистан, то вся логистика перемещения американской группировки была связана с российским воздушным пространством. РФ не только не взяла деньги за пролет над своей территорией, но и оплатила за счет российского бюджета все расходы по использованию наземного навигационного оборудования. По РФ шли железнодорожные составы, которые РФ добровольно обязалась не досматривать. Причем даже без ратификации в Госдуме.

— Ещё бы — вы! — у меня! — требовали! — обиженно фыркнул Президент.

— Ну тогда... Не прошу... — смягчил бестактность зарвавшийся биотехнолог.

— Будем считать, по душам поговорили...

— Человечество проходило этот урок тысячу раз! — объяснял Совенко в кругу «своих». — Всякая борьба со злом неизбежно принимает вид деспотии. Зло нельзя переубедить или вразумить, в отличие от добросовестного заблуждения. Если ты будешь кидаться в зло только словесными кашками, то тебя либо проигнорируют, либо убьют. Но в любом случае, в словесную перепалку с тобой зло вступать не станет!

Главный вопрос — о котором и он вынужден был молчать — как не перепутать, в погоне за эффективностью, сторону?

* * *

В Копенгагене, в логове удалённого и укромного поместья «Общества охоты на уток», чьи подвальные помещения были значительно больше надземных, переговоры Пятао с Мистером Хэ, или Стрелка с Долларом подошли к успешному завершению.

— Если мне нужно будет что-то уточнить или сообщить... Или передать — важное по делу... Как мне с вами связаться? — привычной рукой, единственной своей, левой, расставил силки Крис Пятао.

Самоуверенный молочно-шоколадный опереточный болван Мистер Х шагнул в них смело, как самый крупный хищник. Он никого в датской фауне не боится: он всех жрёт, а его никто...

— Вот вам карточка... Фирма «Зунд-Консалтинг, услуги финансовой оптимизации». Логотип не читайте, он — так, для правдоподобия. Фальшивка всё, кроме мобильного телефона внизу. Звоните по этому номеру, вы или кто-то от вас, скажите пароль: «hego».

— Героин?! — изумился Крис.

— Какие у вас извращённые мозги! Него — «герой», потому что задуманное нами дело в высшей степени героическое! Это подвиг во имя мировой демократической системы! Вы как латыш должны бы понимать, что кроме денег существуют ещё и высокие мотивы...

— Да я что? — захлопал веками Крис, ощущая полное «попадолово» хищника в ловушку. — Я ничего... Герой так герой...

С тем и вышел на свободу из поместья «Общества охоты на уток». Как говорится — «на свободу с нечистой совестью».

Пошёл в свой любимый бар, где опять тусовался африканьер Эрасмус-Фреш, пропустил с ним пару стаканчиков забористого эля. Потом отлучился в туалет славного питейного заведения, и в кабинке, сидя на унитаза, с одноразового телефона позвонил в прачечную Адила ульд ар-Хамеда.

Говорил с «постирушкой» нарочито-грубо, зная по опыту, что безмозглых на эмоции развести легче лёгкого:

— Послушай-ка меня, черножопый! Ты торгуешь белячком в Копенгагене, а за это надо платить! С каждой оптовой партии — сто тысяч баксов, понял, чурка? А чтобы ты не думал, что я блефую, я тебе сейчас назову причалы и корабли, с которых ты имеешь... — И, действительно, по бумажке — память уж не та — Пятоо озвучил несколько совершенно секретных для арабской «прачечной» явок, имён и брендов.

— Чего ты хочешь, фашист?! — злобно прорычал Адиль ульд ар-Хамед, привычно для мигранта играя темой «белого расизма».

— В общем, смотри, чурка! Ты соберёшь мне в кейс семсот тысяч долларов, лишнего я не беру, ты в Европе, варвар, тут бухгалтерия чёткая! Семь оптовых разгрузок, семь платежей, ты меня понял, баран? Когда ты соберёшь деньги — то позвонишь по телефону... У тебя есть чем записать номер?

— Найдётся! — хрипел от бешенства оптовик.

— Ну так записывай! — И Пятоо продиктовал номер с визитки «Зунд Консалтинга».

— Как мне представиться?

— Скажешь пароль: «героин». О чём речь, о том и слово! Тебе назначат тихое место, и ты там передашь деньги! Смотри только, черножопый, без фокусов, никакой полиции! Ты сам не заинтересован, надеюсь, понимаешь, что тебе лучше сохранить тайну?

Закончив разговор, Крис улыбнулся: ну, теперь можно играть в тотализатор! Кто кого? Конечно, «Общество охоты на уток» комплектуется отличными профессионалами, однако же и ребята Адиль прошли огонь и воду европейских трущоб и наркопритонов...

Несомненно, было бы интересно понаблюдать эту битву змей со скорпионами, но... не в этот раз!

— Понимаешь, Фокки! — делился за барной стойкой воспоминаниями Пятоо. — Однажды у нас в Латвии выгнали русских... И были те, кто сделали ставку на наших местных «наци»: *sūkukūts*¹. Те, кто выбрал *sūkukūts*, — думали, что за граница им поможет... Потом русские вернулись и покарали местный нацистский *sūkukūts*... И были многие, которые выбрали русских, вступили в *sarkans*²... У нас это называли «сарказм». Это — сила! — думали они. Но потом пришли немцы и расстреляли коммунистов. И опять были те, кто сделали ставку на немцев. Вот уж мощь необоримая! Эти вступали в *Waffen-SS*. Потом вернулись русские, поставили памятники «сарказмам» — и покарали «вафлей». Сейчас Латвию оккупировали американцы, в очередной раз расправляясь с пособниками своих предшественников, а на сколько это — я не знаю, Фокки!

Мой отец вдосталь насмотрелся на свиных, сарказмы, вафли, на молящихся янкам янкелей. И учил меня так: никогда, Крис, не опирайся между империями. Это тот Лас-Вегас, в котором выигрывают толь-

ко хозяева казино! Как только чувствуешь, Крис, что тебя всасывает в большую политику, — беги. Сразу же беги, не раздумывая! Никакую из империй не выбирай — потому что в итоге всякая из них тебя убьёт, отработав и выжав...

— Ну, и к чему ты всё это наплёл? — удивился пьяный Фокки Фреш.

— Если ты думаешь вернуться в Африку, Фокки, то я поеду с тобой...

— Хм! Ты же говорил, что меня там убьют...

— Говорил. Но теперь у меня другая чуйка. Если я с тобой поеду, то сумею предотвратить... Это немудрено — предотвратить то, что заранее расчужал!

— Эх ты вывернул! Хитёр! Знаешь, и правда, давай махнём в Мали! Я тебе не доверяю, да и наплевать! Тошно мне в Дании, старик, сопьюсь я тут! Каждый день одно и то же, люди как манекены... Ничего человеческого! Поехали в Мали, и найдём там свою судьбу, какой бы она ни оказалась...

* * *

Уже в республике Мали, осваиваясь в экзотических условиях лагеря наёмников стаи «диких гусей», из новостей в интернете Крис Пятоо узнал судьбу «охотников на уток».

Диктор рассказывал, что арабская наркомафия убила, а сперва пытала на закрытом, элитном кладбище Копенгагена, в склепе, американского бизнесмена Джона Уитли...

— Так вот как тебя звали, мистер Хэ... — усмехнулся Крис. — Наконец-то мы семьями познакомились...

Этого — писали в новостной ленте — наркодилерам показалось мало, и они напали на офис торгового представительства, где жестоко убили нескольких сотрудников-американцев, двух уборщиков из местного персонала, а потом сожгли контору, явно пытаясь найти или скрыть какие-то бумаги.

«Н-да... Разгулялись бурнусы аравийских кочевий... — думал Пятоо. — Теперь датскому представительству ООН долго восстанавливаться придётся, концы с концами сводить...»

Американцы отстреливались и в рамках самообороны убили троих арабов, предположительно, среди убитых — средний сын бизнесмена азиатского происхождения Адиль ульд ар-Хамед Гамаль, которому было двадцать три года...

«О! Тут ещё и месть кровная, вендетта! Понятно, что «Общество охоты на уток» в итоге справится, но озверевшего Адиль им ещё мутузить и мутузить!»

С московской корпорацией-заказчиком Крис Пятоо тоже больше на связь не выходил. Следуя заветам отца, решил, что с него хватит не только американских спецслужб, но и всяких Совенок... Пусть напрямую общаются как сумеют, Крис к ним в посредники не пойдёт!

Правда, перед отъездом, с новыми документами и новым именем, Крис сделал жест вежливости: отправил по почте в Москву, в офис «Биотеха»,

¹ Свинарник (*латыш.*).

² Красные (*латыш.*).

дьявольскую картину, тщательно упаковав, и в сопроводительной бумаге подробно описав предполагаемое действие «графики безумия». Но уже не стал выяснять — дошла ли посылка в Москву, или была захвачена «заинтересованными лицами» на датской почте. Не его дело. Это уже решать госпоже Судьбе...

— Своими «православием, самодержавием, народничеством» русские пусть сами напрягаются, — сказал себе вслух Пятао. — Без меня...

II. БЕРЕГ СЛОНОВОЙ МАСТИ

1

— Вот что, Анжелка, — ворковала Лера Очеплова игривым голосом, флиртуя с машинисткой босса АО «Биотех». — Переходи-ка ко мне в департамент референтом, будем там душа в душу...

— В смысле?! — Анжелика сидела «распальцованная», сушила лак на длинных ноготочках и смотрела на Валерию Дмитриевну теми самыми глазами, за которые ей подобных и зовут «тёлками».

— Не, ну правда! — приставала Очеплова. — Какие у тебя тут юзы? Старик тебя в упор не видит, старшая референтша тебя в грош не ставит...

В этом была горькая, но правда...

Дарья Петровна Ладышева, секретарь-референт председателя совета директоров АО «Биотех» руководила штатом из девчонок-«операторов», которых раньше называли бы «Машбюро», а те набирали за компьютерами большую часть текстов, сноровисто управлялись с копировальной и сканирующей оргтехникой, нумеровали бланки на входящие и исходящие: длинные, похожие на телефонный номер, коды. У операторши есть доступ к тому или иному штампу, но круглая печать и факсимиле подписей главных боссов корпорации — только в облечённых руках референтши.

Есть ещё сервератор Ирина. Она занимается кофемашиной и минибаром, чайным комплексом комнаты отдыха, следит за свежестью выпечки и бутербродов в приёмной, заведует салфетками, ароматизацией и ионизатором воздуха. Заливает жидкое мыло в соответствующую ёмкость личной уборной председателя этого «колхоза», как местные зовут корпорацию. Ещё в её ведении — сувенирная продукция для представительских нужд с логотипами АО «Биотех», которую местные острословы, да и сам Совенко под хорошее настроение, именуют «ритуальными принадлежностями».

Сервераторше Ирине, снизошедшей сюда из фотомоделей (ибо подиумы модных показов терпят только самые нежные возрасты), кажется, что секретарь-референт её притесняет и третирует из женской зависти к её эффектной внешности, а мо-

жет быть, Иришка просто тяготилась двусмысленностью своего положения.

Что же касается крашеной блонды Анжелки, то у неё никакой двусмысленности, одна безнадёга!. Только безликая работа: перепечатать текст, отсканировать страницу, фото или графики, диаграммы. Как будто она, наравне с принтером или клавиатурой, приставка к моноблоку...

— А у меня в департаменте, — заливала Лера Очеплова, — будет тебе первая роль... Ну, после меня, конечно! Ты не подумай, что я к тебе клеюсь...

— Ой, да хоть бы и так! — легкомысленно и порочно скривила мордочку Анжелика.

— ...Просто ты очень соответствуешь вакансии! — невозмутимо закончила Лера.

Её недалёкая собеседница перебирала в памяти департаменты АО «Биотеха», но вспоминались только суровые мужики: пушневники, рыбники, икровики, жемчужники, гибридниги, унылые в угрюмой деловитости...

— А какой у тебя департамент? — напрягла слабенькие, не получившие, в отличие от грудей и губ, своей доли силикона извилины Анжелка.

— Пока никакого, — созналась Очеплова. — Но, понимаешь, кадры я уже начала подбирать...

— А Этот чего сказал? — Анжелика мотнула пружинками вызывающе-крашенных локонов в сторону обитой крокодилей кожей главной двери, всегда напоминавшей ей пасть аллигатора.

— А Этот... пока ничего... Не говорила ещё!

— Но тогда...

— Не нубись¹, мне он не откажет!

— Слушай, ты поубавься, Лерок, он и Президенту может...

— Ну, Президент же не похож на мою маму...

— А ты, типа, похожа?!

— Один в один! Копия! Я старые фотки смотрела, так вот: я как будто её клон, машина времени...

Анжелика совсем не понимала, каким боком сходство с предком может влиять на сговорчивость «страшного деда». Однако москвички шансами опыта непривычны.

— Если что, Лера, — сказала «тёлка» замороженно, — на меня застолби...

* * *

Как и большинство российских начальств, Виталий Терентьевич имел чисто феодальную слабость: умножать челядь без крайней необходимости. Чуждый пресловутой буржуазной бережливости, он тяготел к пышным выходам и сложным церемониям. А челядь ведь и без того размножается делением! Найми охранника, и он мечтает, чтобы ты нанял ему помощников: тогда он из топтунов выйдет в уважаемые люди, в начальника отдела. Да и его помощники при всяком удобном случае намекают, что им бы тоже не худо обзавестись помощниками, ведь и на-

¹ Молодёжный сленг: «проявлять неуверенность, неопытность».

чальник отдела совсем не прочь перебраться в кресло главы целого департамента!

Играть в эти игрища старческого тщеславия было противно, но иногда в паршивой и «kek'овой» жизни Анжелки появлялось место лидерству. Дарья Петровна уезжала — «помещица едет в Париж», как это называли в машбюро. Референт босса, как и все трудящиеся, имела раз в году месяц отпуска. У босса отпусков не было. Какой ему отпуск, если у него даже обед полчаса? Да и что бы он делал в отпуске? Сошёл бы с ума на третий день, не находя на курорте применения своим исследовательским «шаловливым ручонкам»...

Анжелика была убеждена, что босс — больной на голову, и с годами это только усиливается. Ему совершенно неинтересно тратить деньги, что уже само по себе говорит: «повёрнутый». Но ему даже и просто обладать деньгами неинтересно, а это уже ни в какие ворота! Все его миллиарды долларов — только расходные материалы и реактивы для опытов. А опыты — дебилские! Типа — вырастить паслёновый куст, чтобы сверху у него помидоры, а снизу картофельные клубни... «Это, — говорит, — очень даже возможно, ибо томаты и потаты — близкородственны!»

Допустим, это возможно — недоумевала Анжелика — но на фига?! Вместо того, чтобы... Ну, как она себе это представляла... Канны, фестиваль, ковровая дорожка, элитные пляжи с тщательно высеянными мелким песком ривьеры... Вечером, в брызгах бриллиантов и шампанского раут класса Premium, голливудские улыбки и дресс-код, плотность истеблишмента, бизнеса, бомонда... На одну ночь — юная манекенщица, для удовольствия, на вторую — звёздная киноактриса, для престижа... И вот человек, которому всё это — на расстоянии вытянутой руки, — вместо этого возится в земле, совмещая какие-то «томаты с потатами»... И это съедает всю его жизнь, и поэтому он обедает полчаса. И перловкой... Ну просто дурдом!

Однажды, когда Дарья Петровна как раз возила телеса по путёвке в Геную, Анжелка имела сомнительное удовольствие наблюдать, как босс пьянствует со старухой уборщицей. Он пришёл раньше обычного, и Марья Егоровна в синем рабочем халате не успела привычно раствориться в ничто, оставив после себя кабинетную чистоту.

— Ой, простите, Виталий Терентьевич! — испугалась бабка с пылесосом, ведром и шваброй. — Я тут... Я сейчас...

— Это я виноват! Рано явился... — сознался шеф в неожиданном у него настроении всепрощения. Достал из сейфа бутылку и две стопки. — Водку-то пьёшь, мать?!

— А кто ж её, родимую-то...

— Ну, тогда не побрезгуй, со мной выпей...

И стал пить с уборщицей, подтверждая Анжелки подозрения о его диагнозе: совершенно ненормальный!

— Вот, мать, закусывай... — пододвинул к Марье Егоровне сырную тарелку с самыми дорогими сортами сыра.

— Ой, Виталий Терентьевич, сыр-то у вас испорченный! — воскликнула, увидя элитную голубую плесень, святая простота. — Что ж они, хабалки, за вами так плохо смотрят?!

— Твоя правда, — не стал спорить олигарх.

Смёл широким жестом всю тарелку в мусорную корзину, стал тыкать в кнопки селектора:

— Эй, вы! Кто там на месте? Нормального сыра нам с Марьей Егоровной подайте!

На месте была только Анжелка, случайно, и она принесла из холодильника в приёмной устроивший уборщицу сыр «Российский».

— Ты, мать, думаешь, я зарвался, зажрался?! — почти плакал Совенко.

— Что ты, батюшка, да как я... — залепетала уборщица, порываясь встать, но Совенко властным жестом усаживал её обратно и бормотал пьяно, трагическим шёпотом:

— Я же для вас живу, понимаешь?! Для всех вас! Чтобы вот у тебя, мать, дома пироги были в духовке, тепло в батарее, чтобы тебе голову не отрезали ни чеченские сепаратисты, ни албанские террористы... Мне ж за семьдесят, хожу с костылём, сын дурак, думаешь, мне легче твоего?

На такое уборщица уж и вовсе не знала, что отвечать. А он ей песню включил — с одной кнопки, видно, и сам такое на досуге слушает за звукоизолированными двойными дверями, которые теперь, по пьяни, притворить забыл:

...Красу твою не старили
Ни годы, ни беда.
Иванами да Марьями
Гордилась ты всегда...

С таким вот боссом приходится работать! Из-за полураскрытой пасти аллигатора коптит жирным голосом Кобзон о подноготной шефа: «Спроси, переспроси его — милее нет земли. Его здесь русским именем когда-то нарекли». И, прошу отметить, не в семьдесят лохматом году, когда такие ещё водились, а во втором десятилетии XXI века! Расскажи кому — не поверят. Поэтому...

Уйти референтом в департамент к Очепловой, особенно если бы удалось наладить с шефиной неформалку... неплохо бы! Не то чтобы Анжелке нравились женщины, но лучше уж подтянутая ровесница, чем это вот облезлое медвежье чучело, глотающее посетителей пастью крокодиловой двери...

* * *

Когда в очередном таблоиде выходил очередной «разоблачительный» материал про олигарха Совенко — Анжелика, как и большинство сотрудников, тайно читала, оглядываясь по сторонам, не в зоне ли лишних глаз. Пыталась понять — куда попала по

жизни. Но тексты были едва ли яснее египетских иероглифов! Вот, к примеру, недавно: много фото, есть даже узнаваемые Анжелкой интерьеры офиса, а что в буквах между снимками, разгадать не получается. Слова вроде знакомые, русские, но в смысл не складываются...

«Чем примитивнее человек, — писал журналист, основательно изучивший вопрос о «Биотехе», при этом явно не чуждый краснобайству и балагурству, — тем легче и проще «заходят» ему либеральные идеалы. Но как только человек начнёт думать — вместе с этим он начинает корректировать либеральную клюкву. И чем больше он думает, тем больше корректирует, под давлением естества и бытия, пока от либеральных идеалов не останутся рожки да ножки.

Если ничего не знать о жизни и о человеке, то как не купиться на яркий фантик всеобщей свободы, взаимного ненасилия, всеобщего благополучия и добровольности во всём? Да ещё — «исключающей всякое насилие над личностью»? Чем глупее человек, тем неоспоримее для него эти ценности! Но, начиная думать, он постепенно проявляет реальность как фотокарточку.

Всеобщая свобода всегда оборачивается рабовладением сильного над остальными. Отрицание насилия в итоге выращивает лишь мясо без костей для хищника, заранее разделанное и почти разжёванное. Благополучия в равенстве не бывает, потому что избытки у одного достигаются нехватками у другого. А если всем всё — тогда каждому мало. Добровольность дорого стоит и на честном языке называется «подкупом». А если нечем подкупать, если нация бедна, то принуждение оказывается единственным для страны инструментом хоть что-то сделать».

Всю эту абракадабру Анжелка пропустила, потому что тут — общие пустые слова, нет знакомой фамилии или бренда. Только к середине журнального разворота добралась до упоминания босса:

«...Это и есть та причина, по которой Виталий Совенко стоит в ряду наших олигархов особняком и на отшибе, — пояснял журналист длинное вступление. — Он другой. Я не скажу, что он лучше, — просто инаковый. Конечно, он плоть от плоти кровавого кошмара бандитской приватизации и носит на себе все её родовые пятна: и длинный шлейф тёмных криминальных тайн, и показуху сверхпотребления, и произвол в раздаче благ своему охвостью...»

— Это про нас! — прошибло обидой Анжелку. — Не ахти как он щедр-то!

«...и деспотическую нетерпимость вздорного характера. А раз так, то чем же он отличается от нефтяника или газовика — спросите вы? Пока они воровали недра — Совенко приватизировал советские биотехнологии. Само по себе это его никак не красит: он под шумок распада страны присвоил себе колоссальные коллективные труды огромного количества советских учёных, труды, отметим, авторские и патентованные. Но сама ткань и структура захваченного куша заставляют Совенку думать, мыслить. Его

коллеги-олигархи, сопоставимые с ним по уровню доходов, тупо воруют дары природы, даже не думая их обрабатывать. Корпорация Совенко требует ума.

В основном наши олигархи, как и украинские, — более или менее явно, но симпатизируют крайним формам либерализма. Это связано с их узким, уголовным кругозором, с той непосредственностью злых детей-акселератов, у которых пудовые кулаки, но мозги уровня младшей школы. Совенко же стал академиком ещё в СССР, а тогда туда кого попало не брали. И это о многом говорит.

Он мыслит, а мысля — отталкивается от крайностей либерализма и большинства своих коллег, оказываясь в итоге противопоставленным им. Ведь всякий мыслящий человек понимает, что человеческое общество повсюду начиналось горлопанством народных собраний, властью свободной сходки общинников — но нигде не сумело совместить эту форму власти с политическим и культурным величием. Думающий человек понимает, что монархию и инквизицию люди придумали не от дури, а, наоборот, от горького ума. «От осознания, так сказать, и просветленья». А раз сам приватизированный предмет заставляет Совенку быть думающим человеком — то и он понимает это».

Вот к чему он всё это? Непонятно даже, хвалит или ругает! Типа, босс какой-то не такой. Это Анжелка и сама догадывалась, а ничего сверх того болтун-журналиста не сказал!

* * *

С тем журналистом Совенко беседовал долго, и главного в своём материале журналист не написал: не имел возможности, места, согласия собеседника, редакционного задания и собственной смелости.

— Гроссмейстер Алёхин, — сказал писак Совенко, угощая купажным виски, — ставил, загонял противника в мат, потом разворачивал доску и выигрывал партию. Я сделаю то же самое с хорошо известным мне марксизмом. Вначале я докажу его безусловную правоту, а потом разверну доску и опровергну. Но противоречия не будет ни в том, ни в другом случае...

— Это невозможно... — запротестовал обозреватель-интеллектуал.

— Уверен? Ключевая суть марксизма, его оселок, — построение экономики на разумных основаниях. И теоретически это безупречно! Знаете, почему во Вселенной нет ничего недоступного? Переставляя элементы, слагающие вещество, мы, не сегодня, так потом, можем сделать любую вещь из любой вещи!

Он увлеклся, говорил всё моложе и румянее:

— Я сам этим занимался в советское время. Я брал — разумеется, не лично — извиняюсь за выражение, брал фекалии из городской канализации. Эти фекалии у меня ели специальные черви, из червей делался очень питательный белковый корм. Корм ели норки и песцы. Жрали, росли и размножа-

лись... Я в буквальном смысле делал из мегатонн горького говна — элитные сорта меха, пушной товар на экспорт...

Он подливал гостю драгоценное двенадцатилетнее Caol ila Single Malt не столько от гостеприимства, сколько потому, что сам хотел выпить. Янтарный «вискар» имел сухой, богатый, маслянистый вкус, словно бы в его ядрёной крепости сели в осаду медовые соты и фрукты, ирландский торф и изысканные специи, морской бриз и солоноватость морской волны.

— ...И доказав, что такое возможно, я получил свой первый советский орден...

Созревший в дубовых стенах гигантских бочек напиток требовал разбавления водой — чтобы смягчить дымный, смолисто-перечный и вяжущий эффект. Журналист для этого использовал офисный графин, а Совенко — ничего. Он даже не закусывал — хотя сервераторша Ирина накрыла конференц-приставку рабочего стола блюдами с копчёными морепродуктами, вегетарианскими суши, мясными и грибными закусками-«тормозками». Как бы хорош ни был вискар — особый шик ему добавляла вкусная манера хозяина кабинета, умевшего «замахнуть» с шиком.

— ...До него, правда, имел медаль рыбной промышленности и милицейскую медаль...

Корреспондент журнала огляделся по сторонам. В кабинете было много наград, но описываемых он не заметил.

— Я беру клеточку драгоценного трюфельного гриба и в пробирке клонирую её бесчётное множество раз... И могу продавать трюфели по цене шампиньонов... Чего, конечно, не делаю, я же не дурак! Продаю их с небольшой скидкой, а покупатели не видят разницы... Ещё в молодости, накинув на плечи белый халат исследователя, ночуя в лаборатории — я понял, что — Всё! Это! Делать! Можно!

— Потрясающе, Виталий Терентьевич...

— Можем ли мы сделать хлеб или рыбу такими же доступными и бесплатными, как воздух и вода? Конечно, можем! Только поменяем немножко молекулярный состав вещества — и вуаля! Мы можем — в перспективе — превратить песок в воду, труху обратно в древесину, карандаш во фломастер и наоборот. Человеческий разум обладает перспективами беспредельного могущества таких превращений. Но только при одном условии: если он будет последовательно и поступательно развивать себя...

— Ну, вот видите! Значит...

— Погодите. Я не закончил. Я ведь не всю жизнь носил на плечах халат лаборанта. Наивным романтикам человеческая примитивность кажется преодолимой... Они думают, что это всего лишь капкан, в который человек попадает от дурного воспитания и плохих условий жизни... А раз так, то вот он, коммунизм в его сверкающей показухе, вот его манищий выставочный образец: мы могли бы создавать новые планеты, пригодные для жизни, и даже новые галак-

тики... Теперь другой вопрос: а хотим ли мы этого? То, что можем, — факт, лично мною и доказанный. Кто сомневается — приходите ко мне в лаборатории, покажу, как клонируется в пробирке сортовая древесина драгоценных пород или выращиваются жемчуга! Можем! Но хотим ли? Уверены ли вы, что человек, по его коренной природе — архитектор и конструктор галактик, а не прямоходящая свинья? Свинья не хочет в Космос. Вы её тащите за уши, а она визжит, упирается, она тоскует по корыту, по пропащему родным дерьмом свинару, она стремится только к одному: вернуться туда! Коммунисты на моих глазах придумали фантастическую матрицу человеческих чаяний, нимало не беспокоясь, насколько та соотносима с реальной анатомией человеческих вожделений. «Вы хотите, чтобы на Марсе яблоки цвели?» — спрашивали наш класс, и мы дружно отвечали: «Да, хотим». Но, по сути-то, мы не своё нутро спрашивали, а в лучших традициях тоталитаризма повторяли зазубренный урок. Как средневековые школьники бубнили псалмы на латыни, смысла которой даже не понимали! Вот представьте, что вы вышли из хаты-мазанки и пошли бесхитростно пос...ть в свой жужжащий мухами деревенский сортир... А хулиган на дельтаплане схватил вас за шиворот, и стал поднимать всё выше и выше над землёй... И вот вопрос: вам это нужно?

Ирина в мини-юбке зашла с подносом, очень соблазнительно двигаясь, расставила чашечки с кофе. Кофе тут, как и всё, был особенным: выращенным в тени деревьев гуавы, отчего зёрна давали богатый цветочный и фруктовый вкус.

— ...Вам было нужно пос...ть, — дисгармонируя с красотой гибкой рослой девушки, ляпнул Совенко, отчего Иришку даже передёрнуло. — С этим вы и вышли в жизнь, но ваш родной сортир стал меньше спичечного коробка, украинская ваша мазанка — не больше детского кубика...

— К этому кофе полагаются ароматические свечи, — начала было Ирина, но Совенко перебил:

— Оставь себе на случай геморроя...

— Что? — не поняла девушка подиумных форм. Она боялась: когда шеф говорит вежливо, это было предвестием беды.

— В ж... себе засунь эти свечи! — прогремел громом здешний Зевс и тем успокоил Иришку: когда он грязно ругается, то не опасен для персонала. Мат, как паровой клапан, сбрасывает давление в котле...

Журналист, со сладким проглотом слюны представил себе эротизм картины свечей и обозначенного места, грустно вздохнул: тяжко с суконным рылом в калашном ряду... Вряд ли он — хоть и заслуженный, и лауреат — сможет вот так же сказать такой красоте, как Ирина!

— И вот вы... На такой высоте, — развивал основную мысль Виталий Терентьевич, — про которую знаете, что, упав, костей не соберёте... У вас внутри всё скукожилось в ледяном ужасе! А хулиган на дельтаплане поднимает вас ещё выше, до уровня обла-

ков, заодно показывая, что там не сидит Бог... И теперь вы не только в отчаянии за свою жизнь, но и в отчаянии за свою смерть... Вы надеялись попасть на облака совсем другим способом...

Сервиратор Ирина вышла. Журналист это заметил. Совенко — нет.

— Спросим себя дальше: насколько это соответствует природной матрице человеческих желаний? Вы же никогда об этом не задумывались, полагая человека «разумным существом», оголтело рвущимся к беспредельному могуществу собственного разума... А может, он не хочет, а? Может, у него предел мечтаний — как у простенького примата, у шимпанзе, и ему хочется щипать сладкий бамбук, самок и — сильно — щипать других самцов, подчёркивая своё доминирование в стаде? И он будет вам благодарен за такие вот радости жизни в стаде приматов, а вовсе не за то, что вы его за шкварник на Луну выбросите...

— Но всё же лучшие люди человечества... — попытался вклиниться журналист в этот поток сознания.

— Во-первых, они сами себя назвали «лучшими людьми человечества». Наша наука и культура — это, с определённой точки зрения, заговор себе подобных с целью почитания и возвеличивания друг друга... А по закону больших чисел они — скорее выпадающие из общего ряда уроды, редкостные исключения, а вовсе не средняя норма среднестатистического человека.

— Но, Виталий Терентьевич...

— Во-вторых, сколько бы мы ни величали их «лучшими» — мечта одного человека не может автоматически передаваться другому, как вирус гриппа! Я много болтаю, я хотел сказать всего лишь, что технически коммунизм построить можно. То есть с точки зрения машин, механизмов, устройств — он не представляет проблемы. Можно ли бесплатно сделать из бесплатной речной воды осетра или лосося?

— Бесплатно? — возмутился собеседник. — Конечно, нельзя...

— Конечно, можно! — возмущённо воспротивился Совенко и выпил виски сразу с полстакана одним глотком. — Природа это делает вообще без участия человека, а если ещё и человек со своими лабораторными навыками подключится... Но коммунизм не представляет проблемы только с точки зрения техники. А вот с точки зрения человеческой — тут проблемы, и ещё какие проблемы! Когда мы от вопроса возможностей переходим к вопросу желаний — тут-то всё и начинается... Маркс, да и все первые поколения марксистов жили в мире, где большинство людей рождались, женились, размножались и умирали — ни разу не наевшись досыта. И для них абсолютной аксиомой было то, что человек обрадуется машине, в которую заливаешь воду — а вываливаются осетры... Или сразу расстегаи с осетриной!

— И это нетрудно понять... — кивнул пьяный журналиста.

— Хотя по сути это мечта голодного, заскорузлого в вечном голоде существа! Машин мы такие, по приказу родимой партии, построили... И лет примерно с тридцать слышали удовлетворённое чавканье... Потом примат оглянулся и понял, что сыт не он один. А попросту все! И его раздутый от газов живот не означает, как раньше, в джунглях, его безусловного доминирования... Примату с его инстинктами превосходства не столько собственная сытость нужна, сколько то, чтобы другие голодали.

— Вам это не кажется странным, Виталий Терентьевич?

— Мне — кажется. Вам — кажется. Мы найдём ещё пять таких понимающих людей, а может быть, и все пятьдесят... На сто пятьдесят миллионов населения! Учтите, топ ами, я говорю о подавляющем большинстве, а не о нас с вами... А подавляющему большинству это не кажется странным... Если у всех всё хорошо — чем примат подчеркнёт, что он альфа-самец?

Совенко обречённо сложил руки на стол. И по глазам, по всей осунувшейся фигуре академика было ясно — он не хотел бы знать всего, что он знает. Но знания — такая странная штука: раз получил их, и обратно сдать уже нет никакой возможности...

— Падение, к великому сожалению, проще и быстрее подъёма! — сказал Совенко, оставив свой тон и взяв человеческий. — Пять тысяч лет, от подножия египетских пирамид, наука по пылинке, по молекуле собирала элементы для грядущей машины всеобщего изобилия! Пять тысяч лет, со ступени на ступень, взмокнув от крутизны подъёма, мы шли до «перестройки». И пяти лет «перестройки» многим хватило, чтобы упасть обратно... В косматых гоминоид...

— И всё-таки я так и не понял, — нетрезво запротестовал журналист, закусывая противоестественным роллом-суши, фаршированным огурцом, — марксизм — истина или заблуждение?

— А это зависит от вашего желания. Если желаете, чтобы люди на карачках хлебали из корыта, то истинна та теория, которая приближает человека к корыту и ставит на карачки, а все остальные ложны, потому что ведь они отдаляют тебя от желаемого результата! Объект зависим от познающего его субъекта, объект меняется в зависимости от запросов исследователя! Вопрос не в том, каков человек на самом деле, потому что на самом деле он никакой. Вопрос в том, каким ты желаешь его в идеале видеть! Вы спрашиваете меня — можно ли построить коммунизм?

— Допустим...

— И я отвечаю: технически — да. Это такой же дурацкий вопрос, как, например, — можно ли построить беседку на садовом участке? Это вы подрядчику, бригадиру строителей задаёте такой вопрос?

— Допустим...

— Конечно, можно, если вам это нужно, если готовы нести соответствующие затраты. А если вам этого не нужно — какой же строитель станет строить

бесплатно и вопреки воле заказчика? Пустоте и смерти ничего не важно. И как только отдал им пальму первенства — сразу почувствуешь эту неважность всего для тебя...

2

Максим Львович Суханов, «первый зам», что прилипло к нему за долгие годы крепче, чем имя, летом всегда носил свободные рубашки навывпуск с короткими рукавами. Раньше так удобно было скрывать маленькую «шпионскую» поясную кобурку на клипсе, а теперь кобурку сменила мочеотводная трубка.

Катетер выходил, как пивной крантик из бочки, снизу под пузом, опустошал мочевой пузырь «настоящего полковника» — теперь бывшего, заодно инсталлировал пузырь лекарствами. Отвратительная, постыдная замена компактной кобуре оперработника «невидимого фронта».

Он всё ещё молодился, под покровом гавайской «распашонки» носил обтягивающие поло «с крокодилом», но это было уже не бодро, а жалко. Образ Мака дополняли дурацкие, испускающие неоновые стрелы туфли и наградные часы с надписью: «От Президента России».

Ныне Суханов с Совенко неужито, конфликтно, сидели на полукруглом заднем диванчике лимузина, раздёлённые откидным полированным подлокотником. Мак обиженно-дряхло сопел, используя глянецовый палисандровый, в форме откушенного бублика, столик, чтобы вкладывать в булочки заготовки бургеров сырную и колбасную нарезку. «Себе — и этому старому идиоту».

— Ты там осторожнее! — приставал Совенко. — У меня там важные бумаги!

Он привык работать в лимузине, как в кабинете: то, что казалось люком в крыше над его головой, — было на самом деле тонким выкладываемым на кронштейнах и автоматически раскрывавшимся при выкладке ноутбуком. За письменным столом, не нуждаясь в выемке для пуза, заботливо предусмотренной конструкторами для начальства, сухощавый босс читал и визировал документы.

— Ну правильно! — иронизировал над этим Суханов. — Ты же, Алик, бездомный! Где тебе ещё бумажки разложить, кроме как в машине?

Сам Суханов полагал, что лимузины и письменные столики в них созданы для иного: ведь мини-бар под рукой! На робкую антиалкогольную пропаганду заполошно, по-стариковски пегушино кричал:

— Бухал и бухать буду! — делая интонационный упор на последнее слово. Суханову нужна была компания, он, налив себе, не забывал и шефа, и тот, лицемер, молчаливо, изобразив постную покорность судьбе, — принимал стакан с коньяком или ромом...

Суханов последнее время вообще держал шефа в ежовых рукавицах. Чуть что — грозил немедленным уходом с занимаемого поста, чего, после шестиде-

сяти, не только перестал бояться, но даже стал вожделеть.

— Я не понимаю, зачем я вообще здесь?! — картинно жеманился первый зам, окидывая ширь и роскошь своего кабинета. — Послушай, Алик, все нормальные люди нашего возраста давно на пенсии... Объясни мне хоть одну уважительную причину — зачем мне здесь оставаться?

И — порой излишне демонстративно, Максим Львович уже несколько раз, поджав губы, складывал все свои мелкие личные вещи и семейные фотографии в большую картонную коробку из-под бананов (привет от латиноамериканского контракта!).

— Всё, всё... — сардонически хихикал, когда это наблюдали подчинённые. — Освобождаю жилплощадь... Ну сколько можно?! Да я с моим мочевым пузырём больше времени в туалете провожу, чем за рабочим столом!

У него был личный сортир, совмещённый с душевой кабинкой и скрытый за малоприметной дверью. От частого употребления малоприметная дверь стала более приметной...

Совенко был из разряда людей, что собираются жить вечно. Причём в аду. Он не уходил на покой и не снижал темпов.

— Давай не будем делать таких королевских подарков корпорации «Монсоро», — обычно отвечал он на все истерики пенсионного возраста.

Транснациональная корпорация «Монсоро» «держала шишку» на мировом рынке генномодифицированных продуктов. И давно уже мечтала убить или купить Совенко. Что именно сделать — прикончить или подружиться — было совершенно не важно для топ-менеджмента «Монсоро», их равно устраивали оба варианта. Единственное, что их не устраивало — независимое и враждебное положение российского «Биотеха». А Совенко, будучи человеком от природы и по характеру вредным, — именно такую муку им и организовывал из года в год...

— Слушай, Алик... — сказал Суханов в этот раз, передавая боссу напиток и закуску. — Я тебе хочу сказать совершенно серьёзно: тебе семьдесят лет, и своих денег ты уже гарантированно не успеешь потратить! То есть это уже даже не вопрос, это констатация... И я тебя прошу, как друг и соратник: хоть от Яшки своего отстань!

— И как?

— Для начала — просто отстань. Перестань дёргать. Я уйду — поставь на моё место. Давно пора: практика лучше всяких поучений всухую, начнёт советы директоров вести — втянется...

— Не могу, Мак. Он пока не готов. И ты мне нужен.

— Ты старый идиот! — выпучил глаза Суханов в знак крайнего старческого негодования. — Ты давно уже выжил из ума!

Светлана, девушка-водитель, очень женственная, но в мужской шоферской униформе, чёрном костюме при чёрном же галстуке, убиравшая длин-

ные волосы под водительскую фуражку, стала коситься в зеркало заднего вида на ссорящихся друзей. Суханов нажал нужную кнопку — и звуконепроницаемый экран отсек салонные страсти от водительского любопытства.

— Ты всё делаешь к тому, — ругался Суханов дальше, — что тебя даже похоронить станет некому... И на меня не рассчитывай, я твой погодок!

— Ты разлил? — уводя от предметности в сторону, мягко и кротко поинтересовался Совенко.

— Разлил. Половину себе на гольфик... У меня уже руки с тобой трясутся...

— Ну давай выпьем!

— Да чего с тобой ещё делать-то?! — остывающе шкворчала обида Мака. — С таким идиотом... Говорить же с тобой невозможно! Твой лучший друг теперь не я, а доктор Альцгеймер...

* * *

— Первые годы, — рассказывала Валерия Очеплова чернокожему иностранному другу, открывая ему изнанку Moscow, — они были похожи на ордынских ханов. Такие же бешеные параноики, которые страну подмяли, а голову потеряли... Это была Москва кабацкая... Эти криповые времена слились, и бывшие гунны довольно быстро скатились к тупенькой чиле...

— К чему? — удивился гость столицы, в литературном русском разбирающийся лучше, чем в новомодных лойсах.

Пожалуйста, Лера — девушка образованная, она может и по-русски:

— Ну, то есть, — объяснила, — тихому маразму сверхпотребления: бессмысленного и безысходного... Это когда заказывают вагон яблок, съесть столько не могут, и каждое надкусывают... А фантазии заказать что-то сверх яблок им «невкурительно»!

Вся жизнь юной искательницы приключений Леры Очепловой казалась бесконечной светской тусовкой, каждую ночь зажигающей под модные хиты, гибко танцующей под самые крутые треки, а в перерывах — с бокалом Нарру Porn Star Martini в руке, увитой ювелирными коллекциями, почти невесомыми по жизни, но весьма весомыми ценой. Тусовка, или, как раньше, ещё во времена гуннов приватизации, говорили, «движение», втягивает в себя и засасывает.

Когда из ночи в ночь тусишь до самого утра, и, одурев с ревуших музык, ближе к рассвету уже запеваешь в караоке-баре хиты 90-х — то понимаешь, откуда народ взял легенды про вампиров. Народ днём работает, ночью спит как убитый. Но если по какой-то причине в редкую ночь не спал — то с изумлением видел, что в господском замке движуха, свечи, музыка, хиханьки да хаханьки. А раз так, то днём господа, естественно, будут дрыхнуть без задних ног... Такова картина «жизы-тусы», и крестьянину остаётся только довыдумать гроб Дракулы — что спит он днём в гробу, а не где-нибудь...

После того, как появилось «новое место» в высотках «Москва-Сити» — самый высокий в мире боулинг-клуб, витражным полукругом подчёркивающий, что ты, выйдя из сверкающих лифтов, уже где-то на уровне стратосферы, — сюда переместился узкий, замкнутый круг светского прайда столицы.

Место демократичное — в том смысле, что сюда может зайти любой, без клубной карты. Но при этом никаких вывесок или опознавательных знаков, потому что это место, напоминающее гигантскую колбу, летящую по земной орбите, «иудеям соблазн, еллинам же безумие». Хочешь войти — «возьми стол», а депозит начинается от 30 тысяч рублей. Поневоле всякий задумается — а чего мне там делать?

Правда, кроме стольного депозита действует правило Friendly FC: если фейсер изнутри тебя поманит, то охрана пускает без разговоров. Из клубных фильтров действуют только DC¹ да FC². Один из знакомых Леры, Толя-Кулер, играя в гангстера, пытался пронести сюда ствол, но сработала рамка металлоискателя, про которую думали, что она декоративная.

— А на мелочь в карманах не срабатывал! — удивлялся Толя-Кулер.

— У реальных менов мелочи в карманах не бывает! — обожгла его Очеплова истиной простой, но обидной. Она вообще была острой на язык и постоянно напрашивалась, как полагали в тусовке.

— Слушай-ка, Огюст! — задирала чернокожего студента, сынишку посла Средней Африки. — А почему если Жора зовёт тебя «эбеновым деревом», то ты обижаешься, а если я — то нет? — Кокетливо глянула в пол-оборота, стреляя глазками: — Потому что готов от меня терпеть что угодно, да?!

— Нет, — обломил её Огюст. — Потому что когда «эбеновым деревом» меня зовёт парень, то имеет в виду, что я черномазый и тупой. А когда девушка — тогда я твёрдый, ну и... другое значение слова «эбеновый» в вашем языке... Которое заставляет всех смеяться, когда на уроке физики предлагают для опыта взять в руки свои эбонитовые палочки...

— Эта... м-м... Огюст! — восхитился Жора, внутренне ликуюя, что насмешница Лерка сама высмеяна. — Как ты так в русском языке шарил, а?

— Элементарно, Ватник! — улыбнулся Огюст крупными зубами, перламутром во тьме, где гулял фиолетовый до жути язык. — Я же учусь на факультете славистики! Парадокс вашего языка в том, что я могу сказать: «русский — это моя слабость» и в то же время «русский — моя сила».

Запрыгнув в лимузин с водителем, они в ужасной и даже неприличной тесноте прилегания молодых тел втиснулись в люк на крыше, и так, кентаврами, с человеческими торсами и «мерсом» вместо ног, носились по московским улицам, с бутылками шампанского в руках, с воплями восторга и взрывая пе-

¹ DC — «DRESS CODE», смысл в том, что человека в отрепье, скажем, бомжа, не пустят.

² FC — «FACECONTROL», смысл в распознавании лиц, недопуске лиц «чёрного списка», опознании знакомых и завсегдаев.

гарды... И всем москвичам было ясно, что это катят три молодых идиота, у которых в головах сквозняк — cool, а больше ничего...

Огюст Мбава попытался поцеловать Леру, теплоту и упругость, виолончельно-фигурные линии которой слишком отчётливо чувствовал через тонкую одежду летней коллекции Louis Vuitton «крайнего сезона».

— Убери-ка свою эбонитовую палочку! — хохотала Валерия, готовясь швырнуть уже пустую шампанскую бутылку на манер гранаты. — С тобой, ниггер, целоваться, всё равно что мазут пить!

Другого человека за такую фразу Огюст Мбава бы убил на месте. Он был из племенной верхушки. На родине, в земле тростниковых хижин и тощих коз, окружённых ещё более истощёнными пастухами, ему полагался головной убор из львиной гривы, украшенный львиными же клыками и когтями. Этот убор переходит из поколения в поколение, но Огюст благоразумно не взял его в Россию. Во-первых, потеряешь, не дай бог, а во-вторых, такие вот, как эта Лера, обсмеют...

— Слушай ты, белое молоко! — привычно ответил он, как у них с Леркой повелось. — На нашем Солнце ты бы вспенилась волдырями!

— Белое молоко, мальчик, — у тебя в эбонитовой палочке... — кривлялась эта хмельная зубоскалка.

Ладно, хоть уже мальчик, а не ниггер! Впрочем, одно другому не мешает, тем более на колющем языке Леры Очепловой! Однажды они договорились друг на друга не обижаться, и действительно, терпели друг от друга любое, что, впрочем, не распространялось на водителя лимузина. Эта компания была для него настоящим проклятием. До её выкрутасов шикарный затемнённый люк безукоризненно выдерживал любой ливень, но, когда молодёжь стала лезть через него на крышу — потёк, потому что они его ногами топтали, придурки, а девушки — так и каблуками своими, копытами дьяволиц!

Москвичи таких олухов царя небесного прозвали «танкистами» — потому что безбашенно торчат из люка. Не задумываясь, потому что думать нечем — что в таком пикантном положении каждая встречная муха — как пуля, а уж птичка — как снаряд...

— Фу! — говорили друг другу интеллигентные москвичи, шагая по тротуарам, «пешком, как Чехов», ещё и со связкой книг. — Это запредельная безвкусица и позор...

— Как же хочется этой шмаре из рогатки в лобешник вдуть! — комментировали проносившийся декаданс подростки коммунальных кухонь.

— Такие выпендрёжи — удел чурок, мажоров и шлюх, — поучали своих воспитанников чопорные московские чиновники.

— Обычно так делают проститутки, — завистливо бормотали всезнающие средних лет без определённых занятий.

Что ж, в таком случае сын чрезвычайного и полномочного посла Мартина Мбавы — проститутка!

На родине Огюста, в Средней Африке, правил президент по имени Пумá. Правящая партия называлась P.u.m.á., что весьма умилило Леру Очеплову.

— Очень по-африкански! — с ленинским задором хохотала она, заваливаясь на спинку ресторанного диванчика. — Очень скрепно и традиционно! Выборы «один человек, один голос, один раз»¹. Партия P.u.m.á., насколько помню, социализм собралась строить? Тоже своевременно! Как у нас, у русских, говорят — все уж с ярмарки, а вы на ярмарку...

— Ну, понимаешь... — кисло улыбался Огюст, словно бы гудрон трескался, обнажая белую эмаль. — Наш президент...

— ...Который Пумá?

— Который Пумá. И друг отца. Он говорит, что богатые страны могут подкупать трудящихся, скрадывая противоречия, а Средняя Африка для этого слишком бедна... «Если ты не можешь людям ничего дать — дай им равенство», — говорит он.

— Ну, это кстати, топово... — согласилась Лера с милостивостью светской львицы, играющей арапчонком, готовая потаскать его за пружинки кудрей. — Убедил, каменноугольный! Ваш президент Пумá... не лишён ума...

Сын посла достаточно знал тонкости русского языка, чтобы оценить каламбур. Кутили и бесились они действительно очень шумно, дорого и даже, можно сказать, грязно, — и всё же не у всех в их компании головы пусты.

— Слушай, бездушный шахтёр... — начала как-то Лера в привычном духе.

— Почему же я бездушный, великая белая бвана?

— Потому что ты шахтёр, оставшийся без дýша после смены! Но я не об этом...

— О, у большой краснокожей дипломом скво есть другие темы, кроме расизма?!

— Чирикнули мне, что у вас алмазы нашли! Много алмазов...

— Африку этим, Масса, не удивишь. Да, в общем, и не обрадуешь. Алмазы, Лера, это камни. Их нельзя кушать. Их нельзя пить. И ими нельзя торговать...

— Последнее — не поняла! — созналась Лера.

— Ну, понимаешь, пробник ты Лермонтова, есть мировой рынок алмазов...

— Да ты что?! — Лера сделала круглые и дурацкие глаза, в клоунской манере изображая крайнюю степень изумления.

— Там есть ведущие игроки, а цены зависят от объёмов оборота... А мы — очень бедная страна, мы не можем прийти туда со своими правилами... Если наша правящая, она же единственная, партия P.u.m.á. поссорится с корпорацией Де Бирс — угадай, великая белая бвана, кто исчезнет?

— Заведите себе вторую партию, как принято в приличном обществе!

¹ Историческая цитата, ответ Яна Смита, главы Белой Родезии, на вопрос, как устроена демократия в Африке.

— Две партии кормить мы не потянем, масса Лера! У нас бюджет-то не американский. А партии — они такие прожорливые...

— А хотел бы ты, Огги-Погги, поменять ваши алмазы на оазисы?

— Ну, чего ерунду-то молоть, Лера!

— Мелют чепуху, мальчик, и это не ерунда. — Она посмотрела на него долго, протяжно, почти влюблённо. — Это деловое предложение. Вы нам алмазы, а мы вам оазисы под ключ... Травка зеленеет, под сенью деревьев тенёк, прохлада...

— Я знаю, Лера, это ливийская технология, добуришься до грунтовых вод... Мы пробовали, но наши грунтовки залегают в ячеистых структурах, у нас по ливийскому методу воду не поднимешь...

— А и не надо — по ливийскому! Что у нас, джамахерия, что ли? Воду наверх поднимут корни растений... Корни миллиардов растений, которые идут на глубину, независимо друг от друга, пронзая пески, и каждый пьёт воду из своей ячейки...

— Нет таких, чтобы корни на сорок метров ушли... — грустно, но уже с некоторой надеждой, искоса поглядывал на странную подругу Огюст Мбава. — Нет таких растений...

— Есть такие растения...

— И где же они есть?

— В корпорации «Биотех». Там делала карьеру моя мама, ещё в советское время... И всё, что ты видишь вокруг меня, включая себя самого — вон, поглядишь, чумазый, в зеркало! — это заслуга АО «Биотех»...

— А я-то с какого боку? Я даже не знаю, что это за АО...

— Понимаешь, Огги-Фрогги, если бы я родилась в нашем родовом поместье, в местечке Гологда, много северо-восточнее Москвы, состоящего из фанерного домика на шести сотках, засаженных... как бы это культурно выразить... — Она сделала брезгливую мордашку, — Red-Иск-Ой!... Вряд ли я бы удостоилась таскать за каракуль... — Она запустила тонкую кисть левой руки в его упругие спиральки волос, жёсткие, будто металлическая стружка, сильно, обидно дёрнула. — Таскать за барашка послов иностранных держав!

— Ну уж, — самокритично сморщился Огюст. — Нашла державу! Если бы в нашей «державе» росла ваша рэ-дис-ка... Я думаю, наши люди не отказались бы пожить, как в вашей Гологде! С их точки зрения, это город Сытовня!

— Чёртов славист, как тонко всё просекает! — умилилась Очеплова. И даже чуть загрустила, что с её неукротимым норовом редко бывает. — Там очень холодно, Огги-Фрогги...

— А как с водой?

— Воды — залейся!

— Вот видишь!

— Чего видишь? Полгода эта вода — в виде льда!

— А знаешь, что у нас в барах любое пойло с кубиком льда стоит в два раза дороже, чем тёплое? И вода со льдом — дороже виски... которое без льда...

— Так, вот что! — упёрла Лера руки в боки. — Ты, пожалуйста, на Гологду, черномазый, толстые свои гуталиновые губки не раскатывай... Там русский дух, расовая чистота, и в мотивах местной вышивки проскальзывают даже коловраты...

— Свастики?!

— Но это не от Гитлера, а с древнейших времён, мой баклажан! Давай поэтому так: нам будет у себя хорошо, а вам у себя тоже хорошо...

— Да я разве против?! — изумился Огюст.

— Вот, не против, а всё время меня с мысли сбиваешь всякими глупостями...

Она, между делом, брезгливо откинула лиловую руку, пытавшуюся погладить её соблазнительное колено.

— Если у вас есть алмазы, значит, есть чем платить! Заключаем контракт, типовой для «Биотеха», и вам делают «экосистему под ключ». Делают вам зелёные участки-самоходки...

— Это как?

— Ну, понимаешь, когда биоценоз схватился...

— Кто?!

— Не важно. Ну, рошица прижилась на пустыре... Схватывается, как цементная стяжка! Реально так, ни-па-депки, прижилась! Она саму себя расширяет по краям, понимаешь? Ползёт, поглощая пустое пространство...

— Я знаю, что у нас Сахара ползёт по три километра в год на юг... Но чтобы зелень на пустыню поперла? Наоборот? Волшебство какое-то!

— Ну, в общем-то, — подбоченилась Лера, — мама рассказывала, что в «Биотехе» работают маги, волшебники! Так что ты верно ухватил, Ганнибал!

— Я Огюст.

— Да посмотри ты хоть вон в самоваре на своё отражение, какой ты Огю-юст, умоляю! Ганнибал и есть!

— Я — не людоед, — набычился Мбава-младший.

— Ты — дурак. Я не про киношного, а про исторического, который римлян бил! А это, знаешь, достойная роль!

* * *

Совенко — пожалуй, впервые за много лет трудового стажа, начатого ещё при Хрущеве, уснул на рабочем месте! Откинулся в своём, как он говорил, «ортопедическом» кресле — пухлом, уютном, принимавшем по воле офисного всадника любые формы, и придремал...

— Старый кот — мышам не ловец, — сказал он сам себе, когда проснулся. — Зубы-то уже раскрошились...

Потом вытянул перед собой руку, кошачьим жестом несколько раз растопырил и сжал пальцы:

— А вот когти пока ещё железные... Поймать поймать, а уже не съем...

Это плохой звонок — когда засыпаешь без собственной на то воли. Как шофер за рулём. Известно, куда улетают уснувшие на трассе водители...

Снился Совенке так называемый «оранжевый тендер» — тот же самый, который он разбирал перед сном. Снился он между чашечкой кофе, сигарой, дремавшей сизыми клубами в выемке на краю пепельницы, и навязчивой, зудящей болью в ноге.

АО «Биотех» хотел заниматься поставками сложных диагностических и лабораторных реагентов, считая себя их единственным производителем, а электронный аукцион по 44-му Федеральному закону — мня формальностью. И тут вдруг выяснилось, что не все в стране так считают.

Регионы отключались. Одна за другой губернии уходили к другому поставщику, и по мере этого безобразия документация поднималась всё выше и выше, пока не легла на стол к председателю правления. Для окончательного решения.

В бумагах — таинственные «изотонический раствор», «флуоросферы контроля», «промывающий реагент»... Совенко сам уже стал забывать, что именно называют такими словами. Но впечатляющие суммы напротив названий были вовсе не так туманны, как сами названия. И не давали забыть ни о себе, ни о них. Суммы упущенной прибыли обладали пугающим неприличием нефтегазовых нолей, даром что никакого отношения ни к каким недрам, кроме умственных и лабораторных, не имели.

Это чудо новой экономики Совенко встречал уже не раз: где на кону деньги — там огромное множество проходимцев сразу же корчит из себя великих специалистов в сфере, ещё вчера им неведомой...

В отделе безопасности копнули. Сделки в регионах вели к некоему Панасу Лотереенко, за которым видели Украину — следовательно, ничего серьёзного (хотя фактор отороженности почти всех людей «оттуда» надо учитывать).

Копнули глубже. За Лотереенко увидели Яна Янкелевича Пржимонского, в деловых кругах именуемого Кошмой, причём с уважением и придыханием. А это уже Израиль, и это уже куда серьёзнее «бандерштата»...

Пржимонский — могущественный по должности и юрист по образованию. За ним в общей сложности уже 160 жалоб в ФАС РФ, куда жалуются по поводу подтасованных тендеров. Схема всегда одна. Сперва людишки, которых крышует Ян Янкелевич Кошма, подают жалобу в «антимонопольку». Пржимонский, используя служебное положение, так сказать, «способствует удовлетворению» корыстной жадности справедливости.

И, знаете, как ни грустно об этом говорить — Пржимонский почти всегда безукоризненно прав в своём негодующем правдоискательстве. Пржимонского в суде не прищемишь никак — и не только потому, что он матёрый юрист, хотя и это тоже. А в первую голову — сука-законность на его стороне!

Знающие люди секут, в чём тут фишка: вся современная экономика — это монополии и ничего, кроме монополий. А всё современное законодатель-

ство — это борьба с монополиями и ничего, кроме борьбы с монополиями. В итоге получается, что вся экономика работает вчерне. И это очень удобно! Когда нужно кого-то постричь или зарезать, не требуется рыскать в поисках глубинных пороков и шкапных тайн корпорации. Монополизм таких монстров, как «Биотех», — ну, мягко говоря... Прячут, конечно... Пыхтят, пытаются... Но как ты спрячешь такую громадину?!

Криминальный авторитет в ранге федерального министра, Кошма — это ведь не первокурсник с журфака, верящий словам пресс-служб, днём и ночью божащихся, что их корпорации не монополены ни разу. Кошма — это... это... Кошма! Он всю подноготную тендеров знает досконально и не голословно, а с документами! А в законодательстве прописаны «преимущества при осуществлении закупок субъектам малого предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям». Съели раз? А второй раз скушайте: есть такая штука, как цена. Если вы на торги пришли с бархатом по 10 рублей метр, а другой с драной ветошью по рублю, то закупки у вас бархата считаются коррупцией! Закупщика обяжали брать самое дешёвое из предложенного — какой бы дрянью и халтурой оно дальше ни обернулось. Ведь потом — суп с котом!

Со времён краха СССР планета погружается всё глубже и глубже в атмосферу мрачного безумия, где законность и беззаконие попросту поменялись местами. И вывернули свои смыслы, как варезку, наизнанку... Поэтому бороться с жалобами людей Кошмы в ФАС — всё равно, что воду в ступе толочь. Можно, конечно, другое «фас» использовать, которое собачья команда, спустить кобелей... Но за Пржимонским — Всемирный еврейский конгресс, а это чревато Интерполом, всякими страсбургскими судами-пирогами, вонью липкой, международной. И никто в такое влезать за парочку миллиардов обычно не хочет. Из тех, кто мог бы. А те, кто хотели бы, те не могут. Вопрос ведь не в том, на что ты готов ради миллиарда, а в том, на что миллиард готов ради тебя! И потому Ян Янкелевич Пржимонский — это такой Иван Поддубный и Мохаммед Али в сфере бизнеса.

— «При заключении контракта... — механически читал с листа, прищурясь, оттягивая уголок глаза Совенко. И пытался вспомнить из институтского курса, что такое «изотонические растворы». — ...Обеспечение исполнения определяется от цены контракта, предложенной победителем, согласно части 6 статьи 96 Федерального закона № 44, и составляет 5%»... Да ну вас к чёрту! — рассердился и отбросил бумагу. — Суют всякую дрянью... Мне же не эта справка нужна была!

Но, в общем и целом, ему без справки понятно, откуда выплыл этот Панас Лотереенко. Вначале была большая Россия — СССР. И там, в числе многого прочего, занимались производством этих самых,

«сложных да сверхсложных», диагностических и лабораторных реагентов.

Разумеется, централизованно, в Советском Союзе всё было централизованно. И эту монополию наследовало АО «Биотех». И с того решило оно АО, что ему тендеры не страшны: один хрен, никто больше не сделает изотонических растворов, и даже сверх того: не знает толком, что это такое! Но большую Россию обкорнали до маленькой, и во всяких странах остались, застряв в мясистой убоине, осколки бывшего единого комплекса, которые, по старой памяти, что-то умеют. А главное, как и всё живое, жить хотят. Вот они — через подставных лиц и под покровительством Яна Кошмы цены-то и сбивают! Это плохо. Всё плохо — от начала до конца. С Украиной война, но дипломатические отношения не разорваны и товарные массы перемещаются, как ни в чём не бывало. Посадить Россию на флуоросферы контроля от врага — это же не только деньги потерять! А вдруг враг в самый неподходящий момент прервёт поставки или станет подгонять туфту взамен продукта?

Идти с этим к высшему руководству? Оно понимающе улыбнётся: ну, конечно, конечно, Виталий Терентьевич, как вы тендер проиграли, так сразу патриотизм-то и проснулся, не у вас первого, по такому случаю...

«Нет, не туда мы позвоним!» — пообещал он сам себе, потянув со стола «сотовый» телефон...

* * *

Здесь, где всё пахло отцом и отражало отца, Яков с тоской пойманного маленького зверька особенно отчётливо осознал, что никогда не сможет просто жить, просто быть счастливым, просто и бесхитростно любить, не сможет следовать вкусам своего сдержанного и умеренного характера. Это квартира, которую папа купил сыну! Тут каждая деталь лепнины и позолоты криком кричит: ты не можешь быть человеком, ты выше человек!

Это необъятная башня «Суверен» в столице столь же необъятной Родины, трёхуровневый пентхаус, с этажей которого открывается уникальный вид на необыкновенно похорошевшую и напомаженную, как путана на «съёмки», нынешнюю Москву. Сверху — стеклянный купол, окружающий квартиру, по углам — изощрённо-дизайнерские камини, ни один не похож на другой. На крыше для избранных судьбы, приобретших тут «недвижку», водный бассейн. В огромном джакузи имеется балкон, с видом на необозримую московскую мегаполиса, огнями подобного звёздным небесам экватора, но только ещё более ярко...

Этажом ниже расположена какая-то аляпистая подделка под королевские покои с лепниной на потолке и фресками на стенах. Завтракая в огромном зале или принимая гостей, человек тут вынужден будет чувствовать себя очередным Людовиком, поневоле — если умный — примеряя гильотину к шее.

В квартире имеется зимний сад, тренажерный зал, винтовая лесенка, ведущая в чил-аут¹. Огромные панорамные окна из пуленепробиваемого стекла, ниже — целый этаж для прислуги и имитация винного погреба, в который спускаешься по вертикальной приставной лестнице со среднего этажа, попадая в царство дикого камня, пыльных бутылок и дубовых стеллажей. В доме имеются собственные кинотеатр, фитнес-центр, паровая баня, аквапарк с водными горками, детский игровой этаж с замысловатыми квестами. Консьержей — целый ЧОП.

Яков, осматриваясь в заботливо подогнанном гнёздышке наследника владыки АО «Биотех», с тоской понимал: человека, отгрохавшего такое, расстрелять — самое меньшее, что нужно сделать...

На этой почве они поругались с отцом, уже в который раз. Отец назвал его «неблагодарной свиньёй», потому что это ютилище джинна обошлось отцу недёшево.

— Чего ж тебе ещё надо, паразит?!

— Да мне и этого-то не надо...

— А другого у тебя нет! Собственных денег тебе не хватит не только купить квартиру в Москве, но даже снять её...

И сын сделал некорректный, непродуманный ход: спаясничал, пропев куплет, отцу куда более знакомый, чем его, Якова, поколению:

...Про меня все люди скажут:

Сердцем чист и не спесив...

Или я в масштабах ваших

Недостаточно красив?

— Шут ты гор-р-роховый! — Виталий Терентьевич, от возраста ставший вздорным и ершистым, хотел уйти, хлопнув дверью, но путь ему преградила Лиза Очеплова в домашнем халатике:

— Дядя Алик, вы в русском доме! И обижайтесь сколько угодно, на кого хотите, но я не могу вас отпустить, не предложив рюмочку и отведасть моего борща!

— Мамина школа... — похвалил Лизу Совенко.

И отправился кушать борщ на кухню, а точнее, в тот угол, который Якорёк с Лизой отгородили от большой кухни, чтобы на привычную кухню походить. Суп ему понравился, но водка со льдом ещё больше, поэтому добавки водки он попросил, а добавки супа — нет.

Расслабившись сам, и перламутровый, с отливом, галстук расслабив, слегка гуляя пятнами румянца на шафрановой физиономии пергаментной мумии, Виталий Терентьевич взялся навёрстывать упущенное в становлении сына уже менее нахохленно и более доброжелательно: водка «Белуга» в кожаном футляре, со сливочными и терпкими нотками,

¹ Специально обустроенные зоны для релаксации, происходит от английского сленгового «chill out», в переводе: «расслабление», «отдых».

карамельно-бальзамическими тонами с настоем инжира и сахарного сиропа — своё дело знает!

Пил академик вкусно, соблазнительно, от души, опровергая тот навет, который Лиза слышала наедине с Якорьком и с надрывом в голосе:

— У него ничего нет для души! Ни меня, ни мамы, ни хобби — для него все лишь инструменты! Иногда он на даче в мангале лично жарит баклажаны и кабачки с томатами, и наивные люди думают, что это он для души...

— Но в семье Очепловых знают, — подхватывала Лиза, обнимая его под одеялом и стараясь свести дело к шутке, — что это проверка!

— В точку! И знаешь, чего он проверяет?!

— Знаю. Он проверяет, добились ли селекционеры «Биотеха» «мясного привкуса» баклажанов и кабачков, который ему сулили. Или ещё какого-нибудь элитного свойства сорта, про который насвистели на оперативке. Мама рассказывала...

От мамы сёстры Очепловы узнали много.

Например, именно от мамы Елизавета знала: коли Виталий Совенко начнёт материться — дело, стало быть, вышло из угла безнадёжности, где оно пребывает в условиях его холодной вежливости.

Ныне, нависая над борщом и стопкой, к счастью для её любимого человека, Виталий Терентьевич стал ругаться грязно, как извозчик, отдавая должное самкам псовых, половым органам и сексуальным меньшинствам. Переменяя это красочными именами средств контрацепции.

— Я вырастил распи...я! — гремел он обличающе, как будто действительно что-то в жизни выращивал, кроме элитных сортов скота и овощей. — Мужчине дело надо делать, а какое с тобой дело сварись, когда ты глист в кишке?! Живчик, б..., кондомом безнадёжно уловленный!

Бегло глянул на Лизоньку-Лисоньку, покорно опустившую глазки, чтобы никого не смущать своим исчезающим невольным присутствием, и вспомнил о деликатности:

— Прости меня за мой французский! Капитализм, — поучал, немного оправившись, академик Совенко, с годами всё более занудно тяготеющий к нецензурной нравучительности, — это разборки могущественных демонов между собой. Человеку с ограниченными возможностями человеческой природы — соваться в эти разборки не стоит. А сунется — отлетит как стружка от пилорамы!

— Я уже отлетел! — злился Якорёк, и Лиза гладила ему руку, безмолвно умоляя скинуть накал раздражения.

— Бессилие СССР перед тёмными соблазнами Запада, — говорил Совенко далее, выпивая стопку за стопкой, увлекаясь, «страстнея», — это отражение бессилия здравого человеческого разума против бездонной тьмы лживой, подлой, похотливой биомассы, подвижной звериными инстинктами и подставами магов. Рациональная техника, точная измерительная аппаратура могут отбивать напускаемую бесами пор-

чу — только до определённого рубежа. Далее все инженерные ухищрения становятся бессильны!

Выпил одним махом. Переводил глаза с юноши на девушку и обратно.

— Понимаете, в чём тут подвох? Есть механизм — и есть человек. Механизм может быть сколь угодно совершенным — но его выбирают. Человек — выбирает. Примитивный человек — не всегда сам это понимая — подгоняет существующие вокруг формы общественных отношений под своё слабое умение. А механизму безразлично — включают ли его или, наоборот, выключат за не востребоваанностью.

Он помолчал, перед тем как — нет, не сказать, а изречь главное:

— Если люди с неразвитым мышлением получают в свои руки свободу — то уничтожат цивилизацию.

— Именно поэтому, — в крайнем, задирающем сарказме закричал измученный холодным гноем отцовских слов Яков, — ты всю жизнь... сколько тебя помню... водишься со всякой уголовщиной?!

— Да. — Непрошибаемый отец казался ледяным. — Потому что книжки я не только детские читаю... Реалист обязан работать с любой силой, если она — сила. От силы, в том числе криминальной, нельзя по-детски закрыться одеялом с головой... Её нельзя остановить, как в детском саду, фразой «я в домике!». И потому я всю жизнь... сколько ты меня помнишь... вожусь со всякой уголовщиной! А ещё ты забыл «кровавых диктаторов». Я с ними тоже вожусь. Помогаю попирать народную самодеятельность...

— Да зачем, папа?! Чтобы быть киношным злодеем, смеющимся характерно-наигранным хохотом в кадре?!

— Нет. Если дебилов большинство и они станут свободно выбирать, то они и выберут себе дебила: подобное стремится к подобному. А я только что сказал тебе и повторю: если люди с неразвитым мышлением станут решать — то порешат цивилизацию. Если свобода обретается ценой потери способности мыслить — то есть ли чудище, оному равное?!

— Пусть так, а я здесь при чём? — недоумевал Яков Витальевич.

— А при том, что ты — Хранитель. Должен им быть. А ты пока дырка отсутствующего электрона!... Только дурачок может спрятаться за чужим выбором или канючить полномочия от других людей. Если же он поумнеет, он задумается: а кто избирал моих избирателей? И откуда взялись полномочия у тех, которые мне их дают? И тогда он поймёт, что в мире игривых условностей обязано быть нечто безусловное, то, что будешь отстаивать, не считаясь ни с чем вокруг! Даже если останешься один против всего мира.

* * *

Демоны, те, чьи игры да рыбки пляски в бездне отражают, кругами по воде, биржевые котировки и

¹ «Дырка» — понятие в физике, означающее незаполненную валентную связь, численно равную заряду электрона.

всемирные кризисы, давно бы уничтожили и род людской, и жизнь на Земле, и саму Землю. Но Бог в великом милосердии своё поставил им некоторые ограничения, ограждая хотя бы само семя Бытия от слепой ярости агрессивного разрушения, присущей космическим силам, известным беспомощной людской науке как «космическая энтропия».

Что же такое логика? — спросите вы. Это стальная арматура, пронизывающая зыбь нустических¹ структур, ставших первоначалом Вселенной. Эта арматура не даёт нустической среде принимать облик любого фантастического бреда, препятствует превращению мира в кошмар.

Реальность от сновидений ограждают фильтры причинно-следственной связи, достаточного основания, сохранения вещества и энергии. Но, как вы и сами прекрасно знаете, во сне эти преграды не действуют: во сне сущность может возникать по одному только воображению её, без иных причин, без основания, без источников, опоры и последствий.

То есть возникать именно тем образом, как в первоначальном Эдеме, в среде, не сопротивлявшейся никаким человеческим фантазиям. И потому быстро превратившейся из рая воплощения мечтаний в ад материализующихся ужасов.

Мир сновидений, в котором, как в первобытном эдемском космосе, нет замков причинности, основательности, сохранения, неизбежности продолжения у всего, единожды начатого, отделён от нашего мира. Но любой медик скажет вам, что раз человек может умереть во сне — стало быть, между мирами есть лазы и червоточины. А о чём, вы думаете, христианская молитва: «Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла»?²

Именно через долины смертной тени приходят в кельи к отшельникам бесы, приносят с собой кошмар как реальность: и пугают, и подбрасывают, и шатают стены, и уносят искушаемого куда-то за пределы пространства и времени...

Подпространство — подвал реальности, и оно хорошо знакомо в фольклоре всех народов, а первым в этом ряду приходит на память, конечно, миф о лабиринте и Минотавре. Подпространство отрицает последовательность и сохранение.

Именно там, можно сказать — в лабиринте Минотавра, — обитал и прирученный Яном Кошмой демон потусторонних измерений, сын самых мёртвых и раскалённых до стерильности уголков израильской пустыни: Карнокорп.

Карнокорп — это монстр снов. Он — в сущности, единственный ответ на совершенно непостижимый в трёхмерном пространстве вопрос, который способна предложить логика: как подобные Яну Янке-

левичу Пржимонскому могут одолеть государство с многомиллионной армией, милицией и прокуратурой, армадами танков, громоздящимися до горизонта, парткоммами, партконтролями, народными контролями и прочей требухой правопорядка?

Пржимонский — уголовный авторитет. Ну и что? Ну сколько у него банда? Ну, десять человек, ну пятьдесят... Да хоть сто! И чем вооружена эта сотня? Ножам? Допустим даже, короткостволами, допустим даже — лучшими в мире, самыми современными! Всё равно, не может же банда, вооружённая пистолетиками, захватить столицу космической и ядерной державы, в которой (только в городе) десять миллионов жителей, и половина — члены КПСС!

* * *

Но вот мы видим Яна Янкевича Кошму в ранге федерального министра. А другого такого же — в ранге губернатора. Хозяином области или края. А третьего такого же — с непогашенными судимостями — перебравшегося с тюремной шконки в мэры... Вот и объясните те, кто дружат с логикой, — как такой захват возможен без включения в дело нечистой силы?

Вы только представьте себе космические весы, на одной чаше которых вся советская правоохранительная система и миллионоглавый актив «сознательных трудящихся», а на другой — какой-то жулик-фармазон Пржимонский...

Но факт налицо: Пржимонский дунул, плюнул — и воссел на княжий стол с ногами-копытами! Сидит, ФАСу команду «фас!» даёт из окол Кремлевского кресла...

Наивный человек скажет: демон Карнокорп, вызванный уголовником-рецидивистом Кошмой, — сказки! Ну, для наивного — сказки. А победа Кошмы над страной, в которой один только КГБ насчитывал сотни тысяч вооружённых бойцов, — не сказки?!

Для строгой формальной логики существование демона, стоящего за Пржимонским, принять гораздо легче, чем отвергнуть. Демон-слуга хоть что-то объясняет в истории XXI века, в котором банды слугают армии. Как вы себе без помощи демонов этот процесс представляете?!

Поэтому оставь наивность, всяк сюда входящий, и слушай в оба уха: Карнокорп живёт в потустороннем мире-лабиринте, а в наш проникает через червоточины сна. Видением своим — а ничего, кроме видения, в нём нет — он напоминает Минотавра, только у него не бычья, а кабанья голова. Ходят слухи, что именно опасаясь его возмездия, жители израильских пустынь, евреи и арабы, отказались в доисторические времена кушать свинину.

Вначале, рассказывают, была «папсия» — древний окаменелый чёрный воск пещер вокруг Мёртвого моря в Израиле. Считается, что это капли трупного воска³

¹ Нус (*др.-греч.* «ум»), у Анаксагора, Аристотеля, в стоицизме и неоплатонизме «нус» — тончайшая и чистейшая из всех вещей. Замысел, как первооснова всякого вещества, элементарнейшая из частиц, все материальные параметры которой (вес, размер, форма и т.п.) равны нулю, не имеют вещественного измерения.

² Псалом 22, 1:4.

³ Жировоск (адипоцир) — трупный воск или жир, своеобразное жировое вещество, в которое иногда превращаются трупы, преимущественно находящиеся во влажной среде, при отсутствии или недостатке воздуха или в текучей воде.

Карнокорпа, сжигая которые в виде чёрной свечи можно вызвать и заставить себе служить дух чудовища. У Пржимонского есть привезённые с исторической родины запасы папсии, небольшие, но достаточные для «шухера». Пока можешь зажечь угольных оттенков свечу, слепленную из папсии, Карнокорп служит.

Он, как и все демоны, запертые в подпространстве, преследует и убивает человека только во сне. Казалось бы, чего такого? Мираж, наваждение! Штука в том, что убитый во сне человек — больше уже никогда не просыпается. Врачи диагностируют инфаркт, или инсульт, или «внезапно лопнувший сосудик», не удивляясь обнаруживаемому при вскрытии мощнейшему адреналиновому выплеску.

Ночью, во сне, в час вампиров, в три пополуночи, Виталий Терентьевич Совенко видел Карнокорпа, посланного Яном Янкелевичем по его душу. Скрестив на груди руки, Совенко чуть отступил во тьму зыбкой долины, по которой на него мчалось чудовище, хищная свинья с необычайно широким створом дробильных слюнявых челюстей, зловонная даже на отдалении. И вперёд выступили два ручных совенковских лютолала, они же жеводаны¹. Это гиеноволки, древние духи охотничьих стай, духи-псы, которых с незапамятных времён маги натравливали на свою добычу. Жеводаны скалились, морща длинные фиолетовые губы. В неверном свете долины призраков сверкали их мощные клыки. Совенко синхронно и симметрично положил руки на их вздыбленные холки...

— Не стоит, Ян Янкелевич! — смиренно посоветовал Совенко. — Не те у нас вопросы, чтобы ради них нашим зверинцем рисковать...

И он не умер во сне. Он утром проснулся, как обычно, и Пржимонский тоже проснулся — несколько разочарованный, уставший за ночь от астральной беготни, но в целом здоровый.

— Алик... — сказал Ян Янкелевич почти любовно. — Старый волк... Над волками князь...

Он признавал противника достойным. И оба были правы. Никто не может заранее предсказать исход битвы двух лютолалов с Карнокорпом. Свиноглав сильнее, крупнее — но этих-то, мохнатых, больше!

* * *

— Как такое возможно?! — возмущался бредовой истории сын Совенко, Яков Витальевич. — Это же бабьи байки, маразм! Это было, говоришь, во сне? Ну, сном всё и объясняется... Съел ты перед сном что-то не то, папа...

— Дело не в том, что я съел! — сердился Совенко. — А в том, что меня чуть не съели... Да, я тебе ещё раз говорю: всё такое происходит во сне, и только во

сне. Но обычно такой сон становится для человека последним в земной жизни!

— Получается, что любого можно, как уснёт, убить кошмаром?!

— Да я ж тебе объясняю, что не любого! У кого, как у меня, есть сонная защита, того взять трудно...

— Всё равно — маразм!

— Сынок, оглянись! Маразм — это жизнь вокруг нас. Ещё не заметил? Ну, глаза-то протри, внимательнее оглядись... А то, что я тебе рассказываю, — это единственное логически непротиворечивое объяснение того окружающего маразма, который мы видим день за днём!

— Папа, я не могу понять: когда ты учёный, а когда прикалываешься?

— А я тебе ещё раз говорю, дурак: заткнись и слушай! Это всё именно наука, стык медицины, истории, социологии и теологии. Наука, и ничего кроме рациональной науки!

— Да ну?! — почти издевался уже непочтительный отпрыск.

— Разум — главное оружие человека в борьбе с окружающими его хищниками. Не когти, не клыки, не бивни, а Разум. С этим-то хоть согласен?

— Как бы... бесспорно, пап...

— А теперь слушай дальше! Именно Разумом человек стал вовлекать в эту свою борьбу таинственные сущности тонкого мира, «гостей» сперва в его голове, а потом и в его поведении. Мы так привыкли быть разумными, что совершенно не замечаем очевидного: мы — в очень значительной степени не мы.

— Что за ерунда?!

— Допустим, ты знаешь таблицу умножения или закон Ома...

— Закон Ома я забыл.

— Ну, потому что ты debil. Напряги редкие извилины-то, сынок! Если таблица умножения или курс анатомии у тебя в голове, то разве ты их придумал?!

— Таблицу умножения придумал Пифагор...

— А когда ты умножаешь в уме дважды два — это кто делает? Ты или Пифагор?

Шумлов задумался. Посмотрел на Лизу — но та изобразила большие глаза: мол, это мужские ребусы, я тут не помощница.

— Получается, оба... — несколько озадаченно прицокнул Яков Витальевич языком. — Я делаю это во времени, а он вне времени. Хм, а тогда где? Вообще, в некой обобщённой модели мира...

— О, да у нас прогресс! Я тебя, для начала, спрашиваю, эти самые Ом или Пифагор, разве они не проникли из тонкого мира предвечных идей, притворяясь частью твоей личности?

— Зачем им притворяться?

— Для начала — чтобы тебя не напугать своим вторжением! Устраивает тебя такой вариант? И если ты там, в уме, вдвоём с Пифагором, то каково следствие?

— Каково?

¹ Жеводанский зверь — прозвище волкоподобного существа, зверя-людоеда, терроризировавшего север французской провинции Жеводан (ныне департамент Лозер), с 1 июня 1764 года по 19 июля 1767 года. В течение трех лет было совершено до 250 нападений на людей, 119 из которых закончились смертями.

— А то, что эти пришельцы в голове усиливают тебя, превращая тебя, примата-гоминиду, в суперсущество, для которого даже мамонты и пещерные медведи — вопрос одного выстрела. Если ты из головы уберёшь чужаков — там чего останется?

— Лично моего?

— Только и исключительно от твоей особи!

— Особы? — попытался поправить Яков.

— Нет, именно особи.

Яков промолчал. Совенко продолжил:

— Ты же, наверное, проходил, на втором курсе, если в Дании это преподают, что были такие Маугли, дети, выросшие с животными, без людей... Так они ничем от животных не отличались, и самое главное! — Совенко поднял менторский перст. — В зрелые годы уже освоить человеческого уровня мышления не могли! Потеряли способность впускать в себя духов Ноосферы! И вот после этого ты мне будешь доказывать, что ум не связывает нас с вневременным подпространством?

— Пап, всё, убедил, ладно, гиеноволки, жеводанские звери для цирка, свиноголавы, кентавры... — скептически хмыкнул Яков Шумлов, чтобы отвяжаться от доставучего родителя, поздно вато взявшегося за воспитание. — Теперь-то я точно знаю, кто правит миром!

— Ты? — грубо поинтересовался Совенко.

— Нет. Ты.

— А вот теперь подумай! Если я, в это веря, правлю миром, а ты, в это не веря, не правишь, то кто прав?

3

Ко встрече с отцом Огги-Погги, Мартином Мбавой, состоявшейся уже в посольстве, при посредничестве Мбавы-младшего, Валерия Дмитриевна Очеплова подготовилась основательно. Она была трезва, она была в строгом деловом костюме, брючной паре фасона бизнес-леди, и даже голос у неё стал другим.

— В Советском Союзе такие работы велись. Называлось это «биологическая починка пустыни». Они показали многообещающие результаты, но с распадом СССР... вы понимаете...

— Все мы очень много потеряли с распадом СССР, — грустно вздохнул активист партии P.u.m.a. Мартин Мбава, он же близкий соратник одноимённого президента. «Они так бедны, что даже разных имён себе купить не могут», — ржал над этим приятель Леры Толик-Кулер.

Лере было не до приколов. Она прыгнула в своё дело, ведомая инстинктами молодой волчицы и ощущая дразнящий ноздри запах большой добычи.

Очеплова принесла на встречу малотиражный узкопрофильный журнал, который взяла из маминной библиотеки в Питере, где много такой макулатуры, со времён маминой бурной молодости, скопилось.

— Вот, смотрите...

Она показывала цветную наклейку, старомодной полихромной ксилографии, которую нынче уже в полиграфии не используют. Там убедительно зияла красочная схема в разрезе — корни, стволы, кроны растений, и стрелочки, по которым видно, как «шагающая посадка» съедает пустыню. «Экологическая починка бесплодных земель» — когда-то, при КПСС, это вставляло и вштыривало очень круто!

В духе «перестройки» академик Совенко писал в старой статье старого журнала старой страны о великих возможностях, которые «его с ребятами» метод открывает для Большой Австралийской Пустыни. «Климат Австралии делает её идеальной житницей планеты, но там, где могли бы колоситься поля, — лежит выжженный и раскалённый труп почвы».

— Совенко? — удивился посол, поднимая глаза, словно два белых яичка всплыли в бочке с чёрной краской.

— Он самый, — кивнула Лера, — председатель совета директоров АО «Биотех» Виталий Терентьевич Совенко...

— Странно...

— А что странного?

Посол решил блеснуть осведомлённостью...

* * *

Либеральные рупоры порой называли Совенко «личным бульонщиком Кремля». Он имел неосторожность слишком часто говорить о «питательном бульоне» — то для бактерий, то для экономики, что для биотехнолога совершенно естественно. Но в итоге схлопотал себе обидную кличку.

Бульонщик — это, в русской культуре, лакей Смердяков. И не думайте, что радиостанция «Йеху Москвы» или газета «Масонский Комсомолец» контекста не понимали! Очень хорошо понимали: и что лакей, и что Смердяков... И то, что хозяина убьёт за деньги... На то и давили.

Правда, создатель «мемасика» про «личного бульонщика Кремля», пострадав за своё видение правды и гласности, раз и навсегда зарёкся так писать. В модном, хипстерском столичном ресторане его столик вдруг обступили возникшие, казалось, из ниоткуда, ребята Кита Питрава. Журналист, с того «влажно пукнув», заметил, что зала ресторана мгновенно опустела, звать на помощь некого — да и было бы, не те нравы в Москве нынче, чтобы на помощь спешить...

— Кушай бульон! — мрачно посоветовал Кит, который страшен, как Малюта Скуратов, даже когда молчит. А уж когда рычит словами — и того ужаснее... — Кушай бульон. Хороший бульонщик тебе его сварил.

Журналист посмотрел на свой суп и всё понял. Суп отравлен. Это смерть. Кит Питрав, топорно вытесанное тело громилы в изошрённо пошитом костюме светского льва, пришёл проконтролировать агонию.

Журналист расхотел есть суп — что и понятно. Но потом понял, что половину уже всё равно выхлебал. Так что сопротивление бесполезно. Журналист подумал, что смерть от яда всё же куда предпочтительнее, чем смерть от пули, живо представил себе адскую боль, если пуля разносит голову... И когда Кит Питрав полез рукой под мышку, явно к кобуре — покорно стал доедать свой супец.

Это был самый страшный час за всю его жизнь. Он дохлебал «бульон от бульонщика», ясно понимая, кому обязан таким рецептом, Кит Питрав и его люди растворились столь же мгновенно, как и возникли. Мистика какая-то! Журналист не умер и даже не заболел. Суп не был отравлен. Сыграли на том, что журналист этого не знал...

Журналист пытался ершиться и ерепениться, храбро явился с заявкой в полицию, но там весьма резонно, в рамках правосознания, его спросили:

— Суп был отравлен?

— Нет...

— Значит, его готовил хороший бульонщик?

— Да, но...

— Люди Никиты Питрава били вас?

— Нет.

— Словесно оскорбляли?

— Они предложили мне кушать бульон. Очень настойчиво.

— Это бестактно, согласен! — закурил полицейский дознаватель, с дипломом МГУ за плечами и потому играющий байроническую личность в грязном и тесном полицейском участке. — Бестактно навязывать бульон... Но, извините, с точки зрения юриспруденции это не является оскорблением личности...

— Получается, у них всё куплено?! — устроил журналист истерику. — Им ничего не будет?!

— Лично я ими не куплен никак, — ответил дознаватель с предельной искренностью. И у него были такие глаза, что журналист ему поверил. — Я не ангел, если бы давали денег, может быть, и взял бы. Да ведь не предлагали! Но я нахожусь в тесноте Уголовного кодекса, понимаете, и при всём сочувствии к вам, народному трибуну... Ну что я могу предьявить Никите Александровичу Питраву, он же Петров, он же Чурбанидзе? Что он подошёл к вам в ресторане, где вы кушали вами же заказанный бульон, и предложил вам его доесть?

— Да!!!

— Как вы себе представляете суд с таким иском?

— Он угрожал мне...

— Как угрожал? — Байронический лейтенант взялся за дешёвенькую шариковую ручку. — Какими словами? Какими действиями?

— Не словами и не действиями, а... всем контекстом ситуации! Понимаете, я в газете назвал его хозяина, криминального авторитета Филина...

— Ну, голубчик вы мой, это ещё нужно доказать, — Филин он или Аист...

— Криминального авторитета Филина, — надавил интонационно, гордясь своей независимостью и

вольномудством, журналист, — назвал именно я «бульонщиком Кремля». А теперь его пёс говорит мне про «хорошего бульонщика»... Ну и как вам это понравится?

Начитанный журналист в точности повторил инвективу Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты». Понял это и осёкся. «Главным образом, конечно, Пилат, — сейчас скажет дознаватель из МГУ, — но и кальсоны тоже!»

Дознаватель так не сказал. Он был тактичным человеком и, хотя понял юмор ситуации, ковырять её не стал. Про бульонщика журналист больше не писал ни разу, пораздумав над своими шансами и перспективами и сравнив их с возможностью Кита Чурбанидзе. Однако недаром говорят: что написано пером, не вырубишь топором, слово не воробей и далее по тексту...

«Бульонщик Кремля» прижился мемом.

Свобода слова, куда деваться?

* * *

Именно на это и хотел намекнуть, подчёркивая свою осведомлённость, посол Средней Африки в разговоре с Валерией Очепловой:

— Академик, говорите?! А я слышал, что у него кличка Филин и что он крышует московскую мафию...

— Ну... Это очень большое преувеличение! — ответила Лера даже задумчиво, огорошенная неожиданным поворотом беседы. — Московская мафия слишком велика, чтобы её крышевал один человек... Совенко — прежде всего академик, специалист по биотехнологиям! Ну, а справедливости ради сказать — таки-да... У него разносторонние интересы...

* * *

— Дарья Петровна, — твякнул селектор у Ладышевой. — Всех, кто в приёмной, ко мне... Скопом, сколько есть...

И Лера Очеплова зашла в кабинет к «дяде Алику» вместе с целой толпой самого разного канючливого народа.

— Кто из вас сдал деньги в фонд моего сыночка «Жизнь в подарок»? — мрачно поинтересовался Совенко.

Посетители, думая сподхалимничать, подняли руки. Все, кроме Леры.

— Молодцы! — закивал Совенко в ёрничающей, ироничной злобе. — Он идиот, а вы его все поощряете... Подталкиваете... Как же не порадеть наследнику? Как думаете, он поймёт цену деньгам, пока вы ему по первому слову кошельки раскрываете?! Под ручки парня ведёте в Ипатьевский дом!

— Виталий Терентьевич... — заполошилась толпа. — Дело в том, что... Видите ли...

— Идите все в задницу! — опалил их, как куст из газовой горелки, распоясавшийся и совсем обнаглевший за годы безнаказанности босс. — Не хочу я вас видеть! Все идите в зад!

Среди поникших голов была одна бодро вскинутая. Леры Очепловой.

— Дядя Алик, — задорно поинтересовалась она, — и я тоже?

Он остановил на девчонке мутный, нетрезвый взгляд.

— Деньги в «Жизнедар» сдавала?

— Нет... И даже не знаю, что это такое...

— Тогда останься. А вы все — пошли вон...

А когда все действительно ушли, стал расспрашивать Леру про мать, как дела, и как у неё настроение, и куда она в этом году в отпуск летала...

— Дядя Алик, а вы сможете мне отказать? — игриво поинтересовалась Лера.

Он раскрыл карты, не пытаясь блефовать:

— Тебе — нет. Ты очень на маму похожа. Как будто я снова в том дне, когда её впервые встретил...

— Дядя Алик, это всё хорошо — день там, встреча, вечер воспоминаний... Но я по делу. Я хочу у вас возглавить новый департамент...

— Прямо так сразу? — восхищённо изумился Совенко.

— А чего тянуть? Вы умный, я умная, нам много слов не нужно... Департаментов под вами туча, одним больше, одним меньше...

— Сколько?

— Один...

— Чего «один»?!

— Департамент...

— Это я понял. Сколько это будет мне стоить?

— Ничего это вам не будет стоить. Ну, то есть потом это даст большие прибыли, а вначале — нужно только утвердить мою кандидатуру. Как говорили ваши отцы и наши деды — «у вас товар, у нас купец». Есть алмазы, Виталий Терентьевич. Много алмазов. Их готовы отдать.

— Что взамен просят?

— Капсулы самовоспроизводящихся оазисов. Речь идёт о пустыне. Африканской пустыне. У меня хорошие связи с руководством Средней Африки, и я готова вложить их в дело. Ну, а от вас — солнцезооустойчивая зелень...

— Много девушек просили у меня зелень, — задумчиво улыбнулся растроганный дядя Алик. — Но обычно они имели в виду американские доллары...

— Долларов не надо, дядя Алик, доллар — бумажка. Они принадлежат не тому, кто их получает, а тому, кто их даёт. Как эфир...

— А что эфир? — заинтересовался Совенко.

— Принадлежит не радиоприёмнику, а радиостанции...

— Интересные у тебя аналогии! — восхитился дядя Алик.

— К чёрту аналогии! Доллары брать — себя в кабалу загонять... Мне нужен эмбрион оазиса, зелёный густок, который умеет достать корнями до водоносного горизонта хотя бы на первом водоупорном слое...

— Хм! — подсобрался Совенко, припомнив в напоре этих слов себя в молодости. — Ход твоих мыслей мне нравится... Продолжай...

— Первым пунктом — декларация о намерениях между АО «Биотех»... — она кашлянула и поправила: — Моего департамента в АО «Биотех» с правительством Средней Африки... Далее — складчина. Мы и они.

— Черномазые сколько готовы вложить?

— Сколько скажете, дядя Алик, но с одной оговоркой: у них ничего, кроме алмазов, нет. Так что вкладываться они будут алмазами. Им больше нечем.

— Ну, не беда, не беда... — утешил Леру Совенко в этом самом узком и спорном месте её бизнес-плана. — Алмазами так алмазами, найдём уж мы, куда алмазы-то деть...

— Тогда по рукам, дядя Алик? — улыбнулась Лера. А потом придвинулась к боссу несколько ближе, чем позволяет деловое личное пространство, и сказала тихо, вкрадчиво: — И помните, я всегда на связи... Любой ваш каприз, дядя Алик... Только шепните «на трубу»... Я — отзывчивая... С детства...

* * *

Господа Мбава и Нагав Думаль были из породы «густых» негров — то есть не шоколадных, а лиловых с гуталиновым блеском кожи. Традиционного оскорбления «только вчера с дерева слезли» они бы не поняли, ибо в их пустынном, выжженном солнцем краю почти нет деревьев, всё больше песок да солончаки.

Оскорбление «людоеды из племени ням-ням» было бы им более обидно. Потому что, как говорил Лере сын Мбавы Огюст, похожий на тех, из чьей кожи шьют галоши, — «это ближе к правде».

Как есть у планеты полюс холода в Оймяконе, так есть у планеты и полюс нищеты. И это страна господина Мбавы. Это не страна, а большая сковородка, только засыпанная, как кошачий лоток, песком и накаливаемая не снизу, а сверху. Но расколотое тут на камне яйцо белеет быстрее генерала Корнилова после Октябрьской революции...

Чем живут среднеафриканцы и как они умудряются там выживать, хоть и в невеликом числе, — одна из загадок мировой науки, ещё ждущая своего проницательного лауреата. Восторг господина Мбавы от пребывания в России — по рассказам Огюста в кружке золотой молодёжи — выражался во фразе:

— Ледяной рай...

К тому же США с какого-то перепугу лет десять назад наложили... Нет, не в штаны, хотя и это тоже... А санкции на Среднюю Африку. Чем ближе к краху, тем они делались всё более «ранимыми» и «обидчивыми», и совокупность их санкций в итоге их самих санировала от остального человечества. Однако стране, в которой нищета то же, что в Бразилии футбол, а в России снег, — санкции сильно дали под дых.

— Нет у них ничего! — ворчал Совенко. — Им, по-моему, даже особнячок для посольства наш Президент подарил, чтобы не позорились...

Но у них — у господина Мбава и доктора Нагава Думалья — «было чего». И теперь Совенко, молча признавая свою ошибку, рассматривал ксерокопию паспорта GIA — из системы международной сертификации бриллиантов.

Паспорт включает в себя подробный чертёж камушка, и понятные только знающим людям данные по цветности и чистоте.

— I(6)SI1(6), — читал с листа Виталий Терентьевич, а это, переводя с международного языка оценщиков на русский, около двадцати тысяч долларов.

— Неплохо, господа! — улыбнулся он уже радушнее, чем при их входе, когда улыбка была натянуто-дипломатической. Чёрные пальцы, словно бы вымазанные густым солидолом, лоснящиеся сизым пигментом крайней экваториальности, протянули ему копию другого паспорта:

— F(3)/VS1(4)... То есть, переводя на русский, в два раза дороже предыдущего.

— Это образцы... — немного смущённо сказал доктор Нагав.

— Ну, я знаю, что ради полусотни тысяч баксов вы бы не стали отнимать у меня время! — закивал Совенко. — Как я понимаю, образцы того, чем вы собираетесь платить моей корпорации. Каковы запасы?

— Кимберлитовые трубки открыты в нашей стране недавно, — сознался посол Мбава. — Но это Африка, господин Совенко, Средняя Африка, и запасы очень значительны... Продавать их на мировых площадках мы не можем из-за санкций...

— Да-да, у вас же там теперь народный режим... этого, как его...

— Скажем более сдержанно, — улыбнулся доктор Думаль, — суверенный режим. Насколько он народный — оценит история... Но все мы, господин Совенко, члены партии борьбы за независимость...

— За что вам и запретили торговать вашими алмазами! — завершил за него фразу Виталий Терентьевич.

— Но кто запретит нам заплатить алмазами или готовыми бриллиантами? Как вам будет удобнее?

— Пока никак. Далее.

— Мы можем платить алмазами корпорации «Биотех». Мы хотим приобрести у вас «Хвалынский Бур».

— Извините, Нагав, но сразу же скажу, чтобы не обманывать ваших надежд. «Хвалынский бур» разработан нами для пустынь бывшего СССР на основе полевой люцерны. Коллектив под моим руководством довёл глубину проникания корня в грунт с пятнадцати до двадцати метров, чтобы доставал до глубинных пластов грунтовых вод...

— У нас они залегают от тринадцати до восемнадцати метров...

— Рад за вас, но скажу как биолог с приличным стажем работы: наша прикаспийская люцерна не выдержит вашего климата. Дело не в том, что она не дотянет до грунтовых вод, — она сверху сварится... Извините, но мой коллектив работал для Каракум, Кызылкум, то есть расчёт был на более северные широты...

— Мы покупаем «Хвалынский бур» в комплекте с «Санталовым зонтом», — открыл Мбава чёрный, как рояль, рот и продемонстрировав белые клавиши улыбки экватора.

— Ха! — Совенко теперь уже окончательно втянулся и азартно потирал ладони. — Правда, первые участки новой экосистемы вам придётся тентовать, пока они не окрепнут... Зато потом новая экосистема расплзается сама, съедает пустыню без помощи человека!

«Санталовый зонт» — тоже изобретение академика Совенко. За основу он взял родственное омеле самое южное санталовое дерево — Озирис Альба. У этого дерева в лабораториях «Биотеха» развили до совершенства природное свойство многих ремнецветных — цепляться к чужим корням. У омелы и её родичей этому служат так называемые «тательные вещества» — очень активный фермент. Он и обеспечивает паразитические, сосущие функции своего корня.

В итоге АО «Биотех» смогло презентовать «экосистему под ключ», которая самоходом, самотягом заполняет пустынные мёртвые пространства, превращая их в зелёные, полные жизни, а главное (для негров) — заветной воды рощи. Возникает симбиоз: травушка-муравушка двадцатиметровым буром своего корня качает грунтовые воды, а санталовые деревья сверху прикрывают её от прожарки как бы зонтиком, создавая у своих корней, сидящих на чужих корнях, мякотький «тенёк».

Правда, Средней Азии, ради которой старался советский учёный, это теперь не нужно — у них другие заморочки, клановые и ваххабитские войны, строительство золотых статуй племенным вождям и тому подобные важные задачи. Но, если верить господину Мартину Мбавае, который в тёмном углу кажется глазами и зубами чеширского кота, висящими в воздухе, — «экосистема под ключ», патент Совенко и группы его соавторов, нашла себе новых поклонников!

— Всё это прекрасно! — рекламно осклабился Совенко. — Но у вас немного устаревшая информация... «Хвалынский бур», «Санталовый зонт» — они работают, но наука не стоит на месте, и я могу предложить вам кое-что поновее...

— Что именно?

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... Они договорились о встрече на «объекте» и ушли.

* * *

— Ну вот... Если в миниатюре, то это так работает... — сказал академик Совенко, снова с удовольствием, с потеплением давно холодных глаз, широко

ко, по-хозяйски, расставив ноги и раскинув руки посреди ажурно-светозарной оранжереи ОПХ при «Биотехе».

«Чисто по-человечески... Нет ничего интереснее науки... Мне бы очень хотелось заниматься только этим... — сознался он как-то раз сотрудникам лаборатории. — Но если бы я занимался смолоду только наукой — я бы сейчас на оптовом рынке таскал клеенчатые «кравчучки»¹ с турецкими лифчиками, а не корпорацией руководил...»

В принципе, нет ничего нового в том, что луковицу втыкают в землю и она растёт. Так делали ещё до Рождества Христова — и ничуть не удивлялись эффекту (а надо бы!).

Но та «луковица», которая, с целью демонстрации возможностей, за стеклом в разрезе, — не луковица! Присмотревшись, наклоняясь корпусами вперёд, чрезвычайный и полномочный посол Средней Африки в РФ господин Мартин Мбава и его спутник — доктор Жан Батист Нагав Думаль разглядели это. То, что издали казалось луковицей — на самом деле было комком земли, воткнутым в песок. Комок почвы, если можно так выразиться, «заражён» несколькими травинками разных видов, в разрезе видны их корешки. И по смене цветности гумуса видно, как постепенно комок жизни «раздвигает» мертвечину песка, делает песок вокруг себя сперва не совсем песком. А потом совсем не песком.

— Это эмбрион оазиса! — с улыбкой объяснил неграм Совенко. Ему нравилось... Даже не так! Ему чертовски нравилось сменить пиджак «от Армани» на белоснежный сатиновый лабораторный халат...

— Mais comment, мсье Совенко? — растерянно пробормотал словно бы морилкой крытый «док». Что означает «но как?», умноженное выражением глаз, казавшихся бильярдными шарами на чёрном бархате...

«Док» Нагав Думаль лучше всех мог понять суть. Учёный-агроном, учился в Оксфорде и ещё много где, легко отличит морковь от пастернака, что, кстати, совершенно недоступно господину Мбаве, страдающему дальтонизмом. Человеку, путающему цвета, братья отличать пастернак от моркови, или очень самонадеянно, или требует серьёзной ботанической подготовки.

Оба гостя были в дорогах, шитых на заказ европейских костюмах, в которых негры всегда невольно вызывают улыбку (добрую или нет — зависит от уровня расизма), но при этом в «эспадрильях», проще говоря, в обтягнутых матерчатых тапках на толстой резиновой подошве...

— Как жизнь поедает смерть? — лукаво улыбался академик. — Ведь обычно, вы привыкли, всё наоборот?

— Да... Энтропия накапливается, энергия расточается...

— Живое вещество, доктор, имеет исключение из этого правила! Ведь геном — не материя, скорее, чистая информация... Мы берём комок плодородной почвы, в нём растёт трава. Она размножается и, размножаясь, подбедает песок вокруг комка... Если мы предоставим этот аквариум самому себе, то вскоре трава переделает весь песок в почву! Здесь таинство круга жизни: она питается гумусом, но она же и создаёт гумус... Что первично, что вторично — вопрос не ко мне, а к Богу! В самом деле, господа: трава растёт на травяных останках, и если бы не конец травы в начале, то не было бы и начала травы в конце...

— Но энтропия! — почти кричал Нагав Думаль. — Куда вы деваете энтропию?! Это же какой-то «перпетуум-мобиле»!

— В готовом виде это кажется чудом... — согласился Совенко. — Но на самом деле это продукт аптекарской точности лабораторной подгонки. Секрет — в балансировке ёмкости поглощения почв. Мы буквально поштучно считываем все обменные катионы в почве заказчика и под эту мерку подгоняем соотношение ионов бария и водорода...

— Это как при донорстве крови! — догадался доктор Нагав Думаль, обращаясь скорее к шефу, Мартину Мбаве, чем к гордому собой Совенко. — Плоть отторгает инородные ткани, но когда ткани однородны, то они срастаются!

— Если мы просто возьмём кусок дёрна, — перешёл Совенко на французский язык, чтобы не ждать, пока промычит переводчик, — и вставим его в вашу пустыню Гунпоку, он засохнет и превратится в песок. Потому что миллиэквиваленты ёмкости поглощения у чернозёма — 60, а у вас около 15. Но если мы сведём ионы в зародыше оазиса с окружающим грунтом, то зародыш приживётся в пустыне, как в матке!

— Палящее прямое солнце... — бормотал, словно пьяный, пошатываясь, чернокожий агроном-патриот.

— На первом этапе проживания тентуем! — понимающе откликнулся Совенко.

— Охлаждённая почва?

— Холодильные стержни в эмбрионе оазиса под тентом запитаны от солнечных батареек на его поверхности... Так регулируется охлаждение грунта: чем сильнее лучи сверху, тем больше охлаждения в грунте... Ну, это всё роддом для оазиса! — Совенко счастливо и, казалось, безоблачно рассмеялся. — Vous voyez, docteur², когда растительность прижилась, привилась — она уже сама себя учится регулировать. И, отталкиваясь от изначального сгустка, она ползёт во все стороны, это базовый вегетативный инстинкт!

— Ёмкость поглощения измеряете по Аскенази? — понимающе уточнил Нагав Думаль.

— Нет, у нас есть своя, советская шкала, профессора Никольского... Раствор ВаС12, имеющий пи-аш семь-ноль...

¹ Сумка мелкого торговца-«челнока», прозванная так в народе «в честь» президента Украины Кравчука.

² «Понимаете, доктор» (фр.).

— Какой великой была ваша страна, мсье Совенко! — позавидовал Нагав Думаль.

— Ключевое слово: «была», — поджал губы академик, наверное, единственный, кто ещё помнил про метод Никольского.

4

Она хорошо смотрелась, сидя на фоне огромной рекламной надписи «АО «Биотех», выведенной во всю стену металлическим шрифтом по зеркально-глянцевой дубовой панели. «Она и так хорошо смотрелась бы, на любом фоне, — думал о красавице Совенко, — но на этом — особенно. Она — дома. Во вращающемся кожаном кресле бокального профиля, закинув ногу на ногу...».

Закурила тонкую сигаретку.

— Здесь вообще-то не курят... — иронично прищурился Совенко.

Она взглядом, без единого слова, но выразительно показала на дымившуюся в пепельнице сигару.

— Я правила устанавливаю, а не соблюдаю, — пояснил дядя Алик. — Это моя...

— Так ведь и я ваша, дядя Алик, — зубоскалила чертовка.

— Ладно, будет нас таких теперь двое... — покладисто смирился грозный босс. Если бы персонал увидел при этом меру снисходительности на его лице — искренне бы удивились.

— Чего там Якорёк с Лизкой делают? — поинтересовался заискивающе Совенко, с которым сын теперь не общался даже по телефону.

— Создают хоспис для малоимущих пожилых людей! — скроив презрительную мордашку, сдала молодёжь Валерия Очеплова.

— Ну вот... — Он не мог и не хотел скрыть досаду. — Наркоманы они, что ли, падлы?!

— Совершенно точное определение! — с готовностью поддакнула Лера, никогда — впрочем, взаимно — не понимавшая младшую сестрёнку.

— Что касается нашего с тобой дела... — Виталий Терентьевич ещё раз углубился в бумаги с яркими логотипами. — Конечно, если я рывкну, они все пригнутся... Но попробуй сперва поговорить с ними без меня, это тебе нужно для внутреннего роста... Попробуй объяснить, заинтересовать, совет директоров проведёт Максим Львович, а я с монитора посмотрю, инкогнито...

Лера была не против объяснять, заинтересовывать, приготовила пламенную муви-речь на основе бизнес-проекта, но ничего этого не потребовалось. Если в зале заседаний совета директоров АО «Биотех» когда-то и бушевали вулканические страсти, то теперь это давно уже потухший, самоуспокоенный и самодовольно-равнодушный вулкан.

В огромную залу, занимающую весь верхний этаж головного офиса, человек, — и как вы понимаете, далеко не всякий, — попадал через пост охраны у от-

дельного, всего с двумя кнопками, стеклянно-прозрачного панорамного лифта. Хрустальная пилюля поднималась через пищевод корпорации к её мозгу. Когда раскрывались, подобно зеркальному шкафу, челюсти её дверей, человек оказывался в неправдоподобно-стерильной, ионизированной офисной обстановке. Здесь приятно пахло ароматизаторами и неприятно — скукой. Солнце било в панорамные, во всю стену, окна, а кондиционеры нагоняли прохладу.

На стене визитёр замечал дюжину выпуклых часов-линз, напоминающих яичницу-глазунью, показывавших время ведущих столиц мира. Смысла в часах никакого не было — это просто хозуправление «понтывалось»...

По углам залы заседаний красовались выполненные в благородной бронзе скульптуры: снопы спелой пшеницы, обвитые лентами колхозной славы. Вдоль стен — тонкой работы, но глупо выглядящие статуи быка, свиньи, коровы и промыслового краба. Этими деталями люди, собиравшиеся здесь, пытались обмануть других, да и самих себя, что они не просто «бабла срубить» собрались, а для чего-то большего и благородного...

Львиную долю пространства съедал убегающий от зрителя вдаль, как дорожное полотно, заседательский стол премиум-класса, изготовленный на заказ по уникальному и несколько шизанутому эскизу. Это был скругленный по углам, очень длинный треугольник. Плянец горчичного «хорошего тона» зеркалил бесчисленные потолочные светильники, и так цепко, что казалось — сам он изнутри сочится вязким медовым светом. Полировка «чуткая»: приложи руку — и останется отпечаток...

Форма закругленного треугольника пыталась ненавязчиво намекнуть о «рыцарях круглого стола». Столешница выпирала шпоном корневого среза камфоры и бликовала игриво разбегавшимися по белым стенам солнечными зайчиками.

Кричаще-томатный, насыщенных оттенков ворса ковровин сочетался с такими же ядовито-красными мраморными колоннами вдоль стен и огромных витрин-окон на правой стороне залы. Кресла чёрной кожи, на роликах, казались растолстевшими пухлотой комфортных подушек офисными «стандартами». Перед каждым креслом расположился закрытый ноутбук, и, судя по всему, эти декоративные ноутбуки редко открывали здешние обитатели...

Вопрос о новом департаменте стоял в повестке совета директоров третьим, после вопросов о юбилее акционерного общества и о ведомственных наградах. Председательствующий зампред, Максим Львович, с детства знакомый Лере «дядя Мак», скучно поставил и скучно решил этот вопрос:

— Ну так, семью Очепловых мы хорошо знаем, товарищи, это наши акционеры с первых лет... Вот Валерия Дмитриевна Очеплова, утверждаема ныне на должность директора новообразуемого департамента... Департамент озеленения Африки и алмазной добычи... Вопросы, возражения есть?

— Однако... — крикнул сбоку один из заслуженных, почётных директоров, Мушной.

Тот самый Алексей Борисович Мушной, не только Герой Соцтруда, но ещё и неплохой художник-иллюстратор, ежегодно рисуящий друзьям календари с красотками «пин-ап». В этот раз он привёз в столицу две рукописи. Одна называлась «Детство — лучший возраст» и содержала в себе стихи и эссе, написанные в раздумьях на морском берегу. Вторая более романтично: «Отходы — в доходы. Использование субпродуктов, не востребованных при консервировании крабов». Обе книги Мушной рассчитывал опубликовать в отраслевом издательстве «Пищевая промышленность».

— Однако...

— Что, Алексей Борисович? — сморщился дядя Мак.

— Озеленение Африки и алмазы... Это же будет какая-то мистерия...

— Какая мистерия? — всё больше раздражался председательствующий.

— Буфф...

— Ну, какая мистерия-буфф? — заполошно заорал дядя Мак. — Что, «Баня»? «Клоп»? Я других-то мистерий-буфф не знаю, объяснитесь, Алексей Борисович!

Но Алексей Борисович Мушной, считавший лучшим возрастом своё детство, углубляться в тему не стал и первым поднял руку, косым жестом пиратской сходки. Лера сразу представила себе его в тельняшке, верхом на бочке, с кинжалом за поясом.

— Голосую «за»!

— Вот сразу бы так... — шкворчаще отошёл дядя Мак. — Ещё какие мнения по новому департаменту?

Очепловой было немножко обидно: этих стариков она помнила по детству, по маминым раутам, ещё крепкими и энергичными, когда они ещё непосредственно руководили своими предприятиями, а не сваливали всю практику, как сейчас, на «исполнительных директоров», одновременно затыкая своими дряхлыми телесами этим «исполнительным директорам» дорогу наверх.

Они оставили за собой только ревматические и геморроидальные сиделки, начинавшиеся ближе к обеду, чтобы старичье успело выпастья, покряхтывая, постанывая, собраться — а потом позаседать часа два. На большее их сил уже не хватало. Потом, прозаседавшись, они обычно переходили в буфетное помещение, специально перенесённое на этаж конференц-зала, чтобы им не устраивать лишний раз гонок на зеркальных лифтах.

В буфете для небожителей, естественно, никакого фуршета или «шведского стола»: места сервируются сидячими, и ещё странно, что не лежащими! Укомплектованы они не стульями, а мягкими полукруглыми креслами. Здесь директория АО «Биотех» удовлетворённо закусывает салатом с трюфелью, осетриной, каперсами, макая в медовую кремлянку кубики пармезана на серебряных шпажках, некото-

рые же по здоровью просят пшенной или манной каши. Выпивают всякого медицинского свойства ликёрчики да наливочки, иногда кто-нибудь из мафусаилов притащит домашнюю перегонку. Неприличная композиция из корнишонов и перепелиных яичек-пашот (по два яичка сбоку от каждого корнишона) подаётся на бамбуковом листе, с топазовым мерцанием сопровождающего таинство грановитого сосуда с уксусом бальзамико.

Обсуждаются всё больше темы здоровья, пользы для суставов и вреда мигреней, кто-нибудь расскажет, что очищенную луковицу надо грызть как яблоко — мол, залог долголетия. Между этими главными темами директория похода решает формальности: сама себе придумывает вознаграждение за участие в заседании совета (посидели два часа — тысяча триста каждому выписали) и объёмы выплаты дивидендов на текущий квартал.

Семья Очепловых — акционеры и значительные пайщики: дивиденды Лере приходят с детства, постоянно возрастая в долларовом эквиваленте. Но когда она школьницей получала огромные суммы — точнее, уведомление об их именном и неприкосновенном до совершеннолетия зачислении на банковский счёт, — дядьки директории казались ей мудрецами и волшебниками. Теперь же она видела перед собой полустёртые, как на хожалой меди, профили, усталых и больных, год от года всё тяжелее, людей. Трудно понять, как с таким руководством постоянно растёт капитализация компании!

У них осталось разве что одно достоинство: покладистость. Это даже не оппортунизм как осмысленное поведение, а плохо понимаемое детское желание поскорее смыться из-за парты: что старый, что малый — одни мотивы.

Когда встал вопрос о новом департаменте, под Валерию Дмитриевну Очеплову, то они не слишком колебались, украдкой — как им казалось — поглядывая на стенные и наручные часы.

— По сколько скидываемся? — обречённо поинтересовался «пьеро» этого совета директоров, Георгий Степанов. Лера его давным-давно не видела и теперь думала, что он не иначе, как после инсульта. И говорит-то пришепётывая...

Степанов имел в виду, что когда создаётся новый департамент, то старые департаменты скидываются на «подъёмные». Но дядя Мак заверил дядю Гогу, в советские годы дарившему Лериной маме в приёмной неизменные шоколадки, что новый департамент предыдущим «ничего не будет стоить».

«Какое же скучное место этот ваш совет директоров! — думала Лера, обегая глазами собрание богатых и усталых, жизнью, как молью, приетых старпёров. Грустно видеть такими тех, кого с детского сада помнишь «рысаками». — Может, зря я сюда вообще влилась?»

Максим Львович поздравил Леру с «вливанием» — при том, что никаких капиталов ей коварные старцы не «влили», и вручил с минимумом торже-

ственности чёрный кейс из натуральной кожи, с двумя выпуклыми декоративными швами-оплётками.

Они разошлись, оставив после себя листочки с наивными рисунками скучавших на заседании людей. Очеплова, проводив «олимпийцев» на ланч, осталась подумать, щёлкнув золотыми замками корпоративного кейса.

В угловатом стильном дипломате, впрочем, мужском, неудобном для женщины и нелепо выглядящим в её руке, Валерия Дмитриевна нашла стандартный набор для директора департамента АО «Биотех». Распечатка с цветными логотипами — положение о департаменте, длинный список, что директор может делать сам, и ещё длиннее — что он может делать только с согласия совета директоров.

Целый ворох рекламных глянцевого буклетов с золотыми обрезками — каждый из которых знакомил с самой выгодной стороной какого-нибудь из департаментов. Куча сувенирной и представительской продукции — ручки, значки, шейные платки, мужской галстук зелёно-золотой расцветки, блокноты с улыбочивыми селянами и навязчивым логотипом АО «БТ», сувенирные рулетка, фонарик, табличка «если мой автомобиль мешает вам — звоните», тоже с логотипированием.

Ниже — цветной, с водяными знаками, пропуск на лобовое стекло, общий для всех, не опускающийся до конкретных имён — «Директор департамента АО «Биотех». И конечно же великолепной полиграфии фотоальбом, к каковым питала слабость начальник ХОЗО «Биотеха» Ева Алеевна Шарова: «АО «Биотех»: держим жизнь в ладонях».

Лера ревновала: и смешно, и страшно на душе! Ревновала к Еве Шаровой, которая поставила на обложку корпоративного фотоальбома свою фотографию с Совенко. Каждая баба, оказавшись возле Виталия Терентьевича, в силу, видимо, его провоцирующего поведения начинала играть роль его жены. Лера это знала по своей мамаше, но и Шарова недалеко ушла, судя по той позе собственницы, в которой она сфотографирована возле босса.

От Совенко исходили токи власти, бабы млели, ощущая силовое поле его способности убить одним взглядом. При этом им бросалась в глаза его удивительная бытовая необустроенность, драные носки человека, который ест в кабинете, живёт в вертолётке и даже спит зачастую, откинувшись головой на спинку рабочего кресла...

Мать рассказывала Лере со смехом, что однажды её угораздило спросить у «дяди Алика»:

— Ты когда последний раз был в отпуске?

— Я?! — Вопрос явно застал его врасплох. Он наммурил брови, припоминая, и с изумлением сделал для себя внезапное открытие, о котором раньше просто не задумывался: — Кажется, никогда...

— Я уйду в отпуск, обычно к началу июля, — говорила мать. — Он сидит. Прихожу ближе к августу — он там же сидит, где оставила, и такое чувство, что без меня он не двигался...

— Алик, сходи в отпуск!

— Отпуск нужен тем, кого кто-то держит, — резонно отвечал Совенко. — А меня кто держит? Я в любой момент могу слинять...

— То-то ты линяешь, прям-таки утром, днём и вечером! — смеялась Алина Очеплова. — По разным туристическим маршрутам, самый далёкий из которых — путь до встроеного в стену бара...

— Если я перестану работать, — объяснил Виталий Терентьевич, — я начну думать: о жизни, о людях, об истории... А это жуткая депрессия, Аля... Так-то я хоть отвлекаюсь, в зарослях укропа гоняясь за яйценоскостью... Поверь, яйца нести гораздо проще и веселее, чем судьбу человечества!

Жуткий «мужской шовинизм» Совенко проявлялся в том, что он позволял женщинам делать с собой что угодно: настолько был убеждён в своём превосходстве. Мужчинам, идущим к нему на приём, рекомендовали надевать памперс. Но такая, как мать Леры Очепловой, могла разлечься с каблуками прямо перед ним на столе — а он только лыбился, как будто перед ним кошечка шалит...

* * *

И получился... ДОСА/АФ! Аббревиатура, «улыбнувшаяся» в совете директоров «Биотеха» тех, кто постарше. ДОСА — это «Департамент Озеленения Средней Африки». АФ — это «Алмазный Фонд». Поскольку контракт неразрывно связал одно с другим, меняя алмазы на оазисы, Совенко счёл уместным объединить Алмазный Фонд и Службу Озеленения в одном департаменте своей корпорации.

— Как, как?! — рассмеялся Президент, к которому Совенко явился «утрясать политическую сторону»: ведь всё же речь шла о международных отношениях. — ДОСААФ?! Вот умеете вы, Виталий Терентьевич...

Но что Виталий Терентьевич умеет — Президент не договорил. Шутки кончились. Лидер стал серьёзным. Втянулся в раструб вопроса, взвешивал плюсы и минусы. По глазам видно — уже решился «дать добро». Но, споря скорее сам с собой, сомневался:

— Шила в мешке не утаишь. В заднице тем более. Такой контракт в тайне не удержишь... Стоит вам туда сунуться со своим озеленением — и все американские газеты завоюют: личный бульонщик Президента лезет в Среднюю Африку! Кровавые бриллианты кремлёвских ЧВК! Они завоюют — а наши подхватят. Вы к этому готовы, Виталий Терентьевич?

— Ну так, волков бояться — волчиц не иметь, — ответил Совенко убедительным афоризмом.

Президент улыбнулся — как всегда у него, слегка, полутонком, намёком на улыбку.

— Не знаю, как там ваши эмбрионы оазисов, но бриллианты — дело хорошее. Бриллианты — лучшие друзья девушек, а девушек мы любим!

Дальше они поговорили на тему бананов в Латинской Америке. Латинская Америка в последнее десятилетие стала много о себе мнить — и её банано-

вые плантации «вдруг», откуда ни возьмись, сожрал какой-то генномодифицированный червь. Не иначе, как из американских биотехнологических лабораторий... АО «Биотех» в рекордные сроки нашёл и модифицировал под новый вид червя жучка, его естественного врага. Жучок жрал червя, не давая червя жрать корни банановой травы...

Но, поскольку червя было очень много — жучка тоже требовалось очень много.

— Дело это геополитическое! — напутствовал Президент академика Совенко. — Когда Латинская Америка без бананов — дядя Сэм на коне... А с бананом в заднице ему скакать-то будет несподручно... Ну, и как там наш банановый жучок? — спросил он вскорее.

— Нормально, господин Президент. Направил туда Никиту Питрава, он с ребятами доцентам с кандидатами фитиль куда надо вставил... В итоге «подсадили жучка» всей экваториальной зоне...

— А без Питрава нельзя было? — нахмурился Президент.

— Без Питрава научная сила там всё больше текилой баловалась и с креолками тусовалась... Это у вас, господин Президент, задача быстрее выполнить контракт. А у доцентов с кандидатами задача обратная: тянуть контракт как можно дольше! Я вам давно говорил: шарашки нужны. Сажать их — и выпускать только когда президентскую премию заслужат!

— Это не наш метод...

— Ну... наш, не наш, а человек так устроен: если он может не работать, то он не работает.

— По вам такого не скажешь, — скептически окинул академика взглядом Вождь и лучший друг банановых плантаторов. Вот этого под руки в шарашку чекистам вести не нужно: сам оттуда не вылезет. И не выгонишь! Вот уж у кого, памятуя творчество Стругацких, «понедельник начинается в субботу»...

5

Телефонный разговор с Алиной Игоревной Очепловой, мамой Валерии Очепловой, был для него психологически сложнее, чем даже с Президентом. У Президента он чувствовал почву «почти почтения» под ногами. А на мысленно-воображаемом ковре у Алины — вину.

— Звоню тебе сказать... Не имею права не поставить в известность... Лерочка открывает в «Биотехе» свой департамент...

Молчание на проводе. Дыхание женщины, той, что всегда сводила его с ума своим дыханием.

— То есть как «открывает», Алик? Без тебя? Мне кажется, правильнее сказать, что это ты ей департамент открываешь...

— Можно и так сказать...

— Я не хотела её в Москву отпускать. Я знала, что какой-нибудь такой фигнёй закончится...

— Всё будет нормально, — попытался утешить Совенко суконно-казённым голосом. — Ну, не на смерть же я её посылаю!

— Ничего не будет нормально, Алик! С тобой никогда ничего не бывает нормальным... Я знала, знала, что её примагнитит к тебе, но я надеялась: мегаполис, десять миллионов дураков в свальном грехе, может, разминутся... Моя порченная кровь — она как почтовый голубь в голубятню, к тебе дорожку отыщет, где ни выпусти...

Он обиделся. Таким тоном Алина с ним никогда не говорила. Обидевшись — стал мстить.

— Знаешь, — когтил он с привычной, уже неосознаваемой по причине многолетнего употребления, жестокостью матёрого зверя, — а я у тебя всё ещё привлекательный... Если бы ты видела, как она со мной разговаривает, как глазками стреляет, прямо из джинсов выпрыгивает мне навстречу...

— Зачем ты приближаешь её к себе? Она авантюристка, она адреналино-зависимая, но она студентка, а ты-то, мягко говоря, взрослее, умнее... Опытнее наконец... Ты что, не мог её просто выгнать, с её предложениями?!

Он плотоядно мурлыкал:

— Ты же знаешь, я никогда и ни в чём не мог тебе отказать... А она так похожа на тебя в нашу первую встречу... Так похожа...

Его руки, когда-то такие желанные, теперь вспомнились Алине Игоревне очень липкими. Невыносимо, тягуче липкими, какими, наверное, вспоминала бы чудом вырвавшаяся муха клейкие нити растения-мухоловки...

Он чудовище и всегда был чудовищем. Но чтобы до такой степени потерять всё человеческое? В свой «крик шёпотом» она вложила всё своё отчаяние и бессилие, ледяной ужас перед прожитой жизнью:

— Побойся Бога, Алик... Она же твоя дочь!

— Но ты ей об этом так и не сказала...

— Сам скажи! Хоть раз в жизни сделай что-нибудь без референтов и отписок нижестоящим! Как я тебя ненавижу, Алик, если бы ты знал, как я тебя ненавижу...

— Ладно-ладно, — сдал он на попятный. — Я шутил, Аля! Не такой уж горький я пропойца... Поверь, Алинка, у нас чисто деловые отношения... И знаешь: я ею горжусь. Горжусь больше, чем сыном.

— Ох, не радует меня такой комплимент... Из твоих-то уст...

Жизнь — такая простая штука. И такая сложная. Коллеги по работе, оба с этой работы не вылезавшие, именно там и завели общего ребёнка, чего же проще? А где им ещё?! Потом коллеги разъехались по разным городам — чего же проще, даже пошлее? А теперь мать ревнует собственную дочь к её же биологическому отцу-биотехнологу, что может быть сложнее? Их мир, мир Алики и Али, много лет полон чудовищами — и то, что ревнующая отца к дочери мать чудовищна, — для них обыденно. Потому что у них вообще всё, за что ни возьмись, чудовищно, че-

го ж для этого делать исключение? Жизнь — простая сложность и сложная простота...

— Ты приедешь ко мне? — кусает Алина слезами, зло и умоляюще. — Я знаю, что ты скажешь — занят... Я знаю, но... Ты приедешь?! Ты всегда был занят, всю мою жизнь...

Он молчал в трубку. Заставить его виновато молчать — не мог никто на Земле, кроме одного человека. И этот единственный человек ждал на другом конце провода. Ответа или извинений.

— Ты сможешь приехать? Алик, тебе семьдесят, и хотя я тебе в дочери гожусь, мне уже тоже...

— Семьдесят? — попытался он жестоко пошутить.

— Чужого не шей, начальник, а сколько докажешь — все твои...

— Ты думаешь, что в сказке про Красную Шапочку я — волк?

— Насколько я помню, дедушки там не было... Только бабушка, мама и внучка... Я так думаю, что это Таня, я и Лерка...

Боже мой, как это омерзительно-мило, она до сих пор мстит Татьяне Шумловой, что не смогла занять её место «подле подлеца», теми шпильками, всю ядовитость которых может понять только женщина!

— Мы уходим от темы, Алик! Ты приедешь? Для меня это очень важно...

— Я приеду... — выдохнул он дрожащим голосом.

Когда бывшая секретарша властно вызывает тебя на ковёр — спасение целого мира может подождать. Или, точнее, миру придётся подождать!

* * *

Старая, ещё партийная, номенклатурная охотничья база «Золотая горка» под Питером, в нескольких часах езды от городских застав, из года в год прирастала своей глухотой глухотами умирающих деревень и скелетов антропогенного ландшафта вдоль зарастающих дорог, и призвана была ответить на вопрос изнеженного начальства: как «сходить на медведя», сильно до него не доходя.

Угодья «Золотой горки» чёрнёным серебром из снега и бурьяной разбросались по живописному озёрному берегу и со временем всё более переполнялись тетеревами, глухарями, медведями, рысями, лосями и даже волчьими стаями, романтично воющими в холодные ночи где-то за холмами номенклатурных бивуаков. Новое начальство, «федерасты», не умело ничего — в том числе и охотиться. Поскольку ехать на внедорожниках в эту дичь приходится почти полдня, то руководящие кадры обычно сюда добирались поддатыми и для дичи относительно безопасными.

Чиновник Администрации Президента, бывалый и тёртый кремлёвский сиделец Осип Германович Блефе, один из плеяды вычурных дворянских фамилий, мода на которые у этой администрации была, как у большевиков инвентарные псевдонимы, ехал открывать новый метано-танковый корпус корпора-

ции АО «БТ». То есть выпить, закусить и потусить. Попал же в кипящие недра митингующих рассерженных горожан, оттого хоть и перерезал положенную в таких случаях красную ленточку — но ни аппетита, ни куража для гулянки уже не стало...

Внешне Блефе аристократа напоминал только чинно-аккуратным, номенклатурным шёлковым кашне-валуа в растворе бутикового пальто элитной смесовой шерсти. А так, если отдельно от гардероба, гляделся скорее хуторским литвином, рыжим, но не огненно, а блекло, выгоревше, в щедрой осыпи остзейской веснушки, блинно-круглолицым, но с тонкими губами, большеглазый взгляд водянистый с белотным оттенком... В целом человекек мосластый, среднерослый и чем-то, каким-то холодом нутра, что ли, отталкивающий...

Отталкивавшая и вместе с тем принимающая сторона, хозяйка «питерского плеча» корпорации Алина Игоревна Очеплова, — боялась называть гостя по фамилии, потому что один раз чуть было не назвала его «Витте», а в другой «Струве». И в третий, решив не рисковать, чуть не путив с губ фамилку «Плеве», поименовала, как на грех, «уважаемым Осипом Эмильевичем», вообще произведя в Мандельштамы. Но Блефе не обиделся. Блефе плевать было, как его называют — Очеплова вообще подозревала, что «Шуваловы, Нарышкины и Ромодановские» нового двора такие же оболенские, какой был из Зиновьева муж Зины, а из Каменева каменотёс...

Осипа Германовича беспокоило, что Президента так не любят в его родном городе, о чём он сетовал, пригорюнившись в кожаном салоне внедорожника, с библейской витиеватостью:

— ...пророка... в Отечестве своём...

— Оставьте этот вздор, — утешила его Алина Игоревна, до пенсионного возраста, звавшаяся Алинкой-Малинкой. — Не любят нужных. Ненужных и никчёмных ненавидеть не за что.

В причудливых метаморфических породах смятых слоёв российского политикума власть площадных полудурков смотрела на родную ей площадную толпу и как в зеркало, и как в проём Машины времени. Она сама отсюда вышла с триколором — и на склоне лет устало и томно держала дверь от собственных клонов, оголтело рвущихся следом.

— Для меня есть только одна легитимная власть, — сознавался Совенко, — власть Разума. Её легитимность — не в преемственности и не в выборности. Её легитимность в том, что она не сошла с ума. И сохраняется такая легитимность до тех пор, пока поступки и предложения власти разумны, доказуемо-полезны. Мне абсолютно похрен, каким образом оказались у власти те, кто дали крестьянам трактора взамен сохи! Для меня аргумент — трактор, а не лукавые проценты голосов, подсчитанные одними лукавцами и оспариваемые другими...

В раскидистом бурьяновом доле, напротив замёрзшего ручья, впадавшего подо льды озера, гостям из столицы Очеплова организовала зимний

Генеральный директор*Елена Петрова***Художественный редактор***Татьяна Погудина***Цветоделение и компьютерная верстка***Александр Муравенко***Заведующая распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 125284, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Подписано в печать:

27.05.2021

Тираж 1650 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 3641-2021

Адрес редакции:*Россия,**107078, Москва,**Новая Басманная, д. 19***Телефоны***редакции:**8(499) 261-84-61**8(499) 261-49-29**отдела распространения:**8(499) 261-95-87***E-mail:***roman-gazeta-1927@yandex.ru***Сайт:***www.roman-gazeta-1927.ru*

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

пикничок. Здесь работники охотобазы уже сложили огромный костер-нодью, с длинными брёвнами поперёк поленьев, обложили хворостом, обильно полили стекавшей маслянистыми потёками по дереву жидкостью для розжига. Осталось только бросить спичку — и посреди зимы возникло лето.

Вокруг нодьи расположились надувные коврики, карматы, раскладная мебель, на которой небрежно раскиданы были одеяла и пледы. Капоты внедорожников заменили собой столы. На них с завидной скоростью отработанного жеста выставили пузатые термосы, одноразовые столовые приборы, шурша фольгой, доставали из термопакетов горячие закуски. Заранее рачительно замаринованный шашлык отправился на мангал и обильно запахом простым и незамысловатым — оно же единственно-возможное — человеческим счастьем.

Пили виски с мёдом, запивая травяным чаем, закусывали по-свойски — ветчиной с сыром и помидорами, красной рыбой, дольками варенных вкрутую яиц. Не уступали в востребованности сосиски в тесте и печёная «как в детстве» картошечка...

— Вначале они ввали, — расфокусированно и трусовато бормотал Блефе, видимо, вспомнив свою бурную молодость тухловремени «народных фронтов». — Что это брожение нужно для роста уровня жизни населения. Потом уже забыли и про рост, и про уровень жизни, и про население... — И завершил банальностью про вечную мятущуюся интеллигенцию и неоправдавшиеся надежды на «глубинный народ».

— Вы думаете, интеллигенция — это о мозгах? — смеялась Алина Очеплова, радужная на правах хозяйки. — Интеллигенция — это о том, как удрать с тяжёлых работ, сохраняя видимость пользы обществу... Всю жизнь с ними вожусь, кандидатами-докторами... Когда б вы знали, из какого сора растут их мнения, не ведая стыда! В этом смысле интеллигенция очень близка к проституции. Творческая интеллигенция, «голубая» и голубиная: на какой помойке покрошат, туда и прилетит.

— А «глубинный народ»? Почему это снова и снова случается?

— Что именно?

— Смута...

— Ну, а почему кишки вываливаются из распоротого брюха? — вопросом на вопрос ответил Совенко. — Кишкам бы умнее удержаться, глядишь, ещё бы и пожили... Но кишкам — вот беда — думать нечем! Как только у них появляется возможность вывалиться — они тут же вываливаются. Народ вываливает на площади по той же самой причине...

Окончание см. в следующем номере.

Начало см. на 2 стр. обложки.

помог ему стать знаменитым. Также и наша премия открывает талантливых литераторов. Достоевский писал, что у него не было никаких знакомств в литературных кругах. Ну, написал повесть «Бедные люди» и что с этим делать? Он знал имя и фамилию Николая Некрасова и пошел к нему. Очень смущаясь, вручил ему рукопись и убежал. Это было в конце мая в Петербурге, стояли белые ночи, он от волнения ходил, гулял по городу, потом пришел в свою небольшую комнату, сел у окна и вдруг в четыре часа утра — звонок. Он в недоумении. Открывает дверь, а там стоят Григорович и Некрасов, они бросаются на шею Достоевскому и говорят — мы вас поздравляем, вы гениальную книгу написали», — сказал Сергей Миронов, пояснив, что сегодня тоже рождаются талантливые литераторы и партия вносит свой вклад в их становление.

Руслан Татаринов процитировал высказывание академика Дмитрия Лихачева: «Как в Италии музыка стала нацией, так в России нацией стала литература». Мы гордимся тем, что создали премию «В поисках правды и справедливости». Она несет свет, который доходит до всех уголков нашей страны. Сегодня в этом замечательном храме знаний, сокровищнице русской литературы прозвучат имена молодых авторов. Успехов вам, а нашей премии — жить, радовать читателей большими открытиями», — отметил Руслан Татаринов.

Елена Драпеко вручила специальный диплом «За вклад в развитие русской литературы для семейного чтения» актеру, кинорежиссеру, Народному артисту РФ, Президенту Славянского форума искусств «Золотой витязь» Николаю Бурляеву.

Николай Бурляев поблагодарил присутствующих за доверие и высокую оценку и сказал, что «за 75 лет ни одна партия никогда не ставила на первое место культуру, только СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ.

Специальный диплом «За вклад в развитие литературы, посвященной Победе советского народа в Великой Отечественной войне» вручили главному редактору журнала «Москва», прозаику, публицисту Владиславу Артемову.

С поэтическим приветственным словом выступил победитель Премии в номинации «Молодая поэзия России» 2016 года Александр Антипов. Он прочитал свои стихи о войне.

Главный редактор газеты «Вечерняя Москва» Александр Куприянов сердечно поприветствовал присутствующих и сказал, что сегодня единственная партия, кото-

рая поддерживает молодые литературные таланты, — это СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ.

Соучредитель Премии — главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов рассказал, что в планах организаторов Премии издание Альманаха с лучшими произведениями победителей за все шесть-семь лет работы Премии. Он подчеркнул, что подобный Альманах позволит показать, как выросло мастерство молодых авторов, многие из которых уже сейчас начинают определять лицо современной российской литературы.

В завершение мероприятия Сергей Миронов сказал, что одно из важнейших достояний каждого из нас — это время. «Единственное, что принадлежит только нам — это время. Больше — ничего. Мы изучали в свое время роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Там была фраза насчёт того, что жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Он сказал очень точно. Нам принадлежит только время. Как вы им распорядитесь — зависит от вас». Сергей Миронов выразил надежду, что победители премии правильно распорядятся своим временем и подарят читателям немало прекрасных произведений.

cabis me in equitate tua.

Duces de tribulatio-
ne animam meam et
in misericordia tua di-
spices omnes inimi-
cos meos.

Et dispices omnes q̄
tribulant animam
meam quoniam ego
servus tuus sum.

Gloria patri et filio
et spiritui sancto.

Sicut erat in prin-
cipio et nunc et semper
in secula seculorum. amē.

Remittens **Ant.**
dñe delicta nra vel peccata
nr̄orum neq; iram su-
mas de peccatis nris parce do-
mine pp̄lo tuo quē redemisti
sanguine tuo. pp̄rio ne me-
num nascans nobis. **Act.**

